

РОЖДЕННАЯ В ПЕПЕЛЕ

Элизавета Визир

Что делать, если жизнь закончилась, а умирать совсем не хочется? Заключи сделку с демиургом, получи в подарок новое тело, магические силы, вреднющего зверька и уйму приключений! А бонусом запиши себе на счет проблемы того самого тела в придачу. Не хочешь проблем? А кто тебя спрашивать-то будет? За все в этом мире, надо платить! Особенно за право на вторую жизнь.

Героиню ждут трудности адаптации, суровое выживание и попытки приспособиться к новому миру.

Сделайте вашу работу наполненной жизнью,
а не жизнь наполненной работой.

Курт Кобейн

То, что день не задался, я поняла с самого начала. Утро выдалось пасмурным, казалось, что еще чуть-чуть — и начнется ливень, а то и целый ураган поглотит город. В комнате было все еще темно, несмотря то, что часы на стене показывали семь утра. Я лениво ворочалась, все глубже зарываясь в одеяло, и стойко не реагировала на разрывающий барабанные перепонки крик будильника. Когда я выбирала мелодию и устанавливала громкость, решила, что чем громче, тем лучше. В итоге просыпалась не только я, но и ближайшие соседи. Ближайшие по всему подъезду, ибо жила я как раз посередине, на третьем этаже пятиэтажки. Вообще, эти дома давно пора снести, они уже не подлежали ремонту и просто-таки угрожали любому прохожему нанести непоправимый вред в виде упавшего прямо на голову кирпича, а то и не одного. Но армия бабушек во главе с противной Ириной Карповной всегда прекрасно справлялась с желающими снести их жилплощадь. Впрочем, справлялись они не только с этим, но и со всем, что их хоть как-то не устраивало. Один мой скандал с Ларисой Ивановной — соседкой по площадке — чего стоил. Бабулька — с виду божий одуванчик — прямо-таки сводила меня со свету только потому, что я отказала её любимому внуку. А то, что её внук на десять лет меня старше и прослыл любителем пропустить стаканчик-другой, так это мелочи. Это я слишком придирчивая... Ох и надоели же мне эти разборки, переросшие в бесконечную войну! То мусор на коврике, то дверь мелом исписана, то почта пропадет... Пока я находилась в раздумьях о том, не пора ли найти другую квартиру, будильник звенеть перестал. Наступила долгожданная тишина.

— Прекрасно, еще пять минут, — промямлила я в подушку, вновь прикрывая веки.

Но мечтам не суждено было сбыться — теперь пиликнул телефон. Я, не открывая глаза, потянулась рукой туда, где по моим подсчетам должен был находиться смартфон. Обычно он лежал на тумбочке рядом с диваном, и этот раз не был исключением. Многолетние привычки всегда остаются с нами.

Телефон игриво мигал синей кнопкой, сигнализируя о полученном сообщении. Текст смс заставил меня подскочить. Я быстро набрала давно знакомый номер, нетерпеливо выслушала пять гудков и сразу же после сигнала о связи с абонентом прокричала в динамик:

— Что значит «Игнатьев отменяет контракт»? Вы чем там занимаетесь?

— Лиля... — голос явно пытался звучать виновато, но в нынешней ситуации я не готова была ему доверять.

— Не лилькай мне! Я уже двадцать пять лет Лиля! Что случилось? Еще вчера его все устраивало!

— Он лично, — собеседница — секретарь директора нашей фирмы Ольга Зеленская — сделала ударение на последнем слове, — позвонил утром и сказал, что его не устраивают некоторые пункты контракта.

Я мысленно уже представляла, как наша Олечка пожимает плечами. Ну конечно, уволят же не ее! Это не она работала над этим контрактом последние три месяца. Вот же бесая стерва! Вестник плохих новостей. Еще вчера Олег Юрьевич Игнатьев — директор компании с мировым именем — был согласен на все пункты контракта, который мы обсуждали не

одну неделю, тщательно рассматривая пункт за пунктом. Я уже мысленно пила шампанское и потирала ручки, подсчитывая прибыль. Эта сделка была бы прекрасным шансом продвинуться вверх по карьерной лестнице. Тем более что та самая Олечка давно метила на мое место.

— Перезвони ему, его секретарю, да хоть самому дьяволу! Назначь мне с ним встречу через час! — я была взвинчена до предела, казалось, еще чуть-чуть — и взорвусь. — Я подъеду к его офису сама.

— Конечно... Только, Лиль, ты бы пока не показывалась на глаза нашему главному, — голос Ольги так и сочился лживым сопереживанием.

Я сбросила звонок. Впрочем, чему я удивляюсь... Сама же все знала. Знала и то, что Оля спит с шефом, и то, что метит на мое место, и даже то, что Ильдар Владимирович — директор нашей фирмы — не раздумывая уберет меня с должности. Только потому, что спать с ним я отказалась еще год назад, в отличие от той же Оли. Для нее это был единственный шанс продвинуться по карьерной лестнице. Хорошо продвинуться. А девушка она — не обогащенная тяжелыми принципами, так что раздумывала над предложением шефа недолго. Ольга гордилась этой связью, ведь смогла захомутать, как сама она считала, очень удачного кавалера. И часто любила рассказывать в тесном рабочем кругу, какая у них с главным любовь. Естественно, до самого шефа и его жены эта информация не доходила. Да и сам Ильдар был тем еще мстительным козлом, а потому права на ошибку я просто-напросто не имела. Давать шанс этим уродам я не собиралась. Этот контракт должен был стать моим пропуском в светлую и обеспеченную жизнь.

Вскочила резко с дивана, голова закружилась, а в глазах замелькали темные мушки. Я тряхнула головой, покрепче сжала телефон в руке и побрела в ванную. Все процедуры заняли минут пять, еще минут десять я потратила, чтобы одеться и уложить волосы — на них я тратила больше всего времени. Они пушились, кучерявились и лезли во все стороны. Давно бы обрезала, да мать против. Всегда говорила, что сила девушки — в ее волосах. Вот и мучилась я с ними с детства, отрастила до поясницы и мучилась. Ссориться с единственным родителем не хотелось, как и огорчать.

Всего тридцать минут сборов, чем я как девушка невероятно гордилась — не каждая способна собираться в столь рекордные сроки, и вот я вышла из квартиры. По сторонам, естественно, не смотрела, так же, как и под ноги, старательно вбивая конечную цель маршрута в приложение по вызову такси.

Нога в замшевой туфельке погрязла в чем-то жутко противном. Я поморщилась, с омерзением глянув под ноги. Ну конечно, Лариса Ивановна верна себе. А вот я, дура — на те же грабли да с разбегу, сколько раз уже такое было! Прямо перед входом в квартиру аккуратненько был разбросан, или, скорее, специально разложен всевозможный мусор. Тут тебе и ошметки от рыбы, и кожура банана, и пара стеклянных бутылок из-под пива. Одна даже разбитая, её осколки угрожающе поблескивали в свете лампочки. Еще раз поморщившись, вернулась в квартиру и переобулась в чистые туфли. Телефон призывно пикнул, оповещая о прибывшем такси. Номер 856, черная тойота. Хорошая все-таки штука эти мобильные приложения. Пять минут — и машина подана.

Я старательно перешагнула через мусор, сделав мысленную пометку на досуге поискать все-таки новую квартиру. Это уже становится невыносимым. Еще и убираться на площадке после работы придется...

***

Погода все так же не радовала, выходя из машины, я попала под дождь и пожалела, что не взяла зонт — совершенно вылетело из головы. До нужного офиса добралась вовремя — ровно через час, как и обговаривала с Оленькой, я подходила к главному входу. Огромное здание из серого стекла и бетона давило монументальностью. Полностью сданное под различные офисы, оно в нашем городе считалось неприступной крепостью из-за прекрасно обученной охраны и особой системы пропусков: чтобы попасть внутрь, нужно иметь специальный ключ-карту, И, к счастью, такой ключ у меня имелся.

Дежурно поздоровавшись с охранником, назвала цель визита и получила отрицательное покачивание головой. Не поняла... Я еще раз протянула мужчине карту.

— Лилия Викторовна, вы находитесь в списке запрета. Ваша карта недействительна.

— Что значит «в списке запрета»? — глупо переспросила. — Еще вчера я спокойно входила в этот офис, вы сами меня видели.

— Вчера входили, сегодня не войдете, — лениво отозвался верзила, безразлично глядя на меня.

— Ладно! Разберемся! — грозно насунив брови, пробормотала я.

Отойдя от парня в форме на несколько шагов, решительно набрала номер телефона Ольги и, дождавшись дежурных фраз нашей конторы, прошипела в телефон не хуже самой ядовитой гадюки:

— Что у вас там происходит? Почему мой ключ недействителен? Ты договорилась о встрече?

— Я связалась с его секретарем, — после некоторого молчания нашла Оля.

Видимо, девушка не сразу сообразила, кто требует от нее ответа и на какой именно из вопросов она должна отвечать в первую очередь.

— И? — поторопила я.

Ну неужели нужно вытаскивать из нее каждое слово? Боже, лучше бы я сама позвонила Игнатьеву. Кто же знал, что меня не пустят даже на порог? Что же там такого произошло?

— Он сказал, что Олег Юрьевич не сможет встретиться с тобой сегодня.

— Ничего тебе нельзя доверить, — сорвала я злость на девушке. — Неужели так сложно сделать элементарное?!

— Но, Лиля, я же не могу требовать от него изменить расписание ради тебя и твоих глупых прихотей! — капризно протянула блондинка.

Я раздраженно глянула на экран мобильного, не веря, что слышу это. Глупых прихотей... Да здесь контракт на пару миллионов долларов сорвался, а она...

— Боже, спаси от идиотов, — я скинула вызов и еще раз оценивающе глянула на охранника.

Мужчина все так же безразлично посматривал по сторонам и лишь изредка бросал взгляды на меня. В его глазах я увидела чисто мужской интерес. Хорошо замаскированный, скрытый за напускной сдержанностью и серьезностью. Я поправила вырез платья, провела руками по бедрам, расправляя несуществующие складочки, и раскованной походкой от бедра двинулась к Геннадию, как гласил бейдж, прикрепленный к его форме.

— Ну, Геннадий, ну миленький, ну пожалуйста, вопрос жизни и смерти! — в ход пошла женская хитрость.

Мужчина кинул взгляд в вырез моего платья, его кадык дернулся, и он уже не так уверенно, как в прошлый раз, прогудел:

— Не положено.

— Гена... я же могу вас так называть? — умоляюще глянула в глаза верзиле, жалобно протянув: — Гена, меня уволят. И я умру от голода вместе с моими тремя детьми. Пожалейте моих детей, Геннадий, и мою свекровь. Она старая больная женщина. Причем старая она только последние лет десять, а больная на голову всю жизнь. Пожалейте юродивую. Женщина страдает, а вместе с ней я и мои дети... и собака.

Геннадий опешил. Еще бы, не каждый день на тебя напирает блондинка весом сорок пять килограммов, дунь — и унесет.

— Но...

Я не дала ему договорить и вновь занудно с легким одесским акцентом затянула свою речь:

— Геннадий, ну не разочаровывайте меня и женскую половину нашей вселенной в моем лице. Неужели такая маленькая — еще раз маленькая — Лиля может нанести какой-то вред всем этим бюрократам? Вы ошибаетесь, Геннадий, так же, как я ошиблась когда-то с выбором свекрови. Маленькая Лилия не может нанести вреда даже мухе. Так что давайте мы с вами договоримся! — уверенно закончила я, напирая на мужчину своими верхними девяносто.

Жила я какое-то время в Одессе, будучи еще подростком. Прошло уже без малого десять лет, а вот на тебе — проскальзывает иногда этот жаргон. Все-таки можно уехать из Одессы, но Одесса не уедет из тебя никогда. Я всегда с умилением вспоминала те деньки, наполненные солнцем, морем и еврейскими бабушками. Вот и сейчас увлеклась так, что пропустила первую часть речи Геннадия.

— ...да.

Что он говорил до этого, я не слышала, но восприняла это как согласие. Счастливо улыбнулась охраннику, покрепче сжала в руке телефон и решительно шагнула вперед.

— Спасибо, я и мои пятеро детей, две собаки, больная свекровь этого вам не забудут!

Охранник опешил от такой наглости, а потому не успел меня остановить. А неслась я на всех парах, сшибая по пути цветы в вазах, в виде людей. Лифт был бы слишком долгим вариантом, поэтому я, сжимая в одной руке сумку, а другой набирая номер шефа, понеслась по лестнице со скоростью спринтера.

— Ильдар Владимирович, здравст...

Договорить я не успела — не заметив предупреждения, поскользнулась на мокром полу и полетела с лестницы. Удар был резким и болезненным, рука неестественно вывернулась, вспышки оглушающей боли пронзили сразу несколько частей тела.

И так обидно стало. Меня контракт ждет не подписанный, и Игнатьев. А еще мусор возле входа, воюющая со мной Лариса Ивановна, которая явно будет скучать по пакостям больше, чем по мне. И пятеро детей, две собаки, кот и больная свекровь. Пусть и выдуманные, но за них почему-то обиднее всего. И Геннадия подставила... А еще мама, моя бедная мамочка...

Сознание уходило медленно. Боль ощущалась уже не так остро. Одно за другим мои чувства начали медленно слабеть... Слух, осязание, зрение. Оставляя мне лишь смесь сильного страха и беспомощности ... Мир померк.

— Ненавижу смерть!

— Почему?

— А потому что в наше время человек может всё пережить, кроме неё.

Оскар Уайльд «Портрет Дориана Грея»

Я плавала в непонятном черном тумане. Сколько я уже здесь? Час? Два? А может быть, несколько недель или даже год? Я не могла ответить на этот вопрос. Время тянулось бесконечно долго, все глубже втягивая меня в омут воспоминаний о прожитой жизни. Времени подумать было более чем достаточно. Я о многом сожалела. Стоило больше внимания уделять себе, маме, окружающей красоте мира. Как жаль, что мы, вечно спешащие люди, не замечаем того, что упустили... Картинки мелькали одна за другой.

Вот я маленькая первый раз села на велосипед и сразу же упала с него, больно оцарапав лицо и правую коленку. На мой плач прибежалось все семейство. Кровь испачкала мою новую беленькую футболку с блестящей диснеевской принцессой, но перепуганная мама не замечала этого, всю воркуя надо мной и заботливо дую на рану. Людмила Владимировна всегда ставила мое здоровье превыше всего. А мне, пожалуй, стоило больше внимания уделять ее здоровью. К сожалению, наши родители не молодеют... А на велосипеды с тех пор я больше так и не садилась...

А вот я играю во дворе со своими первыми школьными подругами, первое сентября, я в парадной форме с веселым хохотом съезжаю с горки. Парадные носочки с бантиком давно не парадные, уже черные от пыли и грязи, в некоторых местах порванные, но мне так весело и радостно, что хочется одарить весь мир своей любовью...

Первый поцелуй, противный и липкий, и я совсем не понимаю, почему взрослым это так нравится. Парень напротив довольно щурится, прижимая меня к себе, а мне хочется только убежать и спрятаться под одеяло...

Экзамены, поступление в университет, первая вечеринка, первое отвратительное похмелье утром, первая работа и первые слезы из-за измены.

Вспоминая все эпизоды своей жизни, смотря все это как какой-то увлекательный, но до безумия грустный фильм, я все больше понимала, как бездарно я прожила эти годы. Все, чего добилась, все, к чему стремилась, было сейчас таким незначительным, безумно разочаровывающим, что хотелось умереть еще раз. Если бы Бог дал мне еще один шанс, если бы я могла еще раз прожить жизнь...

«А хочешь ли ты этого по-настоящему?» — шепнуло подсознание.

«Хочу!» — уверенно ответила.

По-настоящему хочу! Хочу жить, радоваться жизни, радоваться миру и дарить ему свою любовь. Я не была готова умереть. Я так много не сделала, так много не попробовала, так много не успела... Хочу свой дом, обязательно с садиком, в котором будет расти умопомрачительно пахнущая сирень. Хочу наглого рыжего кота, который будет непременно лазить по столу и воровать нечаянно забытую там колбасу. Хочу влюбиться в прекрасного мужчину. В единственного, преданного только мне, любящего меня с той же силой, с какой я буду любить его. А еще хочу подарить этому мужчине детей...

Я вдруг поняла, что до безумия хочу детей. И неважно, какого пола, какие они будут по характеру, сколько их будет, главное, чтобы они жили в любви и были счастливы каждое

мгновение. Я до безумия хочу жить!

«А на многое ли ты готова?» — еще раз спросил меня голос.

«На все!» — мой ответ был все таким же уверенным, как и в прошлый раз.

«Готова ли ты на боль, страдания, унижения? Готова ли ты заплатить за новую жизнь?»

«Если, прожив эту жизнь, я пойму, что была счастлива, я готова заплатить за это счастье».

«Что ж, я дам тебе этот шанс! Я дам тебе возможность вновь прожить жизнь, пройти и горе, и радость, ощутить все, чего ты так жаждешь. Взамен ты должна пообещать мне одно... — голос в моей голове приобрел чарующие певучие нотки. — Ты исполнишь одну мою просьбу. Не сейчас, но в будущем я требую с тебя плату за жизнь. Всего одно маленькое желание — и ты получишь все, чего так сейчас желаешь, — голос обволакивал, погружал в странное полусонное состояние. — Согласна ли ты, земной цветок, не кажется ли эта плата для тебя непомерной?»

«Согласна!»

Всего одна просьба, одно небольшое желание в обмен на жизнь. Не это ли тот шанс, которого я так жаждала? Я не знала, с кем заключаю эту сделку, что должна буду сделать, но сейчас готова была даже пойти на сделку с самим дьяволом. Жизнь! Я так хотела жить, так безумно мечтала об этом, что была готова на все. Мою душу разрывало от осознания того, что в скором времени смогу вновь обнять маму, сказать, как сильно ее люблю, как сожалею о потерянном для нас обоих времени. У меня было столько планов, столько желаний. Я хотела жить, и мне было совершенно неважно, с кем заключаю сделку и что мне нужно будет сделать в неопределенном будущем.

«Что ж, да будет так! Земной цветок, я Вирсавия — демиург иного мира — дарю тебе жизнь! Дарю ее, помня о нашем соглашении! Да помни и ты об этом, глядя на печать на своем теле. Пусть она напоминает тебе о еще невыполненном условии, о дарителе и о его милости! Живи! Да проживи эту жизнь с гордостью!»

А в следующее мгновение меня охватил огонь. Боль была еще более дикой, чем при смерти — меня сжигали заживо, не давая возможности потерять сознание, утонуть в спасительном обмороке. Мои суставы выкручивали, кости дробили в песок, а тело пронзали миллиардами тонких иголок. Крик агонии потонул в темноте, я уже давно сорвала голос и могла только хрипеть. Казалось, что смерть была немилостива ко мне в прошлый раз, но я ошибалась. То, что испытывала сейчас, можно приравнять к самым изощренным пыткам, и я молила о забытье, жаждала прекращения агонии. И темнота сжалась надо мной — пусть и не сразу, но она постепенно захватила мое тело, а потом и сознание. Уже на краю, в далекой черноте, все тот же голос прошептал:

«А теперь — живи...»

***

Пробуждение было резким. Казалось, кто-то вылил на меня ведро воды и одарил несколькими пощечинами, пытаясь привести в чувство. Мои глаза распахнулись, а тело приняло сидячее положение, скорее, по привычке, на уровне каких-то инстинктов, чем осознавая происходящее. Я непонимающе оглянулась. Еще секунду назад я находилась в темноте, плавала на грани жизни и вечного забытья, а сейчас сижу... где? Место, где очнулась, хотя, скорее, правильным будет сказать — оказалась, больше всего напоминало непролазную тайгу. Я находилась на поляне, окруженной могучими вековыми елями. Их вершины тонули в небе. Сама полянка была все еще укрыта зеленой травкой, а кое-где

виднелись одуванчики и еще какие-то неизвестные мне цветочки, что явно намекало на середину лета... Хотя там, где я умерла, наступил октябрь. Неужели прошел целый год? А может, меня выбросило в другую страну? Я предпочла успокоить себя именно этой мыслью. Пропасть на целый год... Не хотела верить во что-то подобное, проблем в таком случае было бы много.

Вот сейчас встану, осмотрюсь, выберу более или менее подходящее направление и постараюсь выбраться к людям. А там и связь будет, и интернет, может, почта какая захудалая, в конце концов. Узнаю последние новости и свяжусь с семьей.

Успокоив себя этими мыслями и настроившись на позитивный, лад, я протерла глаза и, потянувшись, поднялась с земли. Вначале мне показалось, что нащупала именно ее — землю, но, приглядевшись уже после того, как приняла вертикальное положение, поняла, что очнулась на пепелище. Даже не приглядываясь можно было заметить очертания женского тела, которое еще несколько секунд назад лежало точно посередине черного круга. Очертания моего тела. Я испуганно отпрянула от своего «спального места». Это что же... Меня сожгли? Или я появилась с триумфом, полыхая в огне, подобно демону из глубин ада? А может, это последствия переноса? Ведь там, в черном мареве, я отчетливо помнила ту боль, которая до сих пор преследовала меня, заставляя морщиться от ноющего ощущения в теле. Вот не могла эта Вирсавия, или как ее там, сделать все более нежно? А мне страдай теперь!

Помнится, было у меня такое же чувство, когда я первый раз после зимних праздников решила отправиться в спортзал. Перестаралась тогда сдуру, а на следующее утро даже встать с кровати нормально не смогла: тело стало деревянным, а каждое движение вызывало приступ боли даже в тех мышцах, о существовании которых я и понятия не имела. Вот и сейчас, стоило мне присесть на корточки рядом с горкой пепла, как тело сразу же дало знать о том, что оно против любых физических упражнений. Вообще против!

Я аккуратненько провела рукой по серой массе, проверяя, горячая ли она. Холодная. И только после этого принялась уже двумя руками уничтожать следы своего пребывания в этом месте. Не хотелось бы потом объяснять полиции, почему я предпочитаю костры уютной кровати с ортопедическим матрасом. С этим делом я справилась быстренько и, уже отойдя на приличное расстояние и еще раз придирчиво осмотрев следы, удовлетворенно кивнула. С этим разобралась. Теперь нужно найти ручей или озерцо и искупаться. Да и найти одежду не помешает... Я еще раз придирчиво осмотрела себя... Голая, грязная, худющая девица. Встретись с такой в лесу — за ведьму примешь. Хотя сейчас мне это на руку. Не хотелось бы нарваться на разбойничий элемент и получить весь спектр предоставляемых ими услуг.

Тяжко вздохнув, я еще раз помянула богиню тихим словом. Ну вот хотя бы одежду могла мне оставить?! Нафеечила бы там чего волшебного. Да хоть тряпочку какую, все лучше абсолютной наготы.

— Ну что ж, пошли, Лиля...

Я не имела привычки разговаривать сама с собой, но сейчас мне это было нужно как никогда. Старалась держаться на позитиве, мыслить о хорошем и получать удовольствие от того, что снова жива. Но сложно наслаждаться откровенно дерьмовой ситуацией, в которой оказалась. Одна, в лесу, без еды, одежды и хоть какой-то самой захудалой защиты. Я далеко не ролевик-затейник, даже в турпоходы не ходила, не готова я была к таким приключениям. Но как верно заметило шепнувшее подсознание — за все надо платить. За новую жизнь

тоже. Особенно за нее, в двойном размере. Об этом мне напомнило блеснувшее на запястье тату в форме лотоса.

— Да помню я, помню... — пробурчала под нос, недовольно поджав губы.

Еще раз осмотрев место своего невольного перерождения и удостоверившись, что ничто не напоминает о том, что здесь кто-то был, я потянулась всем телом и пошла.

Путь мой был тернист и нелегок. Несколько раз спотыкалась о корни и падала. Пару раз я останавливалась отдохнуть. Тело все еще болело, хотя прошло явно несколько часов после того, как я очнулась. Лес был чист, мне еще ни разу не попался мусор: ни пакетик из-под чипсов, ни окурков. Очень хотелось пить и есть, желудок урчал, а губы пересохли. Но я заставляла себя вставать и идти, чисто на автомате, тупо переставляя ноги.

Смеркалось. Откуда-то слева потянуло сыростью и холодом. Видимо, там тёк ручей. Туда я и направилась после очередного короткого привала. Чем дальше шла, тем отчетливей ощущался холод и запах воды. Такой неуловимый, свойственный лишь большим озерам или рекам. Я ускорила шаг, приободренная мыслью о близком утолении жажды.

— Сейчас дойдем и попьем, осталось совсем чуть-чуть, — уговаривала сама себя, переступая очередную корягу. Вскоре показались первые отблески водной глади. А через несколько минут я уже видела берег озера. — Вода!

Я с веселым хихиканьем ринулась к спасительной прохладе, к возможности привести свое тело в порядок — от пыли, грязи и пепла оно начало нестерпимо чесаться еще несколько часов назад. Стоя на коленях на берегу озера, я зачерпывала руками прохладную воду и с наслаждением пила ее, вознося благодарность всем известным мне богам. Пила и не могла напиться. Скажи мне кто-то еще несколько дней назад, что я буду так рада простой воде, я бы покрутила пальцем у виска. Когда я зашла по пояс в воду и начала оттирать грязь, настроение приблизилось к отметке «Лучше, чем нормальное». Жизнь-то налаживается!

Я не вылезала из воды около часа, с удовольствием вымыла тело и волосы. Вынимая из них еловые иголки, заметила, что некоторые светлые пряди потемнели. Вначале подумала, что это из-за пепла, но, тщательно прополоскав их, поняла, что они приняли темный оттенок. Странное выборочное изменение цвета сбивало с толку, ведь я не мелировала волосы... Я даже успела поплавать, легла на воду и блаженно зажмурилась, подставляя последним заходящим лучам солнца лицо. Но как бы прекрасно ни было это мгновение, стоило поискать ночлег — высокое дерево, на которое можно забраться. Не хотелось оставаться на земле и позволять ночным хищникам наслаждаться моей глупостью и доступностью. А в том, что хищники здесь есть, сомневаться не приходилось. По пути к озеру я не раз натыкалась на следы зверей, и испытывать судьбу мне не хотелось, она и так была слишком благосклонна ко мне в последнее время. А я надеялась на удачу и утром: хотелось отыскать еду, хоть какой-то чахлый кустик ягод.

Дерево нашлось недалеко от озера, но вот как забраться на облюбованную ветку, я понятия не имела. В детстве, как и большинство сверстников, выросших в большом городе, все свободное время проводила на игровой площадке. А там было две качалки, горка да песочница. А по деревьям, в отличие от сельской детворы, мы — городские — не лазили.

— Ты сможешь, Лиля. Это не сложнее годового отчета! — убеждала я себя, по третьему кругу обходя дерево.

Наметив первую «ступеньку» к моему эпическому восхождению, я полезла, загоня себе в пальцы занозы. Вниз я трусливо не смотрела. Когда добралась до подходящей ветки, достаточно большой и толстой, чтобы выдержать мой вес, ночь уже вступила в свои права.

На небе ярко светила луна, виднелись первые звезды. Я легла на ветку и обхватила ее руками. Сон окутал меня почти сразу, усталость и напряжение прошедшего дня давали о себе знать. Уже засыпая, я с отчаянием подумала о том, что утром придется слезать с дерева...

— Скажите, как вы относитесь к редким животным?

— Ну я там не знаю про редких животных, но у меня соседка по парадной — вот она редкая сука...

«День Радио»

Проснулась я от того, что тело затекло. Пришлось нехотя раскрывать глаза. Совсем забыла, где вчера заснула, и с перепугу чуть не свалилась с ветки.

— Как слезть-то? — шепотом спросила сама себя.

— Так и слазь — голой жопой кверху! — глумливо пропищало откуда-то сверху.

Вот чего-чего, а ответа на свой риторический вопрос я точно не ожидала и подумала, что сошла с ума. Задрала голову, вглядываясь в редкую листву — выше сидела птица. Большая, размером с откормленную кошку точно. Вся черная, как ворон, с красными разводами. Я и не биолог, и вид этой птицы мне был неизвестен. Еще пару минут с проснувшимся гастрономическим интересом рассматривала ее, прикидывая, смогу ли поймать, но я всегда была реалисткой и, трезво оценив свои возможности, признала эту идею дурной. Какие только мысли в голову с голодухи не лезут...

— Ты чего вылупилась? — вновь пропищало сверху. — Ноги в зубы — и вперед! Покоряй несчастное дерево, юродивая.

Я с ужасом уставилась на птицу. Боги, я точно с ума сошла! Не могут животные разговаривать, ну никак не могут! На всякий случай перекрестилась.

— Вот дурные людишки, вы посмотрите, чего полоумная делает! Обхохочешься! — и противненько так закаркала.

Я уверена, если бы она могла (а в том, что данная особь — женского пола, я не сомневалась: только женщина может так высмеивать другую женщину), еще и пальцем бы в меня потыкала и покаталась по земле от хохота. Первый шок и ужас прошел, проснулась злость и наглость.

— А не офигела ли ты, уважаемая?! — воскликнула я, привлекая внимание хохотуни.

Птица несколько раз переступила с лапы на лапу и неуверенно уставилась на меня глазами-бусинками, смешно склонив голову набок.

— Мне, что ли? — еще более неуверенно переспросила «ворона».

— Тебе-тебе! — убежденно воскликнула я. — Хватит ржать как лошадь, не на базаре, а я тебе не шут! Хочешь представления — плати!

Птица, видимо, испытала шок от такой наглости. Вначале в ее маленьких глазках отчетливо стал виден тот же ужас, что еще пару секунд назад охватил меня.

— Магиня? — с каким-то первобытным страхом спросила она.

— Нет, ну я, конечно, та еще волшебница, особенно во время отчетов, тем более годовых. Но вот кроме магии волшебного пенделя, мамочка магией обделила.

— Ведьма? — теперь в карканье можно было различить заискивающие нотки.

— Ведьма! — уверенно заявила я.

Ну а что? Бывший не раз заявлял, что такие, как я, только ведьмами и рождаются! Да и все знакомые завидовали тому, что ем как не в себя и худая, тоже вечно ведьмой обзывали. А как по мне, так лучше нормальную фигуру иметь, а не быть ходячим скелетом. Мужики, как известно, те еще кобели, но на кости не кидаются.

— А что ж ты без метлы? — подозрительно уточнила собеседница.

Я призадумалась. Абсурдная ситуация. Я на дереве, голая, в позе, которой позавидовала бы любая обезьяна и тут же задушилась бы собственным хвостом. Вокруг лес, тишь да благодать, а я с птицей беседу веду. Пора вызывать санитаров и паковаться в смирительную рубашку.

— Да вот как-то так получилось.

— Как это — так? — переспросила ворона, спрыгивая на ветку пониже, поближе ко мне.

— А то не видно!

Не люблю глупых вопросов и глупых ситуаций. А когда в глупые ситуации попадаю я, это неприятнее вдвойне.

Птица снова перебралась пониже, и еще, пока не оказалась на моей ветке. Я на всякий случай покрепче сжала ноги и руки и с некоторым подозрением осмотрела нахалку, покусившуюся на мою жилплощадь.

— А ты почему меня понимаешь? Еще и отвечаешь мне... — еще более подозрительно спросила птица.

Хотя какая это птица?! Птеродактиль целый! Сантиметров сорок — сорок пять.

То, что это не мой мир, до меня уже начало доходить. Не думала я, что вторую жизнь придется прожить непонятно где, но, вспомнив кучу прочитанных о попаданках книг, решила не уподобляться некоторым из них и не впадать в истерику. Жаль, конечно, что вместо принца и меча у меня голый зад и разговаривающий птеродактиль, но ничего, прорвусь! Все лучше смерти. Отдохнув, я уже могла мыслить более здраво, и даже быстро выстроила в уме план действий. Еду и одежду нужно добыть в первую очередь, и помочь в этом может эта птица. Должна же она знать, где ближайшее захолустье! А там и до захвата мира недалеко!

Сознание гаденько предложило завоевать вначале дерево, а потом уже открывать рот на оставшийся мир.

— Вначале возвращаемся на землю-матушку, а там уже разберемся, что к чему.

Ситуация с деревом и моей боязнью высоты все еще стояла остро и напоминала о себе большим восклицательным знаком. А то и несколькими.

— Ну... вперед! — хихикая, подбодрила меня на подвиги псевдоворона.

Начала я уверенно — разжала руки и села. Храбрости хватило только на это. Запал ушел туда, откуда и не достать, страх вернулся и был коронован как единственный присутствующий. Подстава пришла оттуда, откуда не ждали — вредной птице надоело наблюдать мои тщетные попытки договориться с сознанием, и оно бесчестно клюнуло меня ниже поясицы. Я не ожидала такой подлости, а потому подскочила на и полетела вниз, отбивая себе все возможные части тела о ветки. Но мне все же удалось ухватиться за одну, и оказалось, что до земли осталось не так уж и высоко. Повисла, нащупывая ногами опору, перепуганная от осознания того, что могла убиться. Повыдергивать вороне перья — это слишком мелкая месть.

Я злобно посмотрела на севшую на ветку су... сволочь.

— Как зовут тебя, отчаянная? — спросила, пытаюсь успокоить безумно стучавшее сердце.

— Нет у меня имени. Ты первый человек, заговоривший со мной.

— Будешь Ларисой Ивановной! — не раздумывая, решила я.

— Лариса... Мне нравится, — благодушно решила птица, — А почему Ивановна?

— Соседку мою напоминаешь. Характер у вас больно похожий.

— Прекр-р-расная, наверное, женщина! А как гордо звучит ее имя! Лар-р-риса Ивановна! — с пафосом закончила новоиспеченная Лариса.

— Да-а... — протянула я, вспоминая противнейший характер соседки.

— Ты слезать-то думаешь или опять помочь?

— Сама я! — испуганно воскликнула я. — Сама...

Выдохнув, я стала аккуратно слезать с дерева. А с последней ветки даже спрыгнула, проявив необычайную для себя храбрость. Потёрла ушибленные места, зашипев от прикосновений к ободранной коже. Тяжко вздохнув, осуждающе посмотрела на Ивановну. Та сидела на нижней ветке проклятого мною миллион раз дерева и делала вид, что она совершенно ни при чем, и упала я сама. Вот такая неуклюжая, глупая и вообще жалкая человечка.

— Мне нужно умыться, — пробормотала я, уверенная, что «ворона» меня услышит, — а потом я надеюсь на твою помощь.

— Помощь? Почему я должна тебе помогать, ведьма?

Я невольно поморщилась, вспоминая, как сдуру пошутила на эту тему. Похоже, Лариса на полном серьезе теперь считала меня ведьмой, наивно поверив моим словам. Разубеждать ее почему-то не хотелось, так что пришлось проглотить немного обидное для любой женщины моего мира обращение.

— Я подумала, ты не захочешь терять единственного понимающего тебя человека. Но если я ошиблась...

Я в лучших традициях кинематографа взяла театральную паузу на несколько секунд, наблюдая за реакцией собеседницы.

— Ладно-ладно, чего тебе надо, говори уже! — тут же всполошилась птица, обиженно нахохлившись.

Мысленно я уже потирала ручки, строя планы на ничего не подозревающую Ларису. Своего я не упущу, не зря за пять лет достигла таких высоких результатов на работе. И если бы не Олечка — пусть глотнет яду! — давно бы уже получила повышение. Обо всем этом я размышляла на пути к озеру.

Утренняя дымка все еще не рассеялась, так что прежде чем выходить на берег, покидая надежное укрытие гостеприимного леса, я несколько раз осмотрела его на наличие хищных зверей. Немного подумав, послала на разведку Ларису — мало ли кто в кустах так же высматривает добычу на водопое, не хотелось становиться ею. Птица недовольно побурчала что-то о наглых человечках, но все же полетела.

— Нет там никого, иди плескайся, — проворчала, вернувшись.

Я уже начала привыкать к скверному характеру Ларисы, а потому не обратила внимания на ее недовольный тон и молча направилась к озеру, сияя улыбкой. Птица пожелала мне вдогонку легкой смерти от захлёбывания водой и улетела на ближайшее дерево, где и просидела все время, пока я плескалась. Изредка мы перебрасывались парочкой фраз, планируя наши дальнейшие действия.

— Слушай, человечка, так чего тебе надо было?

— Вообще-то у меня имя есть, — лениво протянула я, наслаждаясь утренней прохладой воды. — Лилия. Лиля, если по-простому.

— Да мне как-то все равно, — протянула Лариса, видимо, пародируя меня.

— Где люди живут, знаешь?

— Ближайшее село Ясный Кров, приблизительно день пути, — немного подумав, ответила «ворона». — Я точно не уверена, сколько туда добираться человеку.

— Ясный Кров, да? — выходя из воды, переспросила, на ходу выжимая волосы.

Не любила я, когда они мокрые. Дома всегда заматывала в тюрбан, иногда использовала фен, но сейчас приходилось терпеть.

— Это еще неплохо... Вот есть у нас в империи Грязные Полёвки, вот это село так село! — каркаяще пробухтела Лариса.

Из ее слов я уловила главное: я нахожусь в империи! И явно не в Великой Российской. Осталось узнать местные нравы и порядки, а также собственные права. Мало ли... Вдруг у них тут средневековые цветет и пахнет, а баба прав в доме не больше мебели имеет.

— Дорогу покажешь? — приподняв бровь, уточнила.

Я надеялась, что Лара будет путешествовать со мной.

— Так и пойдешь? — намекнула она на мой внешний вид.

Я лишь пожала плечами. Планировала обзавестись одеждой в том самом селе, банально украв ее. Да, неприлично. Да, стыдно. Но другого выхода у меня нет. Я искренне сомневалась, что первый встреченный мною деревенский парень не обрадуется голой девушке. Тем более молчу об аристократии, если она тут имелаась. Аристократия — она в любом мире аристократия. Изнасилуют и бросят в канаве помирать. И ничего не сделаешь. А противиться будешь — по шее в двойном размере огребешь, даже пикнуть не успеешь. Потому лучше воровкой быть, чем использованной и мертвой.

— Ну что, Лариса Ивановна, в путь?

«Ворона» взлетела и скрылась за деревьями. Видимо, чтобы выбрать верное направление — оптимистично подумалось мне.

Еще со школы я помнила о том, что мох на деревьях всегда растет с северной стороны, потому, когда Лариса уселась мне на плечо, заставив немного прогнуться под тяжестью ее веса, и указала крылом в нужную сторону, я решила, что движемся мы именно в северном направлении.

Лара еще пару раз бросала меня, улетаая и уточняя верность направления. Изредка она в своей манере корректировала его, когда я сворачивала не туда.

— Налево поверни, клуша! — ворчала она. — Где лево, знаешь?

Откуда познания «лево» и «право» у птицы, я не знала. Вообще Лариса была удивительно хорошим собеседником, как выяснилось в дороге, она хорошо выговаривала слова, лишь изредка издавая какие-то каркаяще-рычащие звуки, и была хорошо эрудирована.

Один раз принесла мне кого-то, похожего на зайца. Как она его добыла, история умалчивает — делиться своими секретами охоты, как выразилась вредина, она не намерена. Тушка была небольшой, с темно-коричневым мехом и большими ушами. Я обрадовалась, но потом с ужасом подумала, что тушку надо освежевать и поджарить. Проблемы имелись как с первым, так и со вторым. Я в деревне разве что кур и гусей ощипывала, а о способах добывания огня знала вообще удручающе мало. Жалобно смотрела на окровавленную тушку.

— Чего ждешь? — весело спросила Лариса.

Ей явно нравились мои страдания, а сама ситуация забавляла. Если в первые минуты она смотрела на меня как на круглую дуру, то сейчас веселилась, понимая, что тушка достанется ей.

— Я не голодна... — тоскливо протянула «зайца» Ларисе под рычание собственного

желудка.

— Ну как знаешь.

Лару долго уговаривать не пришлось. Она выхватила добычу из моих рук и, улетев на ближайшее дерево, принялась рвать когтями несчастного «зайца» и с какими-то урчаще-каркающими звуками поглощать его. Я предпочла отвернуться и не наблюдать эту картину. Пока Ивановна трапезничала, я села на траву — стоило отдохнуть, шла целый день. За все время этот привал стал первым и, видимо, будет единственным. Лариса не уточняла, долго ли еще идти, но по моим подсчетам выходило, что до деревни мы доберемся уже глубокой ночью. С одной стороны, это хорошо, и я надеялась именно на это — можно попасть в деревню незаметно и так же обзавестись одеждой. С другой стороны — начало холодать. Ночью будет более чем прохладно. Уже сейчас — а солнце только-только начало заходить — по телу пробегал озноб от замерзших ног.

— Отдохнула? — Лариса закончила свой поздний обед или ранний ужин — кто ее знает? — и флегматично наблюдала за мной.

— Далеко еще? — поднимаясь с земли, спросила ее.

— Нет, мы уже прошли большую часть пути.

Лариса вновь взлетела, я же продолжила свой «крестовый поход». Неспешно, но уверенно двигаясь к цели. Усталость брала свое, я не могла идти в том темпе, в котором шла утром. Шаг становился все медленнее, я — все упорней.

***

Деревенька возникла передо мной совершенно неожиданно. Точнее, вначале показался одиноко стоящий на окраине домик. Лариса улетела на ночную охоту еще минут тридцать назад, а потому я не была предупреждена. Но, наученная сотнями книг о более успешных попаданиях, нежели я, к дому сразу не рванула. Лес начал редеть, я была готова к появлению дороги, возможно, лесной тропинки, а потому была настороже, прислушиваясь к каждому шороху. Вот и сейчас, спрятавшись за деревом, осматривала местность на наличие людей.

— Кого высматриваем?

Сердце ухнуло в пятки. Еще немного — и нервный тик появится. Я так сосредоточилась на рассматривании домика, что не заметила появления Ларисы.

— Тьфу, в могилу меня загонишь, — раздраженно прошипела я. — Кто так подкрадывается, Лара?

— А ты чего прячешься? — сразу же пошла в нападение она, почуяв возмущение в свой адрес. — Я как раз оттуда, пусто там, нет людишек. Иди, не бойся, дом заброшен.

Лара за словом в карман не лезла, и на каждую мою реплику у нее находилось с десятков своих. А еще она безумно помогала мне в этот сложный день. Без нее я бы из лесу не выбралась — это стоило признать. Наша встреча для меня — дар небес, не иначе.

— Точно?

— Ты мне не доверяешь? — оскорбилась птица, приложив крыло к груди в лучших традициях жеманных барышень. Еще чуть-чуть — того гляди, в обморок грохнется от переизбытка оскорбляющих ее нежную психику чувств.

Я так же показательно закатила глаза, выражая все, что думаю об этом спектакле. На всякий случай я еще раз осмотрела местность и все же рискнула выйти из своего укрытия. К дому подходила тихо. Ларисе доверяла, но тем не менее стоило быть настороже. Сама птица летела высоко над домом, осматриваясь, чтобы в случае нежелательных гостей предупредить меня.

Приблизившись к дому, убедилась, что он и вправду давно заброшен. По крайней мере, выглядело он именно так. Все окружающее его пространство заросло травой по колено. В этом обилии растительности терялся колодец, который я заметила не сразу. Сам дом давно нуждался в ремонте. Кое-где виднелись дыры — прогнившее за годы дерево не выдерживало испытаний судьбы. На мою сторону выходило два окна, Стекла в них были побиты. В некоторых местах давно и надежно обосновались пауки — паутина висела лохмотьями. Перила, некогда хваставшиеся вычурной резьбой, сейчас были покрыты пылью и грязью. По ступеням я продвигалась с особой осторожностью, боясь, что нога провалится в дыру. Очередное ранение получить не хотелось. На всякий случай, перед тем как открыть дверь, схватила палку. Когда-то она была половицей, укрывающей крыльцо, но время и жуки не пощадили ее.

Дверь противно скрипнула. Я испуганно оглянулась. Звук в ночной тиши получился оглушающе громким.

— Трусиха!

Лариса первая влетела в дом, стремительно промелькнув над моей головой. Сделала пару кругов по единственной комнате и села на изголовье металлической кровати. Я, удостоверившись, что дом пуст, тоже вошла внутрь. Кровать, стол и лавка, развалившаяся каменная печь — вот и вся обстановка.

— Аскетичненько, — завершив осмотр, подвела я итог.

— Мы здесь всего на ночь, — ворчливо уточнила Лариса.

— Знаю я... Мне ли жаловаться, спасибо и на этом.

Я устало опустилась на скамью, уже даже не боясь загнать себе занозы в одно место. Ноги с непривычки гудели. Голова тоже болела — куча мыслей не давала покоя. Губы пересохли. Я не пила с утра, а сейчас стояла глубокая ночь. Живот прилип к ребрам... Тоскливо вспомнила принесенный Ларисой заяц. Я голодала уже второй день, и неизвестно когда удастся поесть. Ситуация все хуже и хуже, если бы не Лариса...

— Спасибо тебе... — прошептала я, не глядя на птицу.

— Да ладно, я не сделала ничего особенного.

Видимо, ее смутили мои слова. Она вся нахохлилась и отвернулась от меня, предпочитая разглядывать печь. Точнее, то, что от нее осталось.

— Осмотрись там, вдруг что осталось. Погреб, может, есть... — через некоторое время произнесла «ворона». — А я на охоту слетаю. Может, хоть гвоздем, но сможешь освежевать тушу.

Лариса была бы не Ларисой, если бы не вставила какую-то гадость. Она насмехалась над моей неуклюжестью и незнанием основ выживания. Да любого столичного, не подготовленного человека двадцать первого века в лес закинь, он растеряется. Но птица видела во мне представителя этого мира, для которых, наверное, освежевать кролика — это тьфу. В общем, счет не в мою пользу.

Лариса улетела, а я, тяжело вздохнув, кое-как собрала тело и мысли в кучу и заставила себя встать. Не время расслабляться. Еще, как назло, ныла татуировка на руке, как бы напоминая о долге. Я поморщилась от неприятных ощущений, потеряла место вокруг лотоса, но это не помогло. Осмотр комнаты не принес почти никаких результатов: я нашла какую-то тряпку серо-бурого цвета метр на метр от силы и то с дырами, но не все же время голой ходить, в конце-то концов. Погреба не оказалось, зато в печи нашла уголек и пару деревяшек. Это приободрило... Осталось дожидаться Ларису.

Вернулась она минут через десять то ли с мышью, то ли с хомячком какого-то розоватого цвета. Судя по свернутой шее животного, мех приобрел такой оттенок не из-за крови, это природный окрас зверька. Скинув тушку на стол, Лариса приземлилась туда же.

— Ну что?

— Ничего интересного. Подвала нет, нашла какую-то тряпку и пару деревяшек с угольком, — отчиталась я. — Может, получится разжечь огонь?

— Совсем глупая? — издевательски протянула Лариса. — Огонь, видать, маги разжигали, вот уголь с деревяшками и остались. Без огнива ты уголь только погрызть сможешь.

Оптимистичный запал спал. Я приуныла. Есть мясо сырым не хотелось — мало ли какую инфекцию подцепить можно. Но подкрепиться чем-то надо было. Пока я думала о проблемах насущных, Лариса пришла к своим выводам.

— Признайся, Лиля, ты не ведьма. Те о магии многое знают, в одной АМИ с магами учатся, огонь разжигать силой мысли умеют, а ты как дитя малое. Да и не разговаривают ведьмы со зверьем всяким. Только с фамильярами, а те кругом магическим призваны. Бывала я знакома с такими.

А я не знала, что ответить. С ней же я как-то разговаривала? Разговаривала! А на Земле со мной такого не происходило. Всякого паранормального за мной тоже не наблюдалось. Значит, магия проявилась уже здесь.

— Не ведьма я, Лара, и не маг.

— Кто же тогда? Почему зверье понимаешь? Беседы ведешь? — начала допытываться Лариса.

— Ой, Ларочка, не знаю я, не знаю... Понимаю тебя одну, и прежде за мной подобного не водилось. Как и почему — объяснить не могу, сама не знаю. Да только без тебя пропасть мне в том лесу суждено было, померла бы сегодня ночью. А не сегодня, так плутала бы там, пока хищника какого не встретила, или от голоду... — печально закончила я.

Лариса молчала. Обдумывала полученную информацию. Потом подтолкнула мне тушку лапой и ткнулась в плечо головой, подбадривая.

— Не пропадем. До деревни доберемся, отдадим тебя какой-нибудь бабке-знахарке, и все хорошо будет. Разберемся!

Ивановна, видать, решила, что в нашей компании она главная, ей шефство надо мной брать, ей меня кормить и защищать, уму-разуму учить. Меня эта мысль развеселила. Пессимистичное настроение начало уходить, голод проснулся с былой силой.

— Лариса, дорогая, а может, там грибочки какие есть, ягодки? — уточнила я, с опаской поглядывая в сторону розового «хомяка».

— Я тебе лавка торговая? Еду на выбор не предоставляю, ешь, что дают! — оскорбилась «ворона».

Печально вздохнув, поплелась на крыльцо, шаркая ногами — устала я. Шутка про гвоздь уже не казалась шуткой. Оставалось надеяться, что он хотя бы острый.

Только раз, и то если очень повезет, ты встречаешь человека, который разделяет твою жизнь на две части: до встречи с ним и после.

«Дрянная девчонка»

Перед тем как выйти из дома в поисках чего-то острого, я пару раз встряхнула найденную тряпку и кое-как замоталась в нее. Получилось мини-платье. Слишком мини, конечно, но хотя бы грудь и попу прикрывает, уже неплохо. Стоило проверить колодец, может быть, там еще осталась вода. В чудо — что в колодце будет еще и ведро, я не верила. Былая уверенность в собственных силах покинула меня еще в середине этого бесконечно длинного дня. Я устала, была голодна и зла. Мне хотелось пить, есть и спать.

Колодец был завален. Неизвестно, что произошло, но кто-то явно постарался сделать так, чтобы до воды невозможно было добраться. Я вздохнула, подавленная, но взяла себя в руки и пошла осматриваться дальше. Прорвемся! Если я правильно помню, человек может обходиться без воды в течение пяти дней, без еды и того больше. Похудею еще немного, нестрашно. Мне не в первой.

Я нашла осколок стекла и ржавый гвоздь. Гвоздь выбросила — не хотелось подцепить какую-то заразу. А вот осколок осмотрела. В принципе, если делать все аккуратно... Я кивнула своим мыслям, скрепя сердце оторвала кусок ткани от тряпки и, завернув в него осколок, уже более уверенно двинулась обратно в дом. Лариса все так же скучала, сидя на столешнице, проводила меня задумчивым взглядом. Я показала ей находку. Вначале решила разделаться с тушкой, а потом уже думать, как есть сырое мясо. Точнее, я вообще предпочитала об этом не думать. Сама мысль вызывала рвотный рефлекс...

— Смотри, не порежся, — поучительным тоном прозвучало сбоку.

— Да знаю я... — недовольно отмахнулась от Ларисы.

Дело двигалось медленно — боялась загнать стекло себе в руку. Справилась минут за сорок, может быть, больше — я не ориентировалась в местном времени. Мясо оставила на столе, розовую шкурку вместе с другими отходами моего небыстрого производства выбросила недалеко от дома. Смотрела на мясо и мысленно привела себе кучу доводов в пользу сыроедения. Решение давалось с большим трудом.

— Ешь уже! — надоело ждать Ларисе.

Я страдальчески вздохнула, зажмурилась и неуверенно поднесла мясо ко рту. Первый укус оказался самым сложным. Пришлось перебороть себя. Я давилась едой так, как будто ела тараканов, рвотный рефлекс не заставил себя долго ждать, но титаническим усилием воли я подавила его. Чувствовала себя диким зверем, хищником, вгрызаясь в плоть. Хомяк оказался довольно жестким, приходилось чуть ли не вырывать куски, а потом старательно пережевывать.

— Все не так уж и плохо... — подбадривала меня «ворона».

Да, если не задумываться о том, что и как ты ешь. Вкус был отвратителен, пусть не до одури, но повторять такой опыт мне бы не хотелось. И я искренне надеялась, что и не придется.

— Доела? — уточнила Лариса, заметив, что я отложила остатки в сторону. — Славно! Собирайся, уже достаточно стемнело, пойдем за сокровищами.

Я отряхнула руки, встала и приуныла. Убирать за собой не буду, да и нечем. Но и так

оставлять не хотелось, так что я подхватила остатки «богатого стола» и вынесла на улицу. Руки почистила сорванной травой. Уж лучше походить в зеленом соке, чем по локоть в кровище.

— Сокровища? Что ты имела в виду?

Стояла глубокая ночь, и мы с Ларисой крались по маленькой деревушки. Ясный Кров оправдал все мои ожидания среднестатистической средневековой деревни. Маленькие домики с соломенными крышами, узкие улочки и терпкий запах скота. Я не могла понять, как далеко шагнуло развитие этого мира. У них есть металл, качественное стекло, но вот деревенька выглядела бедно и уныло, хотя непередаваемый колорит имела. В моем мире в такие деревни специальные экскурсии устраивали бы, но в этом мире она, по заверениям Ларисы, ничем не выделялась из прочих.

— Я видела, как развешивали влажное белье, доведу тебя до туда, глядишь, подберешь чего. Не все же в этих лохмотьях ходить! Приличным людям стыдно показаться будет!

Нет, все-таки какая Лара умница. И о еде побеспокоилась, и об одежде для меня не забыла. Неплохой одежде, как выяснилось потом. Целые ряды натянутых веревок недалеко от центра деревеньки, но заняты были всего три. Когда я потянулась к штанам, получила крылом по руке — Лариса объяснила, что стоит выбрать неприметное платье до пят, желательно серого цвета — в таких ходят крестьянки.

— Штаны носят только мужики да маги. Простые бабы в платьях больше, вот и ты не выделяйся, — строго поучала Лара. — Или хочешь отбиваться от просьб о помощи?

— Почему отбиваться? Какая помощь?

Я уже стягивала еще влажное платье с веревки, поднявшись на носочки.

— К магам принято за помощью обращаться. С просьбой, там, убить кого надоедливое, корову найти, мышей отогнать.

— Как убить? — испуганно воскликнула я.

— Да тише ты! Всех перебудишь! — шикнула на меня Лариса, прислушиваясь. — Нечисть какую, может, фамильяр с ума сошел или с болот баньши вылезла. Может, умер кто не своей смертью — всякое бывает. Ты давай, не отвлекайся, натягивай платье и полетели, нам еще поспать надо.

Я кивнула, показав, что приняла информацию к сведению. Мир не так прост и безопасен, как оказалось. Водилось тут, видимо, и жуткое, и опасное. Еще, пожалуй, и сами маги портачили.

Я натянула платье, оказавшееся мне большим. Пришлось своровать и стеганный пояс такого же неприметного цвета и подвязать на талии. Было стыдно красть вещи, но пришлось пересилить себя, как и в случае с мясом. Да и Лариса не давала уйти с головой в печальные мысли. Птица все время поторапливала меня, боясь, что нас заметит какой-нибудь не вовремя вышедший из дома селянин. А вот я была на удивление спокойна и не волновалась по этому поводу. Одной проблемой больше, подумаешь. Придумала бы что сказать или делать.

Мы крались обратно к моему домику, когда я увидела колодец. Прекрасный, манящий меня к себе колодец, полный ледяной, освежающей воды. Я притормозила Ларису и пошла пить. Жажда мучила уже давно, а тут такой шанс. Не стоило его упускать. Там и ведро оказалось, одним словом, прелесть. Я и напилась вдоволь, и кровь с рук смыла, и ноги помочила.

— Кайф... — блаженно протянула.

Уходить обратно в разбитую лачугу не хотелось совершенно. Но ночью бродить, пусть даже с Ларисой Ивановной, было опасно.

— Пошли уже, водохлебка! — прошипела птица, настороженно крутя головой.

Ночи оставалось властвовать еще пару часов, когда мы наконец-то вернулись в наше убежище. Я завалилась на кровать, поджала ноги к груди и уснула.

***

— Вставай! Просыпайся!

Я вздрогнула и подскочила с кровати. Лариса прыгала по железной спинке и орала изо всех сил. Перепуганная, я попыталась вникнуть в ситуацию.

— Просыпайся! Триединые, шевели конечностями! — орала, словно сошедшая с ума, Лариса.

— Что случилось?

— Сюда идут люди, нам нужно уходить! — встрепенулась птица.

— Почему же ты раньше меня не разбудила?

Я вскочила с кровати и бросилась к выходу. Встречаться с людьми сейчас не хотелось. Я еще была не готова к соприкосновению двух миров, да и сомневаюсь, что мир готов ко мне.

— Тебя попробуй разбуди! Огненный мяч пролетит — не заметишь! — пробурчала Лариса, летевшая над моей головой.

Я вбежала в лес, не понимая, что кричит Лара, и даже не пытаюсь понять. Это было моей фатальной ошибкой...

— Тпр-р-р, — прозвучало одновременно с нескольких сторон.

Я испуганно шарахнулась назад, но дорогу к отступлению мне перегородил всадник на лошади. Их было пятеро, не исключено, что больше. Все как на подбор — молодые и brave парни. Три темноволосых и два светленьких. Одеты вычурно, непривычно для моего взгляда. У всех черные кожаные брюки, но рубахи разных цветов, на плечи наброшено что-то вроде пиджаков или жакетов. Военные, что ли? Вот не повезло.

Я подозрительно осматривала мужчин, те с интересом глядели на меня. Баб, что ли, никогда не видели? Дикий народ! Лариса спряталась в ветвях ближайшего дерева, да так, что только глазки-бусинки видно было. Играть в шпиона птице явно нравилось.

— Иш глян туру мисси Виолетта? — спросил по виду самый старший, пристально разглядывая меня.

И тут меня осенило — местный язык я не понимаю! Ой, мать, все, приплыли. Сушите весла, связывайте канат. Канат для повешения, да... Я-то, наивная дурочка, полагала, что если понимаю Ларису Ивановну, то и с местными проблем не будет. Адаптацию, так сказать, прошла, гугл-переводчик в мозг закачали, все хорошо. Не тут-то было.

— Мисси? — уже более требовательно прозвучало от того же светленького.

Чего он хочет-то? Какая «мисси», какая Виолетта, какой «гуляйн», или что он там сказал? Мысли панически прыгали, я попыталась придумать выход из ситуации. Мужчине надоело ждать, он спрыгнул с лошади и двинулся ко мне. Я испуганно попятилась от него, активно замотав головой. Не надо ко мне подходить! Стой на месте, кому говорят!

— Мисси Виолетта, иш глян цварк! Мисс Лионель ати миссас Дамина диаргон шляйн ваыник зварк! Хвасти фыфырик!

Пока светловолосый пытался схватить меня за руку, а я очень активно мешала ему в этом, остальные с интересом наблюдали, перебрасываясь непонятными фразами.

— Мисси Виолетта?

— Дроган унгриг мисса Лионеля.

— О-о-о!

— Мисси Виолетта прогринг диаргон ваыник. Хвасти фыфырик!

Я бросилась от него, он — за мной. Съеденный хомяк давал о себе знать — у меня болел живот, и мужчина был проворнее меня. Когда ему удалось схватить меня за руку, выглядел он неприлично гордым собой. Мальчишка!

— Отпусти меня, урод! — выкрикнула я после того, как мужчина больно дернул меня за руку. — Кто так с женщинами обращается?!

— Мисси Виолетта? — удивленно спросил лось в кожаных штанах.

— Какая я тебе «сися Виолетта», я Лиля, больной придурок! — вырвав руки из его захвата, прошипела не хуже змеи. — А еще раз меня сисей обзовешь, я сама тебе по сисе дам, понял меня?! — грозно просипела, потирая ушибленную руку.

Все пять мужчин уставились на меня как на больную. Очень-очень душевно больную. С удивлением и сочувствием. Складывалось ощущение, что еще немного — и они начнут рыдать, жалея меня, непутевую.

Лариса, до этого тихо сидевшая в укрытии, вылетела из веток дерева стремительнее пули. Мужчины вышли из ступора, похватались за мечи, которые я, признаться честно, не заметила, и попытались зарубить мою храбрую подругу, нападавшую на них. Но куда им до Ларисы Ивановны?! Она успевала уклоняться и ранить покусившихся на меня когтями и клювом. Я в это время предприняла попытку к бегству, неудачную, надо сказать. Аборигены не теряли бдительности даже во время боя. Один из них снова схватил меня за руку и оттолкнул в сторону, к лошадям. Еще и пробурчал что-то, что я распознала как типичное мужское «Сиди тихо и не высывайся». Мужлан!

Я показала ему неприличный жест из трех пальцев, в надежде, что посылы в неприличные места во всех мирах одинаковые. Надежды не оправдались, «защитник» оказался глух к моим потугам. Я даже немного обиделась. Ну ничего, этот мир еще узнает силу великой фигуры из трех пальцев!

— Лариса! — испуганно воскликнула, увидев, как одному из уродов все-таки удалось схватить мою подругу за крыло.

Я ринулась на помощь, и все пятеро снова удивленно уставились на меня, явно не понимая, почему я пытаюсь освободить птицу, которая напала на них, и что я лепечу на непонятном им языке.

— Отпусти ее! Ты делаешь ей больно!

Ларису удерживали за оба крыла, вывернув их в неестественном положении. Ей явно было больно, но она все равно отчаянно пыталась клюнуть или хотя бы поцарапать своего мучителя.

— Мисси Виолетта, арка правиро унисвали! — уверенно сказал один из мужчин, встряхнув рукой, в которой была зажата Лариса. — Правили унисвали. Щцули!

Я замотала головой, силясь донести, что Лара не опасна и вообще она пыталась меня защитить. Потом, немного подумав, привлекла внимание того самого светловолосого, решив, что он в их компании идиотов — главный идиот, и схватила его за рукав вызывающей красной шелковой рубахи. Он обернулся и вопросительно приподнял идеальную правую бровь.

— Виолетта? — спросила я, указывая на себя пальцем.

Мне подарили обворожительную улыбку и старательно закивали головой. Дескать, да,

ты — Виолетта, дорогая моя, а не Лиля, как все эти двадцать пять лет считала.

— Виолетта, — еще раз указала на себя пальцем и утвердительно кивнула.

Мой палец перешел на блондина. Говори давай, кто ты, знакомиться будем, а также договариваться и учиться вежливому обращению с животными.

— Мисс Георг, — представился блондин.

Писаным красавцем был этот Георг, должна признаться. Платиновые волосы и ярко-зеленые глаза, точеное лицо, мужественная фигура. На вид лет двадцать пять — тридцать. Его палец перешел на черноволосого мужлана с серыми глазами в темно-зеленой рубашке, который оттолкнул меня к лошадям.

— Мисс Валентайн.

Второй мужчина кивнул, подтверждая.

— Мисс Шварльд, — третий представился сам, проявив инициативу, что не понравилось Георгу, судя по его насупленным бровям.

Шварльд был чем-то неуловимо похож на Валентайна. Тот же разрез глаз, тот же цвет шевелюры, тот же породистый нос с горбинкой. Из чего я сделала вывод, что они братья или ближайшие родственники.

— Мисс Едриг, — второй светленький, самый молодой из компании.

Не такой красавчик, как Георг, но тоже очень даже. Волосы русые, глаза карие, левую бровь пересекает шрам, который заканчивается на щеке. Удивительно, как он глаз не потерял. Но именно этот шрам делал его очень мужественным, выделяя из остальных.

— Мисс Витор, — был представлен последний — темно-рыжий, сверкавший голубыми очами.

Этот гад был самым галантным, не постеснялся подойти ко мне и сцапать мою руку, смачно ее облобызав. Я со злорадством вспомнила, что последний раз руки мыла ночью и неизвестно, сколько микробов там уже побывало.

Так, похоже, «мисс» — это что-то вроде обращения к аристократам. А «мисси», стало быть, это я. Аристократка то есть. Виолетта. Обижать вроде бы меня не собираются, вот даже от Лары защищали.

— Лариса! — я уверенно указала на птицу, все еще зажатую в руках у Едрига, и требовательно протянула к нему руку. Все удивленно уставились на меня и зашептались.

— Лариса! Виолетта! — еще раз повторила я.

— Вот-вот, я принадлежу Виолетте, отпустите, уроды! — заголосила птица.

Но из того, что шока у мужчин не прибавилось, я сделала второй неутешительный вывод, который окончательно меня добил — Ларису понимала только я! Ситуация вырисовывалась откровенно абсурдная. Я понимала Ларису, Лариса понимала аборигенов, аборигены не понимали никого.

— Арка ждале мисси Виолетте? — неуверенно спросил Георг.

Я непонимающе уставилась на него. Какая арка меня ждет? Что он несет вообще? Потом додумалась посмотреть на Ларису, ожидая перевода.

— Спрашивает, принадлежу ли я тебе, — пояснила она.

Ага, стало быть, Лара вовсе и не ворона, а «арка» или «ждале» — этот момент тоже стоило уточнить. На всякий случай я уверенно закивала головой, соглашаясь. Лариска Виолеттина, то есть Лилина, то есть моя — тьфу, запутали, ироды.

Ироды неуверенно переглянулись, но Ларису отпустили. Та неуклюже упала на землю от неожиданности, раздался громкий шмяк, мужчины заулыбались — ситуация их

позабавила. Я грозно взглянула на каждого по очереди, подошла к Ларе и взяла ее на руки, поглаживая по чернявой голове.

— Мисси Виолетта, мисс Лионель диаргон шляйн ваыник зварк! — вновь подал голос Георг.

Я заметила, что из всей пятерки разговаривал со мной только он. Стало быть, как я и думала, он у них и главный. И «узнал» меня тоже он. Осталось малое — выяснить, кто они и что им нужно конкретно от меня.

— Какой-то Лионель очень ждет тебя дома, — перевела Лариса, недовольно косясь на слишком близко подошедшего мужчину.

Я уверена, будь ее воля, она еще раз вцепилась бы в их волосы, защитница моя вреднючая. Но куда ей против пятерых... С двумя мы бы еще справились, а так — придется терпеть и, похоже, топать к этому Лионелю. Я еще раз ласково погладила Ларису, успокаивая ее и себя заодно.

— Ладно, хорошо! — кивнула я. — Лионель!

Вся пятерка, как мне показалось, облегченно выдохнула и заулыбалась, убрали мечи обратно в ножны. Валентайн, Шварльд, Едрик и Витор вновь запрыгнули в седла, Георг же подвел ко мне свою лошадку и уставился на меня, чего-то ожидая. Я в ответ уставилась на него. Играли в гляделки мы недолго, мужчина уступил первым. Слабак! Тяжко вздохнув, он посмотрел с неким укором, а потом взял меня за талию и усадил на лошадь боком. Я успела только испуганно вскрикнуть, отчего рябая кобыла подо мной встрепенулась. Георг ласково похлопал ее по шее, успокаивая. Я вцепилась в рукав его рубахи и потянула на себя. Воспользовавшись моментом, Лариса выскользнула из моих рук подобно рыбе, взлетела и уселась на ветку дерева, цепким взглядом осматривая местность и мужчин.

— Мисси? — вопросительно посмотрел на меня Георг.

Мужчины вели себя на удивление сдержанно и вежливо. Видать, эта Виолетта — важная шишка. Значит, буду наглеть, пока есть возможность.

— Мисс Георг, — я указала на место позади себя.

— Ити даст, — кивнул мужчина, запрыгивая в седло позади меня.

Георг подтянул меня к себе, и мы двинулись в путь. Я испуганно схватилась за мужчину, с ужасом ощущая под собой движение лошади, за что получила отеческую улыбку.

Как жаль, что нельзя перенести некоторые вещи из моего мира в этот. Ух, я бы им показала! А пока я могла показать только смирение с ситуацией. Единственное, с чем смириться не удавалось, это боль в желудке, она становилась все сильнее, а сил терпеть оставалось все меньше. Бравая пятерка сопровождающих лениво переговаривалась о чем-то, изредка косясь в мою сторону. Видимо, мужчины заметили, что мне плохо. Лариса тоже обеспокоенно поглядывала на меня — она летела надо мной и изредка садилась на плечо, чтобы доложить, о чем разговаривают мужчины. Так я узнала, что они считают, что бедная девочка Виолетта сошла с ума, а едут они, точнее — мы, к отцу этой самой Виолетты. Предположительно — к моему отцу.

— Лиля, с тобой все нормально? — обеспокоенно спросила Лариса, наблюдая, как я все сгибаюсь, держась одной рукой за живот.

— Живот... — прохрипела я.

Георг что-то спросил, трогая меня за плечо, в его голосе я услышала нотки беспокойства. Ответить не смогла, даже если бы понимала его — новый приступ боли заставил съежиться и хрипеть от едва сдерживаемых криков. Меня бросило в холодный пот,

тело покрылось мурашками.

Последнее, что услышала перед тем, как потерять сознание, это обеспокоенные крики мужчин и хлопанье крыльев. Упасть с лошади мне не дали сильные мужские руки...

Семья заменяет всё. Поэтому, прежде чем её завести, стоит подумать, что тебе важнее: всё или семья.

Фаина Георгиевна Раневская

Я плавала в каком-то полусне, лишь урывками выныривая из него. Один раз мне стало плохо настолько, что я проснулась, испытывая дикую боль. Сознание просто выпихнуло меня из темноты. Мы все так же были в лесу с моими провожатыми и Ларисой. Мужчины выглядели бледными, уставшими и перепуганными. Лариса не отходила от меня, обеспокоенно заглядывая в глаза. Я еще больше перепугала всех, когда меня начало мутить. Тошнило минут десять, а потом я снова отключилась — организм устал. Что было дальше, даже думать не хочу. Стыдно, противно и омерзительно. И хотя я понимала, что в этом нет моей вины, с организмом и болезнью не поспоришь, но было неловко перед малознакомыми людьми, которым приходилось ухаживать за мной. В следующий раз я очнулась от шума голосов, хлопанья крыльев и возмущенных криков подруги. Я кое-как вынудила себя открыть глаза. Даже такое, казалось бы, простое действие требовало немало сил. Тело не слушалось, взгляд не фокусировался, в горле пересохло, казалось, я не пила уже несколько суток. Не могла даже поднять руку, открыть рот и привлечь внимание людей. Все, что я слышала, все, на чем пыталась сконцентрировать внимание, все имеющиеся у меня силы уходили на Ларису. Она сидела на тумбочке возле, как показалось, кровати, а может, большого дивана, и пыталась отбиться от неизвестных мне людей, которые хотели убрать ее от меня. Кто и по какому праву — я не знала, но притеснять свое не позволила даже в таком состоянии. Я слабо улыбнулась и дрожащей рукой притянула замершую от моих действий птицу к себе. Пару раз ласково провела по ее подрагивающему от эмоций тельцу и снова ушла в небытие, чувствуя теплый комочек под боком. На этот раз это был не вынужденный обморок, это был лечебный сон.

Окончательно пришла в себя от ощущения шевеления в собственной шевелюре. Никогда не любила, когда трогают мои волосы, даже в парикмахерскую ходила редко, всегда откладывая этот момент до последнего. Вот и сейчас недовольно поморщилась и, не открывая глаза, попыталась прогнать покусившегося на мои волосы.

— Лиля? — неуверенно прозвучало откуда-то сверху.

— М-м-м? — сонно пробурчала в ответ, не открывая глаз.

— Триединые, Лиля, как ты себя чувствуешь?! — Лариса — а это была именно она — потопталась по моей голове, послышался шелест перьев.

— Если ты слезешь с меня, будет значительно лучше, — отшутилась я. — Что ты там делаешь? Гнездо?

Прислушиваясь к себе, к своему организму, отметила состояние как стабильное. Пациент уже не мертв, но еще и не жив. Живот уже не болел — это несомненный плюс, но общее самочувствие все еще оставляло желать лучшего.

— Что произошло? — спросила, открывая глаза.

Первое, что увидела, это перепуганную и взволнованную Ларису Ивановну.

— Ты не приходила в себя неделю, — жалобно протянула она. — Острое отравление. Все могло закончиться... Если бы не ребята.

Я не видела, чтобы птицы плакали. Но они умели. Умели так, как это могли делать

только животные — без лжи и фальши выражая все накопившиеся эмоции. И сейчас я растерянно наблюдала за тем, как моя маленькая отважная подруга роняла слезы на белую простыню. Она, знакомая со мной всего пару суток, искренне волновалась за меня. Когда мы успели так привязаться друг к другу? Я не могла ответить себе на этот вопрос. Говорят, что между людьми бывает любовь с первого взгляда, а бывает ли она между человеком и животным? Мне кажется, да! Потому что много пережила в этом мире за маленький промежуток времени, столько всего произошло со мной, но птица не бросила меня. Хотя могла и имела на это полное право. Миллионы раз она могла улететь, и я бы ничего не сказала. Потому что там, в моем мире, это обычная ситуация. Люди приходят и уходят, редко кто остается рядом, несмотря ни на что. Но Лариса не была человеком, не была существом моего мира. Она искренне помогала мне, заботилась и наставляла в нужный момент. Был ли у меня когда-то такой хороший друг? Нет. Но теперь он у меня есть.

— Лариса...

Я прижала черное дрожащее тело к себе, ласково пытаюсь успокоить истерические рыдания.

— Это я... Если бы не тот вайрис, если бы ты его не съела! — корила себя она. — Ты ведь не хотела, это я тебя заставила.

— Ну-ну, будет тебе, ты абсолютно не виновата. Кто знал, что мой организм не переварит розового хомяка, то есть вайриса. Я знаю, что ты заботилась обо мне, и я ни в чем тебя не виню.

— Точно?

— Ну конечно! Так, давай прекращай разводить сырость! Лучше расскажи, что произошло и где мы.

Находились мы с Ларисой в неизвестном мне месте в спальне, что уже настораживало. Да и, судя по обстановке, это не больница и не гостиница. Кровать с балдахином, пушистый белый ковер почти во всю комнату, тумбы из черного дерева с позолоченными ручками, высокие бархатные кресла на резных ножках — все кричало о богатстве и роскоши. Если это гостиница, то кто будет оплачивать этот безумно дорогой — а в этом я уверена — номер? Уж точно не я. Я исключала вариант, что так шиканули пять моих спутников. Хоть по ним и было видно, что парни привыкли жить на широкую ногу, особенно Георг, но вот в их безвозмездное благородство я верила мало. Либо что-то им нужно, либо это не они и это вовсе даже не гостиница. К этому варианту я склонялась больше всего. Осталось выяснить, где мы.

— Ты потеряла сознание, почти упала с лошади, но Георг вовремя успел тебя подхватить, — начала Лара, уютно устроившись в кольцо моих рук. — У тебя была лихорадка, парни пытались вылечить тебя магией, но она на тебя не действует! Это удивило всех, такой нонсенс, пришлось лечить тебя старинными народными методами. Слава Триединым, удалось перенести тебя порталом, хоть и не с первого раза. Если бы не амулеты... ты бы погибла прямо там, в лесу...

— Подожди, что значит «перенести порталом»? В этом мире есть телепортация? — удивилась я.

— В этом мире? В нашем, ты хотела сказать?

— Лара, не притворяйся, ты ведь давно поняла, что я не из этого мира! — попеняла я ей. — Голая, одна, в лесу, языка не знаю... Конечно же, я не местная.

Мне почти удалось смутить Ларису. Почти. Та уже отошла от нахлынувших чувств,

вновь став собой — вредной и болтливой.

— Откуда я знала, может, ты психически больная? Или поклоняешься Ромирану, те все фанатики, странные люди, от которых можно чего угодно ожидать.

— Ромирану?

— Один из Триединых... — отмахнулась Лара.

Но для себя я сделала пометку узнать об этих Триединых побольше. Лариса уже не в первый раз упоминала их. По-видимому, это местное божество, как наш Иисус или Будда. Возможно, и моя знакомая, оставившая на руке тату, тоже известна Ларисе. А шансом узнать о ней больше нужно воспользоваться, мало ли что...

— ...Сейчас мы в доме мисса Лионеля, — продолжала рассказ ворона, которая вовсе даже и не ворона. — Он отец Виолетты, за которую тебя все принимают. По слухам, девочка пропала два года назад. Что с ней случилось — неизвестно, все поиски дали нулевой результат. Все считали, что она погибла, а тут такое событие! Весь дом сияет от счастья.

— М-да, невесело, — заключила я. — Как-то надо сообщить, что я не бедная Виолетта, незачем зря обнадеживать несчастного старичка. А что с матерью?

— Мачеха! — выплюнула Лариса.

И я сразу поняла, что сказка про Золушку становится реальностью. Вот только ожидает меня не бал, фея и принц, а бесхребетный отец и злобная мачеха. Все плюшки ушли другим, мне остался только кнут.

— Сестер нет?

— Да вроде бы нет, а что? — Лара не понимала моей логики, но и сказку Шарля Перрса она не слышала.

— Разрыв шаблона, не обращай внимания.

Одна из дверей открылась — в спальне их три, и я увидела, как в комнату медленно вошла молоденькая девчушка лет пятнадцати, напевая незнакомый задорный мотив. Пела она, надо сказать, отвратно — фальшивила, а звонкий голосок то и дело срывался на визгливые нотки. Девчушка, не замечая меня, принялась за уборку. Горничная, стало быть, да и неброская одежда соответствовала. Черное платье длиной чуть ниже колен, сверху накинута серенький, обшитый кружевом передник с множеством кармашков.

— Кхе-кхе... — я попыталась привлечь внимание.

Девчушка забавно взвизгнула, чем вызвала мой смешок, и обернулась ко мне с испуганными глазами. Неужели болезнь меня так подкосила? Нет, я, конечно, здорово похудела — это видно по обтянутым кожей рукам, похожим на кости скелета, но не до такой же степени. Обидеться, что ли?

Пока я раздумывала о своей внешности, горничная выронила из рук тряпку, которой вытирала пыль, и выскочила из комнаты.

— Ну все, жди гостей... — недовольно пробурчала Лариса, наблюдая за тем, как медленно закрывается дверь.

— Значит, будем встречать! — принимая сидячее положение, заявила я.

Успела только поудобнее устроиться, как дверь с грохотом распахнулась, и начался сюр, не иначе. В комнату вбежал мужчина лет сорока и кинулся ко мне со слезами на глазах. Я отпрянула, но мужик был проворнее и успел сцапать меня в объятия. Лариса, зажата между нами, сдавленно пискнула и принялась вырываться. Роль начинки в нашем бутерброде ее не устраивала. Медленно до меня начало доходить, что воображаемый мною старичок Лионель вовсе даже и не старичок, и передо мной он. Самое страшное, что я не знала, что ему

сказать: даже если бы и знала язык, не смогла бы подобрать нужных слов. Его эмоции были настолько яркими, настолько ошеломляющими, что стало страшно.

— Да оттолкни ты этого плешивого! — бурчание Ларисы вывело меня из оцепенения. — Ногой ему! Ногой, куда дотянешься!

Кровожадность Лары меня позабавила. Смешок вырвался сам собой, что стало неожиданностью и для меня, и для папаши, который, наконец, оторвался от моего несчастного тела. Его руки все еще удерживали меня, а глаза пристально разглядывали. Во всем скользила нескончаемая нежность. Виолетту очень любили в этом доме. Отец так точно был от девочки без ума. И тем сложнее для меня...

— Лилия, — протянула я ему руку, представляясь.

Мужчина удивленно уставился на меня, потом помотал головой из стороны в сторону, улыбнулся и заговорил тягучим баритоном.

— Летта, дистикт менкраз васи цварк. Шлавни диаргон шляйн ваыник зварк! Хвасти фыфырик!

Опять этот фуфурик... Вот странный у них язык. И звучание странное, непривычное. Как смесь нескольких языков моего мира. Русский и английский, а может, где-то и азиатский, типа корейского. Лариса, нахохлившись, сидела на спинке кровати. Во всей ее позе так и читалось переполнявшее ее раздражение, она перевела слова Лионеля.

— Говорит, что рад видеть Летту. Они все очень горевали по ней, и вообще, какое счастье что ты, то есть она, вернулась.

Я еще раз строго посмотрела на мужчину.

— Лилия! — может, как до жирафа, со второй попытки до него дойдет.

Но тот вместо ожидаемого расстройства проявил совершенно другие эмоции. Рассмеялся и отечески потрепал мои волосы. Что-то я не поняла... С ума сошел, что ли, от радости?

— Они тут все считают, что у тебя потеря памяти, — объяснила мне Лариса.

Это многое поясняло, но! Всегда есть это «но». Я не Виолетта. Может быть, безумно похожа на нее — не спорю, в каждом мире где-то шляется семь похожих на тебя личностей, но я — не она.

— Да ладно, Лиля, расслабься и получай удовольствие. Будем как сыр в масле! — закатывая глаза, мечтала Лара. — Этот мисс Лионель — крупная шишка. Не то советник императора, не то еще какой вельможа. Короче, круче только сам Теодор III или его сынуля...

Для себя я отметила, что Ларка нахваталась моих словечек, что не есть хорошо. Да и ее цинизм мне не очень по душе. Нельзя пользоваться добродушием и доверием такого важного человека. Если обман раскроется, беды не миновать. А у меня и так проблем выше крыши.

— Летта, ити давги шварк. Екзварк уцви... — Пока мы с Ларисой разговаривали Лионель — дал же Бог имечко — собрался уходить. — Дамина диаргон шляйн ваыник, пропитель жжварынк.

И был таков. Что он пытался донести до меня этими словами, я не поняла, но на то у меня была Лариса — мой персональный переводчик. Она и объяснила, что ему нужно на работу, которая все же волк, в лес убежать может. Но я, по идее, по папеньке грустить не должна, скоро меня зайдет проведать Дамина. Стало быть, мачеха, если верить словам той же Лары. А ее словам, как и негативному отношению к этой самой женщине, я верила.

— Ладно... Справимся. Через сколько она придет?

— Не сказал.

— Плохо... Но, надеюсь, время умыться у меня есть. Кстати, где тут ванная?

— Без понятия, — пожала плечами Лариса. В ее исполнении это смотрелось комично и дико, но я уже привыкла к некоторым ее странностям, и к чересчур человеческому поведению.

— Неужели ты еще не везде сунула свой любопытный клюв? — усмехнулась я. — Непохоже на тебя.

— Вот сейчас с тобой и суну! — мне не удалось смутить Лару.

В спальни три двери. В одну вышел Лионель. Мы пошли исследовать, что за двумя другими.

За одной оказалась гардеробная, набитая кучей вещей. Чего тут только не было! Платья разной длины и фасонов, миллионы туфелек и еще больше украшений, шляпок и шарфиков. Здесь же я нашла и длинный халат, который накинула на себя. За второй дверью оказалась ванная. Вначале мы с Ларой попали в купальню с бассейном. Полочки манили к себе множеством разных баночек. Какая девушка не любит милые безделушки? Мы с Ларисой не были исключением, а потому сразу же рванули туда. Рассмотрев и нанюхавшись всяких средств во флаконах, я открыла еще одну дверь и замерла, увидев незнакомую девушку.

Она тоже смотрела на меня, замерев. Я шевельнулась — девушка сделала то же самое. Я подняла руку — она повторила. До меня, наконец, дошло, и я заорав, захлопнула дверь, успев увидеть перекошенное лицо отражения и синхронное движение.

— Лиля! — упрекнула меня Лариса. — Зачем так орать?!

Она от неожиданности смахнула с полки несколько баночек, они разбились, и их содержимое вылилось и смешалось. Резкий неприятный аромат заполнил всю комнату, отчего гудевшая голова начала болеть еще больше. Я помассировала виски круговыми движениями, надеясь, что это хоть немного поможет.

— Лариса... Как я выгляжу? — мой голос все еще дрожал от пережитого шока.

— Как-как... Обычно! — пробурчала она.

— Точнее, Лара, точнее! — воскликнула я. — Опиши меня!

— Тощая, мелкая, волосы странные — темные, но с белыми прядями. Обычная, в общем, какой и была. А что не так?

— Ох, Лара, все не так, все...

Я отошла от двери, походила перед ней взад-вперед, а потом резко открыла. Девушка никуда не делась, естественно. Из зеркала на меня смотрела я, но в тоже время и не я. У нас с этой девчонкой один типаж, овал лица, одинаковое телосложение, но ей лет восемнадцать. То есть — мне. Нос... Не мой, точно. Где прекрасная горбинка, которая досталась мне от мамы? Где ямочка на подбородке, где шрамик над левым глазом, где кривая ухмылка и зеленые глаза? Куда все делось? Откуда этот идеальный маленький носик, гладкий подбородок и, самое главное, когда я успела сменить цвет глаз и волос?! Медленно приходило осознание подставы, которую мне устроили. Чертова богиня вселила меня в чужое тело! Да, красивое, да, молодое, но не мое!

— Так, спокойствие, Лиля, только спокойствие....

— Да какое, к бабушке, спокойствие?! Долбаное тело — не мое!

— Что значит «не твое»?

— А вот с этим мне надо будет разобраться! — не хуже змеи прошипела я. Любая гадюка позавидовала бы тому яду, которым было пропитано каждое мое слово.

— Лиля, ты меня пугаешь... — призналась Лариса.

— Зато теперь понятно, почему меня путали с этой Виолеттой. Видимо, в тело этой девчонки я и попала... — пробурчала себе под нос. — Что же тогда приключилось с ней?

— Лиля-а-а... — помахала крылом перед моим лицом Лариса, стараясь привлечь к себе внимание.

— Так, Лариса, первым делом нам нужен ребенок!

— Зачем? Что за странные желания? Я не буду рожать!

— Дурная! Надо найти в замке дочь или сына одного из слуг и научиться языку.

— Как? — птица явно не понимала всю гениальность моего плана. А он у меня был!

Все думают, что у меня амнезия, так что неудивительно, если большую часть времени я буду проводить не с любимыми родственниками, а узнавая все вокруг и исследуя мир. А играя с детьми, я смогу изучать новые слова. Маленькие человечки не такие подозрительные, как большие, не заподозрят ничего и не побегут докладывать отцу о странностях поведения его дочери. Для всех это будет забавной игрой, в которую я — добрая девочка, и Лара — диковинка, будем играть с малышкой.

— Увидишь... — я коварно улыбнулась.

Лариса не хотела расставаться с блестящими скляночками и выглядела по-настоящему счастливой, когда я сообщила, что мы остаемся здесь жить, учимся разговаривать и познаем мир, а там — как карта ляжет.

— Виолетта? — из спальни послышался женский голос.

Стоит привыкать к имени Виолетта и отзываться на него. Как ни грустно это осознавать, но застряла я в этом теле надолго, как бы ни навсегда. Пока не разыщу ту, что подкинула мне такой подарок, ходить мне Виолеттой.

Я выскочила из ванной и увидела женщину, расхаживавшую по моей спальне, как по своей. Мне не понравилось уже одно это. Да и сама по себе она выглядела самовлюбленной и надменной. Высокая, темноволосая, статная и фигуристая. Меня сразу же поразили цвет ее глаз — ярко-красный, подобно огненному пламени. И, видимо, красotka всеми силами подчеркивала их необычность, даже ее фигурка была затянута в плотно облегающее бордовое платье до пола. На шее красовалось странное ожерелье, поблескивавшее таким же красноватым камнем в золотой оправе. Слишком много красного, в глазах начало рябить. Я с ужасом догадалась, кто передо мной — не иначе как мамочка пришла проведать больное дитятко.

— Виола, — имя резануло слух, я поморщилась, — драгнис правили дайс?

Красotka — это пришлось признать — быстро окинула меня взглядом, ища что-то или просто осматривая на наличие повреждений. На мгновение дольше, чем следовало, задержалась на моих волосах и продолжила как ни в чем не бывало:

— Цвайх вылей дастинг?

Хвала богам, на помощь пришла Лариса. Точнее, прилетела, бросив, наконец, свои треклятые баночки. Устроилась на спинке кровати и переводила сказанное мачехой, наблюдая за нами горящими от любопытства глазами.

— Спрашивает, как ты себя чувствуешь и не беспокоит ли тебя что-то...

Ага... Осталось придумать, как ответить. Мысли лихорадочно прыгали, но ничего путного на ум не приходило.

— Виолетта! — надоело ждать женщине.

Боги, какая нетерпеливая! Я просто пожала плечами. А чем не ответ? Может, я

необщительная, в конце концов, мало ли какой стресс перенесла. Дамина — если я не ошиблась с именем — видимо, считала так же, потому что кивнула, развернулась на каблуках и зашагала к выходу, бросив напоследок что-то непонятное. Лара перевела это как пожелание приятного отдыха.

— До чего же неприятная особа!

— Полностью согласна, Лара.

— Это ты еще не видела, как она первый раз скривилась при виде тебя.

— Тоже мне новость! Мало кто полюбит падчерицу как родную дочь, — пожалала я плечами.

В ближайших планах у меня был сон, еда и разведка местности. Но начать все же пришлось со сна — как бы ни хотелось есть, я боялась загружать желудок. Да и усталость брала свое, сил у меня было еще мало. Значит, сон, а потом все остальное...

***

Прошла неделя. Я ела, отдыхала и набиралась сил. После двух кошмарных дней и недели болезни мне это требовалось, и все относилось к моему желанию с пониманием, особо не беспокоя. Чаще остальных ко мне заходил отец; когда не был занят работой, он просто садился рядом и читал книги или свитки, посматривая на меня. Иногда перед уходом он гладил меня по голове. В редких случаях, когда его переполняли эмоции, он вскакивал с кресла и стискивал в медвежьих объятиях. Единственный раз наведалась Дамина, и тот визит быстро закончился. Как доложила Лариса, которая за это время побывала во всех уголках замка и прощупывала за всеми его обитателями, женщина либо была в разъездах, либо запиралась в подвалах. Чем она там занималась — неизвестно, но среди слуг ходили слухи, что она ставила там магические опыты. Она то ли знаменитый магистр, то ли еще какая-то крутая шишка, связанная с магией — Лариса точно не запомнила. Слуги редко болтали о ней, чаще всего перебивая косточки мне. А я наслаждалась покоем, но о важном не забывала.

Познакомилась с горничной, которая убиралась у меня каждый день — Лейлой. Она же приносила мне еду и забирала грязную посуду. С ее помощью я разучила слова «аст» и «нас», что на мой родной русский переводились как «да» и «нет», и еще несколько несложных слов, в основном связанных с бытом. Естественно, во многом помогала Лариса, без нее изучение языка проходило бы в разы сложнее. Кстати, оказывается, моя дорогая подруга вовсе и не ворона, как я считала, она арка — хищная птица с магическими способностями, или, точнее сказать, с их полным отсутствием. Любая направленная магия на нее не действовала. То есть ее нельзя ранить огненным шаром, но можно, к примеру, поймать в магически созданную клетку. Но и в этом случае были какие-то свои заморочки, даже сама Лара точно не знала, до каких пределов она невосприимчива к магии. Зато стало понятно, почему пять мужчин отбивалась от Ларисы мечами, не используя магию. Куда делись парни после того как доставили меня домой, к сожалению, неизвестно, а я хотела бы поблагодарить их за заботу и помощь. Естественно, после изучения мной слов благодарности, не раньше.

Сегодняшний день был очень волнительным для нас с Ларисой Ивановной. Мы, точнее я, впервые выходили из спальни, так сказать, в мир. Я уже достаточно окрепла для прогулок, и нас с Ларой потянуло на изучение местности. Арка доложила, что вокруг дома раскинулся прекрасный парк с вычурными беседками среди деревьев и клумбами пестрых цветов. Самое то: свежий воздух и приятная компания, тем более что на прогулке я рассчитывала встретить

ребенка. Учеба и еще раз учеба — это стояло на первом месте, если я планировала нормально жить в этом мире.

— Ну что, ты готова?

— Еще минутку! — крикнула я из недр большой гардеробной.

Я уже более-менее освоилась в своих апартаментах и даже изучила содержимое «шкафа». Этот мир нельзя назвать средневековым в привычном мне понимании. Женщины здесь носили платья и по колено, но чаще всего длиной в пол. Простолюдины предпочитали темные, неяркие цвета и простой крой. Девушек в брюках я не заметила, но Лариса утверждала, что есть и такие — магини. Мужчины ходили в классических костюмах, как мой отец, реже их выбор падал на кожаные штаны и рубахи — так одевались, отправляясь в длительные путешествия. Слуги мужского пола носили серые ливреи, напоминая пингвинов. Быт завязан на магии: воду в ванной нагревали с помощью специальных камней, которые слуги бросали на дно бассейна. Лара как-то обмолвилась, что это артефакты огня. Свет тоже давало не привычное электричество. Магия и еще раз магия. Мне стало интересно, как они добывают железо, но и тут все оказалось до банального просто — магия земли шагнула далеко вперед, маги научились добывать из недр металлы и управлять ими. Давалось это, правда, лишь избранным: нужно быть очень сильным магом земли, чтобы стать магом металла.

Я по-настоящему загорелась идеей обучения магии. Какие перспективы, какие возможности! Но и тут облом... Не каждый житель этого мира обладал магией, и Виолетта магом не была.

— Летта! — прикрикнула на меня Лариса, которой надоело ждать.

— Иду-иду! — я выскользнула из гардеробной, на ходу поправляя шляпку. — Ну как, не буду белой вороной?

Выделяться не стоило. Мало ли какие гости гуляли по замку, а лишнего внимания не хотелось, как не хотелось расстраивать папу. Привязалась я к этому мужчине.

— Не знаю, кто такие эти белые вороны, но выглядишь ты отлично!

Я и вправду постаралась. Пышное изумрудного цвета платье с белой вышивкой облегло мою фигурку. Туфельки в тон на низком каблучке и шляпка белого цвета прекрасно дополняли образ.

— Славно, пошли? — Я подставила Ларисе руку, согнутую в локте. — Белые вороны... Ну, это такие птицы в моем мире. Они выглядят как ты, только поменьше и белые. И очень выделяются среди своих собратьев.

— Тогда ты ворона, белая, — похихикала Лариса. — Выделяться все равно будешь, как ни старайся.

Это правда, стоило принять, что я, да и арка, были личностями интересными как для слуг, так и для гостей.

Парк поражал своими масштабами. Я блуждала по нему уже больше получаса, но конца и края не видела. Здесь были скульптуры неизвестных мне существ и прекрасных дев, самые разнообразные фонтаны и фонтанчики, уютные беседки, оплетенные растениями; особенно мне понравилась одна в отдалении от главной дорожки, увитая мелкими чайными розочками. Лариса улетела, оставив меня одну — ей нужно было размять крылья. Я гуляла, наслаждаясь природой и одиночеством, таким редким в последнее время.

Я хотела уже вернуться на главную тропу и продолжать прогулку, беспокоясь, что Лара меня потеряет, но внимание привлек разговор. Я слышала лишь отголоски, но он явно шел

на повышенных тонах. Мужской и женский голоса не стеснялись в выражении эмоций. Мне стало любопытно. Спрятавшись за кустарником, я на полусогнутых ногах двинулась к говорившим.

Дамина. Моя мачеха — а спутать ее с кем-то сложно — размахивала руками и оживленно что-то пыталась доказать мужчине в плаще. Кто это? Я подкралась поближе, надеясь лучше разглядеть его.

— Тихо ты, спугнешь! — шикнули на меня с ветки ближайшего дерева.

Я вздрогнула, пойманная на подслушивании, начала оглядываться и только потом вспомнила, что в этом мире понимаю только Ларису. Так и есть, моя любопытная подруга всегда оказывалась в центре событий и, я уверена, сидела она тут дольше меня. Пока я отвлеклась на арку, парочка разошлась, не заметив слежку. Лара спорхнула с ветки и села мне на плечо, о чем-то сосредоточенно думая.

— С кем разговаривала Дамина? — почему-то это показалось важным.

Может быть, потому что мужчина — а голос был мужским и незнакомым — всячески старался скрыть свою внешность?

— Не знаю, я не смогла разглядеть, но вот разговор...

— Что-то не так? О чем они разговаривали?

— Эта тварь хочет отправить тебя в АМИ.

— Так это же здорово! — воскликнула я. — Учеба, магия — это хорошо.

— Ты не понимаешь... У Виолетты нет магических сил, ты не пройдешь испытание и просто погибнешь!

Я бы всем, кто заочно учится, ордена давала. Это ж какую силу воли надо иметь! Никто над ней не стоит, а она занимается и занимается.

«Девчата»

— Ты что-то путаешь... Ну не может же она настолько ненавидеть Виолетту! Что бедная (спорный вопрос — никто из нас Летту лично не знал), неприметная девочка ей сделала?

— Триединые, надеюсь, что так и есть, — глядя вслед ушедшим, прошептала Лариса.

Арка была более чем серьезно настроена на военные действия с Даминой, если те потребуются. Это место ей нравилось, она в восторге от больших комнат, блестящих вещей, которых здесь в избытке, и от слуг, каждый день приносивших ей куски мяса. Для нее даже установили специальную подставку в моей комнате — большую жердочку, но Лариса пока высокомерно ее игнорировала, предпочитая спинку моей кровати.

— Давай не будем бежать впереди паровоза, — я погладила Лару по голове, пытаюсь успокоить ее волнение. — Может, все совсем не так, как кажется.

— Не знаю, что такое этот твой паровоз, но надеюсь, ты права.

Убедить Ларису у меня получилось, но вот себя обмануть не вышло. Неужели это ревность к отцу? Да нет, глупо... Благоразумнее было бы попытаться со мной подружиться или хотя бы держать нейтралитет. Я-то любимая дочурка, а она женщина с улицы — как пришла, так и ушла из нашей семьи. Я не маленькая девочка, которой была Виолетта, и, начини она строить козни, быстро вышвырну ее из дома, даже пикнуть не успеет!

— Возвращаемся? — вынырнув из собственных мыслей, спросила у млевшей от моих ласк Ларисы.

— Только вначале в кухню зайдём! — почти промурлыкала она, хитро стрельнув глазками.

Вот обжора! Я усмехнулась. Уже ведь получила свою порцию, а все туда же — в кухню. Но перекусить и вправду стоило, от нервов аппетит разгулялся, а завтрак был часа три назад, если не больше, так что я и сама успела проголодаться. Еще раз окинула взглядом беседку, возле которой разговаривали моя мачеха и неизвестный мужчина, и направилась обратно во дворец, который уже полюбила как собственный дом. Всегда мечтала о скромном домике, и непременно с садом, но денег хватило только на скромную двушку не в центре города, и то взятую в ипотеку. А тут получила не дом — целый дворец! И когда я стала такой меркантильной?

Я не знала, где и что здесь находится, пришлось полагаться на свою интуицию и знания Ларисы. Своим появлением мы перепугали местную прислугу. Детвора и ученики поваров заметили нас еще на подходе и с перепуганными лицами разбежались кто куда. И по тому, как он выбежал нам навстречу, на ходу придерживая сползающий с головы белый колпак и вытирая руки о передник, я подозреваю, что именно они доложили о нас повару — пухленькому дядюшке с гусарскими усами и малюсенькими глазками. Он был взволнованным, и явно не понимал, что мисси нужно. Видимо, аристократия не часто заглядывала к ним с проверкой.

— Мисси Виолетта, — залебезил повар, чьего имени я, к сожалению, не знала, — чего надобно?

Разумеется, говорил он в вежливой и сдержанной форме, но Лариса перевела мне его слова, используя похожую форму и интонацию.

— Еда! — ответила чуть высокомерно, вздернув нос и блеснув карими глазами — до сих пор к ним привыкнуть не могу. Пусть думают, что вот такая я необщительная и злая. Это лучше, чем слабоумная.

Мужчина пролепетал что-то в ответ, заглядывая мне в глаза. Я разобрала «еда» и «столовая», из чего сделала вывод, что меня вежливо просят не соваться на территорию и вообще свалить куда подальше, не путаясь под ногами. Может, смысл и был другим, но я все равно покачала головой и с уверенностью танка двинулась вперед, огибая дядечку по дуге. Ишь, чего удумал, указывать он мне будет, ага, сейчас!

Мое появление в кухне произвело фурор! Шоу началось, стоило мне переступить порог. Пробегающий мимо мальчишка, державший в руках ведро с чем-то дурно пахнущим, заведя меня, запнулся, сделал по инерции еще несколько шагов и с грохотом упал. Помои растеклись по полу огромной вонючей лужей. Лейла, уже знакомая мне горничная, кинулась помогать поваренку, но поскользнулась и упала на бедного ребенка. Раздался крик — другого подходящего слова для звука у меня не нашлось. Стоявший позади меня повар схватился за бедный помянутый колпак, потряс им в зажатом кулаке и ринулся к ним. Видимо, с намерениями отчитать. Стоит ли говорить, что коварная лужа своего не упустила? Послышался отборный мат, судя по тому, как покраснели дети, но повар на удивление устоял!

И все бы на этом и закончилось, не войди в этот момент рыжеволосый парнишка, насвистывавший песенку и размахивавший подносом — не иначе только что вернулся от папеньки, я не раз видела его подававшим чай или напитки покрепче. Он двигался точно в сторону кучи-мала... И вот тот самый момент! Рыжеволосый упал и подскочил ногой повара, поднос взлетел, все в кухне с замиранием сердца следили за его полетом и оглушительным приземлением на голову повара.

Брызги вонючей субстанции от плюхнувшихся в неё людей разлетелись во все стороны, забрызгав и стоявших рядом, и меня. Пока все с испугом ринулись поднимать поверженных помоями, я хохотала как безумная, несмотря на испачканное в вонючей жиже платье. Когда все поняли, что наказывать за безобразие никого не собираются, со всех сторон кухни раздались неуверенные смешки. Вскоре в помещении смеялись все.

— Еда, — напомнила я о себе, все еще улыбаясь. — Я пришла за едой.

Я не была уверена в правильности составленного мной предложения, но, судя по тому, что вскоре мне освободили место и предложили подождать, сказала правильно — тренировки и общение с Лейлой и Ларисой не прошли даром. Вот, кстати, непонятный мне момент — как именно происходит наше с ней общение. Я понимала ее так, будто она говорит на чистом русском, но она не раз отмечала, что перевод слов для нее происходит в голове, словно это ее мысли. Но как точно это действует, ни одна из нас сказать не могла.

Меня уже не боялись, поглядывали с любопытством и не вздрагивали от каждого моего движения. Куча сплетенных тел была расплетена, безобразие устранено, а передо мной стояла тарелка с подогретым супом. Вроде грибной, а вроде и нет. На вкус незнакомо и необычно. Здесь привычной картошки и морковки я еще не встречала и вообще сомневалась в их существовании в этом мире.

— Мисси Виолетта? — меня подергали за подол заляпанного платья.

— Да? — с улыбкой глянула на маленькую чумазую девчушку лет шести-семи, не

больше.

Не успела рассмотреть ее, как она, приободренная улыбкой, начала что-то быстро-быстро лепетать. Я обернулась к Ларисе, которая ела мясо.

— Она спрашивает, может ли она после твоего обеда поиграть с птичкой, — чавкая и порывая, ответила Лара, не отрываясь от еды, — и не будешь ли ты против.

— О-о... — протянула я, удивленная храбростью ребенка.

Не каждый взрослый в этой комнате решился бы подойти ко мне, боясь моего гнева. Но, наверное, детям неведом страх. Им хватает мужества и любопытства подойти к страшной тете, которой ее не раз пугала мама, и попросить о такой маленькой, но очень важной для себя вещи. Храбрость надо поощрять, особенно храбрость такого маленького человечка. А девчушка чудо как мила, несмотря на замызганность. Кудрявые белые волосики завязаны в два хвостика: один повыше, второй пониже. Зеленые глазки сверкали от едва сдерживаемого любопытства, а курносый нос, усеянный едва видимыми веснушками, так и напрашивался на легонький щелбанчик.

— Да, можно! — с улыбкой кивая, ответила я.

Девчушка просияла, присела в неуклюжем, но безумно милом реверансе и радостная побежала к ожидающей ее детворе, которую я заметила только сейчас. Помахав им рукой, я продолжила свой обед, поглядывая по сторонам и следя за процессами в кухне. Оживление, царившее здесь, напоминало шум города с его вечным движением. Только сейчас я поняла, как соскучилась по этому шуму и суете, по городской жизни. По той жизни, какой я жила, помнила ее и любила.

— Доела? — вклинилась в мои мысли Лара.

— Да, пошли, — я улыбнулась, наблюдая за оживлением в рядах детишек, — порадуй мелких, пострадай недолго.

Лариса Ивановна тяжело вздохнула — детей она не любила, но мужественно взяла себя в крылья и приготовилась к унижению. Унижению — потому что дети могли играть с птицей, только тиская ее и всячески испытывая ее нервы на прочность. Лара в принципе стойко переносила только мои прикосновения, на остальных покусившихся на ее шкурку она обычно реагировала весьма агрессивно и била когтями. А потому и сейчас взрослые поглядывали на арку с опаской, зная ее непростой нрав.

— Потерпишь немного, нам для дела надо, — напомнила я.

— Да знаю я...

У меня уже был план, как выучить побольше слов. И сейчас я собиралась привести его в действие.

— Лариса, — представила я птицу детям, которые с блеском в глазах разглядывали непривычную и незнакомую им зверушку.

Лара с достоинством королевы высокомерно кивнула. Дети наперебой, перекрикивая друг друга, начали представляться в ответ. Я запомнила только храбрую девчушку, так напомнившую меня в детстве — Шарли.

Деревенских называли по-простому — имя и фамилия. Аристократия же использовала длинные имена, а то и несколько, приставки к фамилии, и при этом не забывали они и о титулах. Так к незамужней девушке обращались «мисси», к замужней «мисса». К мужчинам было одно обращение, вне зависимости от их семейного положения — «мисс». Я провела параллель с англоязычными странами и все быстро запомнила, не испытывая трудностей.

Дети терпеливо ждали от меня дозволения, я ждала нужного момента. Концентрация

достигла нужного мне предела, и я решила показать, как же они будут играть, в то время как я буду тихо сидеть себе в теньке, обучаясь.

— Цветок, — показательно громко, чтобы каждый из ребятишек — а их было восемь — услышал меня, произнесла я.

Лара вспорхнула с моего плеча в сторону раскинувшейся недалеко клумбы. Сорвала клювом неизвестное мне ярко цветущее растение и прилетела обратно, опуская цветок на протянутую руку. Дети восторженно захлопали в ладоши. Каждый из них начал выкрикивать слова, не дожидаясь моего разрешения. Я покачала головой, пригрозила им пальчиком и принялась выстраивать из них цепочку-очередь. И только после того, как ребятишки заняли свои места, удовлетворенно кивнула и махнула рукой, разрешая начать игру.

Дети развлекались как могли. Я надеялась тихо и спокойно отсидеться в сторонке, но глубоко ошиблась. Мы бегали по всему замку как угорелые. Дети придумывали все более сложные слова, проверяя способности Ларисы. Изредка кто-то из них пытался мухлевать, говоря сразу целыми предложениями или выкрикивая слова, не дожидаясь своей очереди. Но я строго следила за выполнением правил, и хитрец каждый раз был отправлен в конец очереди в назидание остальным. Ларисе, конечно же, было несложно «вынимать» нужные слова даже из предложений, но тогда терялся смысл моей задумки. Для нас в первую очередь это было занятие и только потом игра. Лара стойко терпела, я поражалась ее выдержке, когда ее гладили и всячески ей умилялись, такой умненькой. Один раз мы чуть не наткнулись на мою мачеху, шедшую по коридору. Я шикнула, прикладывая палец к губам, призывая к тишине, мы свернули в другую сторону и остались незамеченными. Детям, по-моему, даже понравились эти шпионские игры, потому как мы еще не раз оказывались в том самом месте, но на Дамину больше не натыкались, слава богам.

Так мы провели все время до ужина. Всех ребятишек я вернула туда же, откуда и увела. Но уже довольных и уставших, за что родители были мне по-своему благодарны, судя по их приветливым улыбкам. Голова пухла от обилия информации. Лариса была выжата и слишком уж враждебно косилась на любого подошедшего к ней. Устала, бедняга. Я похлопала себя по плечу, Лариса сразу же встрепенулась.

— Пошли, мученица, пора отдыхать.

— Отдых... Нам он только снится! — пробурчала она, приземляясь мне на плечо.

— Да ладно, а помнится, было время, когда кто-то жаловался на скуку, — попеняла я ей с улыбкой.

— Какой глупой я была... — простонала она, пряча голову за крылом и заставляя меня рассмеяться.

Такие игры мы повторяли еще три раза, каждый раз усложняя задания для Ларисы и расширяя мои знания. Так один раз я принесла из библиотеки книгу сказок. Читать я не умела так же, как и говорить. Значки, напоминаящие японские иероглифы, для меня были непонятными картинками. Но с детворой я быстро выучила нехитрый алфавит, всего двадцать восемь букв, и обучение двинулось быстрее. Теперь я пыталась читать! Конечно, с помощью все той же Ларисы. Если слово было мне незнакомо или я читала его неправильно, она поправляла меня и подбирала понятный перевод. Начала я с детских сказок, которые были незамысловаты по сюжету, но, помимо языка, открывали тонкости этого мира, которые мне были чужды и непонятны. Так я узнала, что населен Игдарион — так назывался этот мир — только людьми. Сказочных эльфов, оборотней и дроу здесь не было, что меня

чуть-чуть расстроило, но были маги, ведьмы и метаморфы. И различались все по особенностям магии, если та имелась. Как именно выявлялись эти различия и в чем была их суть, в сказках, естественно, не объяснялось, но я надеялась это узнать из взрослой литературы, когда и сама дорасту для нее.

Один раз я наткнулась на сборник легенд. Ходило интересное поверье, что этот мир — большое древо Игдарион. В корнях его спят умершие, в кроне живут люди, а на верхушке осели боги — демиурги этого мира, Триединые. Я только посмеялась над тем, какие наивные эти люди, еще не догнавшие нас — бороздящих просторы вселенной и открывающих новые планеты и целые галактики.

Все было хорошо, тихо и спокойно, я потихоньку училась, читала книги и общалась со слугами, практикуя с ними язык. Единственное, что меня настораживало, так это бездействие Дамины. Прошло уже три недели моего пребывания в этом доме, и две из них я не встречала свою мачеху. Нет, я вовсе не скучала по ней, но меня это волновало, как затишье перед бурей после того разговора, который мы с Ларисой невольно подслушали. И чем дальше, тем сильнее я убеждала себя, что все это было плодом нашего с Ларисой воображения и бояться совершенно нечего.

Дни летели за днями, и ровным счетом ничего не происходило. И вот когда я расслабилась, столкнулась с Даминой в коридоре. Женщина, как всегда в красном, шла с сосредоточенным лицом, разглядывая что-то в свитке, который держала перед собой. По ее походке было видно, что она спешит, а потому я сразу же отошла в сторону, уступая ей дорогу. Но она неожиданно остановилась около меня, свернув документ.

— Виола, милая... — Я еле сдержалась, чтобы не поморщиться. — У тебя ведь скоро день рождения, да?

Я не знала, когда родилось это тело, да я даже возраст его не знала, но на всякий случай осторожно кивнула.

— Мы с Лионелем приготовили тебе подарок. Ты так давно об этом мечтала, — а голос, словно мед — сладкий, аж тошно. — Сегодня вечером, пожалуйста, поужинай с нами.

Я имела привычку есть у себя либо в кухне, поближе к простому народу. С семьей, которая каждую трапезу собиралась в малой столовой, предпочитала не встречаться. Но, видимо, придется: раз уж сама мамочка просит об этом, я не имела права отказать.

— Конечно, — улыбнулась.

— Прекрасно! — она вновь развернула свиток, уткнулась в него и пошла дальше по коридору.

И чего, спрашивается, ей надо от меня? Какой подарок? Одни вопросы, кто бы еще на них ответил. Был еще вариант, что я неправильно понимала ее, но если разговаривала я еще худо, то с переводом слов справлялась уже достаточно хорошо. Книги — наше все!

Вечером я, как любая приличная дочь, спустилась к ужину. Даже потешила мачеху — надела красное платье ей в тон, так сказать. Отец был уже на месте, Дамина только спускалась. Она сверкнула глазами, видя мой наряд, но промолчала, недовольно поджав губы.

— Вы обе прекрасно выглядите! — воскликнул папа, отодвигая стул вначале для Дамины, а потом и для меня. По правилам этикета, наверное. До его изучения я еще не добралась.

— Спасибо, — с улыбкой ответила Лионелю.

Мамочка только высокомерно кивнула, принимая комплимент. Нет, я не понимаю: как

два таких разных человека могли сойтись?! И как такой нежный, добрый человек, как мой папа, мог влюбиться в такую холодную, вызывающую особу? Мир — загадка, как и люди, населяющие его... Жаль, Ларису пришлось оставить в комнате, ее присутствие было бы мне моральной поддержкой. Папа ее слегка побаивался: обычный человек, без магии, он не привык к хищникам за обеденным столом.

— О чем вы хотели поговорить? — наблюдая за сменой блюд, решила все же спросить я.

— Дорогая, тебе скоро двадцать... — ага, стало быть, сейчас этому телу девятнадцать лет, — и мы подумали и решили, что тебе пора отправиться учиться. Образование должна е получить любая девушка высшего света!

Я напряглась: уж не в магическую ли академию меня отправляют?

— Институт юных девиц имени святой Алистаны — прекрасное место, не думаешь? — с улыбкой закончил отец, ожидая от меня хоть какой-то реакции.

Я позволила себе расслабиться. Все это время сидела как на иголках, ожидая подвоха, готовая в любой момент вскочить. Не знала, что это за место, но именем какой-то там святой абы что не назовут, я думаю.

— Да, конечно, это прекрасно! — надеюсь, радость — это именно та реакция, которую от меня ожидают. — Когда мне нужно отбыть? Через месяц, два?

— О нет, дорогая! — вмешалась в наш с отцом разговор Дамина. — Ты отправляешься завтра.

— Как завтра? — глупо хлопая глазами, переспросила я. — А мой праздник?

— Отметишь его там, — раздраженно бросила мачеха. — Прием уже заканчивается, ты просто не успеешь!

— А документы? А собрать вещи? — я была растеряна и не готова к такому скорому виражу в моей жизни.

— О, дорогая, это все такие мелочи! — отмахнулся отец, отпивая вино из бокала. И почему у меня такое ощущение, что ему эту мысль навязала моя обожаемая мамочка? — Документы уже готовы, Дамина позаботилась об этом, у нее есть связи, а вещи соберет прислуга.

Вот в том, что это была ее идея, я не сомневалась! И даже с документами подсустилась, вы поглядите на нее! Нашла способ от меня избавиться и радуется! Но не тут-то было, поеду и выучусь! Образование мне не повредит, а если в этом институте еще и аристократки учатся — вообще прекрасно! Связи правят балом!

— Тогда я могу идти собираться? — сбрасывая салфетку с колен на стол, не доев даже основное блюдо, спросила я.

— Конечно-конечно, иди! — покивал отец.

А мне было обидно. Обидно почти до слез. Я надеялась, что хотя бы этот человек любит меня. И где-то в глубине души думала, что он защитит и не отпустит далеко ребенка, который вернулся к нему после трех месяцев отсутствия. Как же я ошибалась... В этом мире можно было доверять лишь себе! Как и в любых иных мирах.

Я забежала в комнату, чуть ли не рыча от злости и переполнявших меня эмоций. Лариса, до этого мирно отдыхавшая на жердочке, встрепенулась и сонными глазами проследила за мной.

— Ты чего такая злая?

— Мы уезжаем! — на ходу расстегивая молнию сбоку платья, заявила я.

— Куда? — на удивление спокойно поинтересовалась Лара.

— В какой-то институт какой-то там святой, я не запомнила.

— Не знаю я таких мест, — покачала головой арка, — не слышала даже.

Я сорвала с себя красное платье, с ненавистью глядя на него, оставшись в одном нижнем белье: трусиках и маечке — здесь привычных мне лифчиков не носили, заменяя их неудобными корсетами, которые я игнорировала.

— Да в том-то и дело... Нас туда знаешь кто отправляет? — устало опускаясь в кресло, спросила.

— По твоей реакции понятно, — Лара села возле меня на подлокотник кресла и, потоптавшись — была у нее эта привычка устраиваться поудобней, ткнулась мне в руку головой.

— Сама не знаю, почему так завелась... Хорошее вроде место. Все лучше смерти во время испытаний, — пошутила я, глядя Ларису.

— Ложись спать, отдохнешь, успокоишься, а утром вещи соберем, — посоветовала мне подруга.

И кто из нас старше и благоразумнее? Иногда Лариса поражала своими мыслями, знаниями и умениями.

Утро выдалось беспокойным. Подняли меня ни свет ни заря, но, как говорится, разбудить забыли. Еще минут сорок я безразлично-сонным взглядом рассматривала нервно бегавших туда-сюда служанок, пока мне не принесли завтрак — булочки и чашку горячего крепкого черного чая. Точнее, я не знала, как назывался этот напиток, но по вкусу и цвету — простой черный чай. Бодрящий, самое главное, и приводящий в чувство. Я сделала пару обжигавших глотков и начала осознавать ситуацию. Удручающую. Горничные, не имея четкого представления о том, что им нужно делать, просто создавали видимость работы, перекладывая вещи с места на место. Я наблюдала за ними минут десять, пока не поняла, что надо брать дело в свои руки.

— Стоп! — громко произнесла, поднимаясь с кресла.

Некоторые из девушек, стоявших ко мне спиной, вздрогнули и испуганно обернулись, чуть ли не со слезами глядя на меня. Я в первый момент растерялась от такой реакции. Вроде бить их тут не бьют, чего перепуганные-то такие?

— Ты и ты, — я указала на двух, стоявших ко мне ближе остальных, — упаковываете повседневные платья. Пять-восемь моделей, не больше. Желательно разных цветов и... фасонов. Два платья светлых тонов на специальный случай. И не забудьте про нижнее белье! Все, пошли!..

Девушки побросали шляпки, которые до этого крутили в руках, и побежали в гардеробную. Именно побежали, придерживая платья. Нет, надо все же уточнить, как их тут наказывают за провинности.

— ...Ты, — эту горничную я видела впервые, возможно, новенькая, — смотришь, что пакуют те двое, и подбираешь в комплект туфельки и шляпки, может быть, еще какой-нибудь шарфик. В общем, смотри сама. Головой же работать умеешь?..

Та кивнула, дескать, да, головой думает, но с места не двинулась. Чего это она, мозговой компьютер перезагружает? Я помахала ей рукой, намекая, что больше приказаний не будет и она может приступать. То ли загрузка завершилась, то ли девушка отмашки от меня ждала, но побежала так же, как и две предыдущие.

— ...Ты и ты, — этих я видела в кухне и, признаться, думала, что там они и

работают, — на вас драгоценности. Не слишком... — я запнулась, пытаюсь вспомнить слово, — не слишком броские. Что-то скромное...

Так, что еще может там понадобится, кроме одежды? Именно о ней я подумала в первую очередь, потому как женский коллектив всегда встречает по одежке. Как себя поставишь, так к тебе и будут относиться. А я не хотела прослыть вульгарной особой или девочкой без вкуса, серой мышкой. Такой я не была и первое мнение о себе хотела оставить запоминающееся, но в хорошем смысле этого слова.

— Лейла, — обратилась я к единственной горничной, которая осталась в спальне, — приберись здесь...

После девушек образовался жуткий бардак, они своими метаниями только навели шороху, не более. Некоторые так и побросали вещи, которые держали в руках, из-за чего те теперь несимпатичными кучками валялись на полу. А мне жалко их, дорого же стоит все это, несомненно.

— ...А потом не забудь сложить в отдельную сумку бумагу, пару тетрадей и писцы.

В Игдарионе, не было привычных мне ручек и карандашей. Для письма использовали писцы — тонкие палочки черного цвета. Как они действовали — неясно. Стержня внутри не было, руки от писцов не пачкались, и обмакивать их, как те же перья, в чернила не нужно. Одним словом — магия!

— Какая ты грозная! — восхитилась Лариса.

Она, пока я отвлеклась на девушек, подчистила мой завтрак и сидела довольная на спинке кресла, чистя перья.

— Волнуюсь... — призналась я, окидывая взглядом спальню. А теперь придется все бросать, уезжать и привыкать к чему-то новому. Причем, даже неизвестно к чему: вся имеющаяся у меня информация о месте будущего обучения — это название, которое я не запомнила.

— Зря. Было бы о чем переживать... Приедем туда, поступим и покажем им всем, кто главный, — лениво отозвалась Лара.

— Да, ты права, просто... Не знаю, беспокоюсь.

— Брось, все будет хорошо! — отмахнулась арка.

Я и сама не понимала, почему так нервничаю. Из-за переезда? Глупо. К новому миру привыкла, к новой обстановке не смогу? Смогу! Волнение из-за Ларисы? Даже если правила института не разрешают иметь животных, Лара всегда сможет прилетать ко мне. Нервничаю из-за сборов? Сама ведь все проконтролировала, переживать не о чем. Стоит сесть, успокоиться и подготовиться к долгой нудной поездке в карете. Таким способом я еще не путешествовала, опыт должен быть незабываемым. Кстати, я не выяснила, кто будет меня сопровождать. Вряд ли отец — он уехал, небось, очередное поручение императора. Работал мой папочка на износ, не жалея себя, все для короны и страны, иногда пропадал в командировках на неделю. Но слуги шептались, это не предел, раньше он уезжал на месяцы.

— Мисси Виолетта? — раздался голос Лейлы.

Я обернулась, девушка стояла в дверях, не решаясь ни зайти, ни выйти. Странно.

— Да? Что-то случилось?

— Вас ожидают. Куда проводить гостя?

Гость? Ко мне? Неужели кто-то из старых знакомых Летты прознал о ее возвращении?

— В малую гостиную, пожалуйста, — и на всякий случай уточнила: — В ту, которая зеленая.

Она особенно нравилась мне. Яркая, но в то же время ненавязчивая, успокаивающая, и оформлена с использованием природных мотивов: картины с пейзажами, вазы с приятно пахнущими цветами и уютные диванчики. Я влюбилась в нее сразу же, как только увидела.

— Поддай гостю напитки, пока он ожидает, — приказала.

Я решила сразу же надеть дорожное платье, не тратя времени на лишние переодевания. Это даст гостю понять, что наша беседа не может затянуться надолго, я спешу, а также сэкономит мое время. Простое темно-коричневое хлопковое платье, невзрачное на первый взгляд, если не знать о разрезах по бокам, дополнялось черным кожаным корсетом под грудь и черным же пиджачком с кучей заклепок сверху. Несмотря на лето, было довольно прохладно. Голые ноги, сверкавшие в разрезах платья, смотрелись слишком вызывающе, особенно обутые в высокие сапоги, потому под платье я надела еще и чулки. Горничная заплела мне волосы, украсив интересное плетение черными шелковыми лентами.

Я подошла как раз вовремя, моему гостю только-только подали напитки, судя по выходящей из комнаты прислуге. Я открыла дверь. На одном из диванчиков ко мне спиной сидел светловолосый мужчина.

— Мисс?

— О! — он явно не слышал моего прихода, потому как резко вскочил с дивана и обернулся на мой голос.

Вот почему мужчина был мне знаком! Передо мной стоял не кто иной, как мой знакомый спаситель Георг.

— Мисс Георг, — просияла я улыбкой, подходя к мужчине и протягивая ему руку, — рада вас видеть! Мне не удалось поблагодарить вас в прошлый раз, вы слишком быстро уехали.

— Мисси Виолетта, — блондин прижался губами к моей руке и тут же отступил на шаг, предлагая присесть.

Какой галантный — умилилась я, занимая место на свободном диванчике напротив.

— Что привело вас сюда? — полюбопытствовала, тайком рассматривая его.

Одет он был, как и в прошлый раз, по-походному, только рубашка сменилась, сейчас это был не вычурный красный — ненавижу теперь этот цвет, а сдержанный серый. Сама ткань была расписана золотистыми узорами, тут он все же отличился.

— Как вы себя чувствуете? — не спешил отвечать Георг на мой вопрос.

Может, это обычная вежливость, но мне показалось, что он тянет время. Вот только зачем?

— Спасибо, мне уже лучше... — Вашими молитвами, небось. — Я благодарна вам за свое спасение. Эта лихорадка совсем лишила меня чувств, оттого я могла вести себя немного странно...

Я с осторожностью подбирала слова. С их точки зрения, я, должно быть, тогда вела себя крайне неадекватно и чушь несла несусветную, странно, что меня вообще узнали и помогли. Спасибо вам за это, а теперь попрошу на выход.

— Ничего-ничего, я все понимаю, вы были не в себе, — поспешил заверить меня Георг.

— Прекрасно.

Пауза затянулась. Георг не спешил закончить наш разговор, неспешно попивая чай. С моей же стороны было бы крайне невежливо задавать тот же самый вопрос, между прочим, полностью проигнорированный дважды. Пришлось налить и себе чаю и молча пить, поглядывая на незваного гостя. И чего ему надо? За наградой пришел? Сам же обеспеченный

вроде, а все туда же? Так пусть обломится, папочки в замке нет, сама я ему ничего не дам. Даже если бы и хотела, денег у меня нет. А драгоценности пихать мужику как-то не комильфо, не поймет еще.

— О, вы уже здесь! — дверь открылась, и я увидела папу.

Вернулся? Когда успел, если я с час назад сама лично в окно наблюдала его отъезд.

— Папа, — улыбнулась я, кивком приветствуя родителя.

— Дорогая, мисс Георг любезно согласился сопровождать тебя в институт, — сообщил тот мне «радостную» новость. — Ты же знаешь, на дорогах сейчас неспокойно, одни воры да разбойники. Он лучший ученик Академии магических искусств! Лучшей защиты не сыскать!

Я раздраженно поморщилась, не сдержав эмоции. Хлыщ столичный, вот он кто! Нужен он мне, как Ларисе третье крыло. В дороге я надеялась и дальше практиковать язык, а еще был у меня план по обмену в ближайшем же городе некоторых украшений на деньги, которые в любом случае мне понадобятся. Свои, личные, всегда быть должны.

— Все, и не хмурься, — заметил мои эмоции отец, — это мое последнее слово! Вы выезжаете через сорок минут, будь готова!

Лионель покинул гостиную, на прощание громко хлопнув дверью. И что на него нашло, не пойму? То забота и нежность, то резкость и невнимание к моим желаниям. А я еще думала, что они с Даминой ужасная пара. Вот уж точно муж и жена — одна сатана. И верь потом людям...

— Вы же понимаете, что совершенно мне не нужны? — обратилась я к Георгу, вставая. — Этот случай отличается от прошлого... А еще у меня есть Лариса, которая прекрасно справится с моей защитой.

— Это личная просьба его милости, я не мог отказать, — холодно произнес мужчина.

— А стоило бы... Я с вами никуда не поеду! — не терпящим возражений тоном произнесла я, глядя на собеседника.

— Я тоже от этого не в восторге, вы же ненормальная, расстанемся с вами сразу, как отъедем от ворот, — раздраженно бросил Георг, резко поднимаясь и быстрым шагом покидая гостиную.

Дверью не хлопнул, и ладно. Нервный какой, вы посмотрите на него! И нечего на меня так своими глазами сверкать!

Воспоминаний много, а вспомнить нечего,
и впереди передо мной — длинная, длинная дорога, а цели нет...

Иван Сергеевич Тургенев «Отцы и дети»

Через тридцать минут после нашего разговора я сидела в карете, как и подобает любой приличной девочке, ожидая, когда тронемся в путь. Лариса нервно косилась на закрытую дверцу — ее напрягало маленькое пространство, и она уже который раз норовила сбежать. Я, естественно, ей этого не позволяла. Не хотелось остаться одной в этой коробке на колесах. Все мы, включая нервного Георга, слуг, кучера и лошадей, ждали папу и Дамину. Они по всем правилам приличной любящей семьи должны были выйти и проводить меня в путь, пожелав легкой дороги. Но время шло, некоторые из слуг начали поглядывать в сторону кареты с жалостью во взгляде. По замку и так ходили слухи, что от слабоумной дочери спешат избавиться, а тут, считай, все подтвердилось, даже проводить не вышли. Я открыла дверь, выглянула и осмотрелась. Да так, что некоторые из прислуги вздрогнули — такой злобный взгляд у меня был.

— Поехали! — гаркнула я.

— Но... — попытался возразить мне кучер, сидевший на козлах.

— Я сказала — поехали! Или ты глухой? Тогда зачем держать глухую прислугу? Найти тебе замену? — прищурившись, уточнила я у мужика.

Тот испуганно помотал головой и стеганул лошадей кнутом, да так, что те рванули с места в карьер, как говорится. Я, не ожидавшая такой прыти, чуть не вывалилась из кареты. Слава богам, за дверцу держалась, а то все, поминай как звали, попала бы под колеса, и конец. Дверцу закрывала с грохотом, а на место садилась, сердито сопя. На мужика сорвалась, но тот сам виноват, нечего было препираться, видел же ситуацию...

— Не сопи.

— Я не соплю.

— Вот и не сопи.

— Да не соплю я! Чего пристала? — разозлилась я еще больше.

— Ты как злобный разбуженный зимой шуршик, — хохотнула Лариса. — Со стороны себя видела?

— Ой, отстань, а? — с мольбой в голосе протянула я.

Кто такие шуршики, я не знала, но явно кто-то нехороший. Лара меня обычно ни с чем хорошим не сравнивает, больше со всякой гадостью.

— Хлыщ за нами едет? — спросила Лара через несколько минут тишины.

Я отодвинула шторку, прикрывавшую маленькое окошко, и выглянула наружу. Карета неслась по тракту, окруженному лесом. Наш замок стоял посреди хвойного массива большой белой глыбой, возвышавшейся над деревьями на добрую половину их роста. Утром из окна такую красоту можно было наблюдать, что дух захватывало. А вставала я рано, чаще всего, когда солнце только всходило, и училась до самой вечерней зари, не выпуская книг из рук. И то корила себя за то, что так мало знаю, умею и могу. Мне нужно больше времени, больше практики, чтобы спокойно выходить в люди. Да, за этот месяц я научилась разговаривать. Путая слова, медленно и короткими предложениями, но разговаривать! Но этого мало... И сейчас я совсем не хотела сопровождения, которое могло поломать мне все планы. Но Георг,

несмотря на наш договор, уперто следовал за нами.

— Едет! — раздраженно поморщившись, ответила я на вопрос Ларисы.

— Что делать будем?

— Избавимся от него в ближайшем городе. Пусть катится колбаской, — отмахнулась я. — Он сам обещал, пусть валит.

— Кого валит? — кровожадно уточнила арка.

— Убирается в смысле, — потом поняла, что и тут она меня не поймет, и еще раз уточнила: — В общем, пусть уезжает куда глаза глядят. Он своей дорогой, мы своей.

Лариса важно покивала в ответ, дескать, поняла мои сбивчивые попытки объяснить что-то. Я лениво разглядывала пейзаж за окном, который разнообразием не радовал. Лес — он и в Игдарионе лес. Ехать нам предстояло долго — почти две недели, в зависимости от погодных условий и состояния дороги. Папа путешествовал с помощью амулета, настроенного на столицу и наш родовой замок. Но у меня в руках амулет телепортации светился всеми цветами радуги и не желал выдавать правильные конечные координаты. Мне не хотелось оказаться посреди океана, а потому путешествие проходило чуточку сложнее, чем у других. Жили мы далековато от столицы, в которой находился этот самый институт, а потому предстояло по пути заезжать в большие и малые города на ночлег и за провизией. Чему я была несказанно рада. Интересно было посмотреть, как живут люди, чем отличаются от нас, землян, и вообще — это же другой мир! Удивительный, непохожий на наш! Я, конечно, видела, как живут простые люди Игдариона, но вся планета одной деревушкой не ограничивалась. Та же столица, я уверена, во много раз богаче и ухоженней. И люди там совершенно другие — такие, как Георг и моя матушка: лощеные, надменные и ни разу в своей жизни ничего тяжелее вилки не поднимавшие. Аристократы, одним словом. Я одна из них — единственная дочь первого советника императора, нежно любимая и балованная. Вот только такой была Виолетта... Моя мачеха, небось, радуется своей победе. Избавилась от нелюбимой падчерицы, все внимание отца снова принадлежит ей, да вот только, если бы я не хотела, меня и танком в этот институт не загнали бы. Образование вещь — нужная в быту, особенно для леди высшего света.

Мы ехали уже часа три, а может быть, больше, когда обхаянный мною кучер дал отмашку на привал. Карета остановилась, тяжело скрипнув. Пока возница занимался лошадьми, я выпустила Ларису размять крылья и заодно решила пройтись сама. От долгого сидения, да еще и в неудобной карете, которую подбрасывало на каждой кочке, тело затекло. Я начала задумываться о собственной лошади и обучении верховой езде, несмотря на то, что боялась этих животных. Лариса вообще выглядела разозленной на весь мир, ее я лишней раз не трогала, боялась за собственную жизнь — она в порыве негативных чувств могла и в волосы вцепиться. Вот и сейчас она первым делом полетела на охоту сбрасывать напряжение. Я же в это время гуляла по полянке недалеко от места остановки. Кучер поглядывал на меня с настороженностью, но не лез, слава богам. Надо будет потом извиниться, да и имя его узнать не помешает, ехать вместе нам еще долго.

— Вы не слишком-то дружелюбны, — неожиданно прозвучало сбоку.

Я поморщилась, общаться с еще одним обиженным у меня не было абсолютно никакого желания. Но, похоже, оно было у Георга. Он не спешил уходить и наблюдал за мной, плечом прислонившись к дереву. Красивый все-таки, зараза. Небось, каждая встречная слюни на него пускает.

— А вы не спешите исполнять свои обещания, — напомнила о нашей

договоренности. — Мы уже достаточно отъехали от ворот, а я все еще наблюдаю вас рядом.

Может быть, и стоило наладить с ним хорошие отношения, он-то не виноват в моем плохом настроении, но каждый раз он как будто специально нарывается! Бесит! Нет, не бывать перемирию. Пусть катится колбаской по Малой Спасской.

— Я уеду в ближайшем городе, не беспокойтесь, — сверкая глазищами, ответил Георг на мой выпад. — Часа три — и я избавлюсь от ненужного груза, а вы спокойно поедете дальше. Куда вы там направляетесь? В школу для магически отсталых?

Это я груз?! Нет, каков хам! И что значит «школа для отсталых»?! Нет, я слышала, что магов во многом превозносят — как же, защитники империи, светила науки — но вот о притеснениях простых людей, не обладающих магией, все молчали... Или все настолько привыкли к этому, что даже не обращали внимания?

— Лучше быть обделенной магически, чем умственно, — поставила я точку в нашем разговоре, разворачиваясь и поспешно возвращаясь к карете.

— О, стало быть, вам не повезло вдвойне! — крикнули мне в спину.

Я сжала кулаки, но промолчала и продолжила идти, не оборачиваясь, прекрасно понимая, о чем именно он говорит. Не объяснишь же ему всей правды. Чурбан неотесанный! Пусть думает о нашей первой встрече, что хочет. В конце концов, у меня была лихорадка, всегда можно списать все на нее. А то, что я языка не знала и шарахалась от людей... Об этом знала только Лара.

— Все в порядке?

Я подошла к кучеру, который занимался лошадьми. Не стоит откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Он не ожидал, да и вообще явно не привык к такому вниманию. Весь сжался, взгляд отвел и явно не был настроен на беседу. Но и мы не из робкого десятка, свои ошибки признавать умеем.

— Вы меня простите, сорвалась на вас ни за что, — неловко улыбаясь, произнесла я, осторожно дотягиваясь до руки мужчины. — Я вовсе не хотела вас обидеть.

— Да ладно, чего уж там...

— И все же! — пылко воскликнула я. — Я ведь даже имени вашего не знаю, а нам еще путешествовать вместе долгое время.

— Карл, мисси, — представился мужчина.

Я заметила, что он уже не так напряжен, да и настроен дружелюбно — не каждый день к нему извиняться дочери герцогов подходят. К простому мужику. А выглядел он действительно просто, такого на улице среди толпы не выделишь. Худой, невысокого роста, с поредевшими черными волосами, которые слегка тронула седина. Единственное, что выделяло его, это глаза — голубые, не утратившие с возрастом своей яркости.

— О, зовите меня просто Виолетта, когда мы наедине. Так будет намного проще и комфортнее.

Было видно, что мужчина засомневался, но все же через некоторое время неуверенно кивнул. Ну и прекрасно, ну и славно. Я улыбнулась ему, дождалась вернувшуюся с охоты довольную Лару и вновь села в карету. Наш путь продолжался. Но если с возницей все наладилось, то с другой тучи стали мрачнее и гуще. Того и гляди молнией шибанет...

Лариса, естественно, заметила и мои недружелюбные взгляды, и молнии едва сдерживаемого гнева в зеленых глазах Георга, но первые пару минут молчала. Я тоже молчала, не желая ничего рассказывать. Но терпение арки закончилось. Она начала переступать с ноги на ногу, с любопытством заглядывая мне в глаза. А потом все же не

выдержала и, раздраженно взмахнув крыльями, потребовала отчета о произошедшем.

— Он сам нарвался. Мы немного повздорили, — сдалась я под напором птицы.

— Какие страсти... — выдохнула Лара, прикладывая крыло к груди.

Вот честно, захотелось это крыло сломать. Какие страсти у меня могут быть с этим... этим... Даже слов приличных подобрать не могла! И, видимо, Лариса что-то такое уловила в моем взгляде, потому как поспешила уточнить, что конкретно имела в виду:

— Вы поубивать друг друга готовы. Если бы не запрет на магию вне академии без особой необходимости, ты бы уже угольком была.

О, какая интересная информация. Стало быть, наш многоуважаемый маг сейчас так же незащищен, как и я? С чего бы ему тогда в охране у меня быть?

— Почему тогда он в моих охранниках?

— Так меч у него не отбирали, — пожала плечами Лариса. — Да и в случае нападения он имеет право прибегнуть к самозащите.

Все же неглупые люди сидят у них в правительстве. Прекрасно понимают, какая сила сосредоточена в руках магов, вот и ограничивают их. А уж о необученных и говорить не стоит. Им только дай показать, какие они крутые. У подростков гормоны играют, самый буйный период.

В голове созрел коварный план по избавлению от Георга. Будет под ногами мешаться, сделаю так, что применит магию и вылетит из своей академии как пробка, с брызгами скандала. Он пылкий, сорвется на раз-два. Я ухмыльнулась, приблизительно набросав план действий. Пусть только попробует еще раз меня глупой обозвать...

— Ты бы сейчас себя видела, — поежилась Лариса. — Любая змея удавится от зависти.

— Ой, Ларочка, а жизнь-то налаживается! — пропела я, наслаждаясь видом из окна.

Первый населенный пункт, в котором мы остановились на ночлег спустя долгий день езды, носил гордое, но странное название Цвиглишраст. Лара перевела мне его как «щекастый дом». Очень странно работала наша с ней связь. Как гугл-переводчик, иногда она выдавала странные фразы... Цвиглишраст — небольшой, но городишко, что безумно меня обрадовало. Тут тебе не простая дорога — плиточка лежит на улицах, дома укрыты не соломой, а чем-то вроде черепицы, да и вообще люди как-то поактивнее, поулыбчивее, что ли. Сразу видно различие деревни и города. Я прилипла к окну кареты, с интересом рассматривая и сам город, и людей, и редких животных. Мужчины почти ничем не отличались от мужчин в замке, одеты были либо в костюмы, либо по-простому в рубахи со штанами. Дамы извращались как могли. Но сразу, лишь взглянув, можно было определить, кто из девушек к какому сословию принадлежал, в отличие от тех же мужчин. Это выражалось в первую очередь в одежде, а потом уже в манере держаться и в сопровождении. Кто попроще, не мог позволить себе украшения, а кто побогаче — прямо-таки выпячивал свое состояние, не понимая, как это пошло и вульгарно выглядит. М-да, моветон немыслимый... Сороки — они и в другом мире сороки. Тут, как говорится, можно вывезти девушку из села, но село из девушки не вывезешь.

— Стекло треснет, будешь так напирать на него, — хохотнула Лариса.

— Интересно же! — оживленно воскликнула я. — Лара, а почему эта дама со змеей на шее?

Женщина как раз проходила мимо нас. Красивая, ухоженная, статная. Несмотря на возраст — а ей на вид далеко за пятьдесят, шла она легко и грациозно. Так ходят балерины, гордо держа осанку. Платье ее не было вычурным, но черная, похожая на бархат ткань, явно

не из дешевых. Единственное, что портило образ леди, выбиваясь из общей картины, это ярко-зеленая змейка, обвившая ее шею. Можно было бы принять ее за необычное украшение, но она шевелилась и высовывала юркий раздвоенный язык.

— Фамильяр, — бросила Лариса так, будто это должно мне что-то объяснить.

Я припомнила, что она уже не раз упоминала подобных зверей в наших разговорах. Из книг собственного мира я знала: фамильяры — магические существа, помощники, проще говоря. Но как дело обстояло здесь, не имела понятия вообще.

— А поподробнее? — все еще рассматривая женщину, спросила я.

Та как будто услышала меня, повернула голову в мою сторону, задорно улыбнулась, словно маленькая девчонка, и лукаво подмигнула. А змейка — о боги! — поклонилась и пару раз приветливо махнула хвостиком. Я смутилась, но кивнула в ответ, неловко улыбаясь. А потом задернула шторку и села на место: не хотелось, чтобы обо мне думали как о деревенщине. Да и неприлично людей рассматривать. Хорошо, она попалась такая понимающая, а вдруг какой аристократ напыщенный? Нет уж, сиди на попе ровно, Лиля, и не лезь во всякие сомнительные ситуации. А лучше вот Ларису Ивановну послушай.

— Ну, фамильяры... Они ведьминские, там ритуал какой-то специальный проводят, какой — только ведьмы и знают. Фамильяры помогают им, кто магией, кто в пакостях, кто еще в чем. Разные они все. Говорят, фамильяром любое существо стать может, было бы в круг магический призвано.

— А от других они чем отличаются? Как их выделять среди остального зверья?

— Так разговаривают они! Противные все, — Лариса скривилась, явно вспомнив не самое удачное знакомство в жизни. — За свою ведьму в огонь и в воду готовы.

Ну хоть тут все как у нас, как по канону. И ведьмы противные, и фамильяры их не лучше! Эх... Мне бы к ним, я бы им показала ведьму, с моим-то характером. Легенды бы слагали. Но мое тело обделено магией, да и я сама могу разве что с Ларисой разговаривать. И то неизвестно как.

Карета остановилась возле трактира с уютным названием «Весенний лес». Невысокое здание, всего три этажа, расписано цветущими яблонями. Необычно и чрезвычайно красиво. Рисунок бросался в глаза еще на подходе, привлекая внимание. Неудивительно, что место пользовалось популярностью как у местных, так и у приезжих. Надеюсь, для нас найдется парочка свободных номеров. Я оставила Карла заниматься лошадьми, а сама отправилась внутрь, не забыв о Ларисе, которая с важным видом сидела на моем плече.

Внутри заведение оказалось таким же приятным и привлекательным, как и снаружи. Маленькие столики, накрытые белыми скатертями, ажурные занавески на окнах и большое количество цветов на подоконниках и столиках. Встречала посетителей приветливая барменша, женщина, что неудивительно, судя по обстановке. Думаю, она же и была хозяйкой, она уж очень подходила этому месту. Рыжеволосая, пухленькая и розовощекая. Именно про таких говорят: хохотушка! Видно было, что свою работу она любит, как и это место. Но самое главное не обстановка и не персонал — трактир блистал чистотой! Это радовало. Надеюсь, в номерах у них так же чисто, как и в обеденном зале, и я не проснусь утром в компании клещей и тараканов, если они есть в этом мире.

— Здравствуйте! — направила я сразу же к улыбавшейся женщине. — Мне необходимо снять два номера. Один для меня, второй для моей прислуги.

Рыжая едва заметно прошлась по мне взглядом. Я отнеслась к этому с пониманием. Такие, можно сказать, профессиональные взгляды бросали во всех заведениях. Как еще

определить, какой именно номер подойдет человеку, и при этом не обидеть его? Только оценив человека «на глаз».

— К сожалению, все люксы сейчас заняты, но я могу предложить два стандарта, — вежливо ответила девушка.

— Да мне подх... — меня перебили самым наглым образом, не дав закончить фразу.

— Три номера! — влез в наш диалог Георг. Совершенно бесцеремонно и нагло, при этом всю улыбаясь женщине. Позер!

Я развернулась к нему, окатив его фунтом презрения и чуточкой злости. Хотелось высказать ему все, о чем я сейчас думала. Но, боюсь, моего словарного запаса не хватило бы выразить мысли на этот счет. То ли дело наш великий русский! Одним словом можно столько всего рассказать — заслушаешься! А если еще одно добавить, человек даже поймет конечный пункт путешествия, в которое его отправили! А тут приходится за речью следить, каждое действие обдумывать, да еще и об этикете не забывать. Мы же леди, ага...

— Помнится, кто-то обещал уехать... — как бы ни к кому конкретно не обращаясь, произнесла я.

Но суть претензий уловили все, даже рыженькая, которая о нашем договоре не знала.

Блондин вальяжно облокотился на барную стойку, надменно приподнял бровь и возразил:

— Вам обещали другое, мисси. Совершенно другое...

А тон-то, тон! Демон-искуситель, не иначе! Даже Лариса смутилась и потупила взор... Вот только не знал он о великом интернете, где и не такое показывали. А уж о силе фотошопа, который и не такие экземпляры ходячей мужской сексуальности выдавал, я вообще молчу! Как и о крепких нервах, прочность которых и не так проверяли. Я осталась непоколебима, ни один мускул не дрогнул на моем лице. А вот злость появилась — эта приходит в последнее время очень часто, вместе с наглостью и самоуверенностью. Бесят меня такие типы. Еще на поляне я заметила, как он главного из себя корчил, как с парнями обращался, да и то, как сейчас себя вел, совершенно его не красило.

— По-хорошему же прошу, мирно — давайте расстанемся здесь и сейчас, — дала я последний шанс магу.

Тот остался глух к моему великодушию, нагло ухмыльнулся и еще больше растекся по барной стойке. Женщина вместе с Ларисой наблюдали за нами как за бесплатным цирком. С ярко горящими от нестерпимого любопытства глазами.

— А если не уйду? — спросил нахал.

— Улетишь, — хмыкнула я, переходя на простецкое «ты». Не комильфо это, угрожать человеку, и на «вы» к нему обращаться неправильно.

Георг рассмеялся, явно не поняв моей угрозы. Нагло так, в лицо. Еще чуть-чуть — и, того гляди, слезы из глаз польются от смеха.

— Улетишь из академии, — уточнила я, показательно рассматривая собственные пальчики. — Чего мне стоит папочке пожаловаться, как думаешь?

Вот достал он меня! Сама не знаю чем, но бесил меня Георг знатно. Только стоило его увидеть, как в душе поднимался ураган негатива и сметал мою адекватность. И естественно, он не мог знать о том, что я, взрослая и самостоятельная женщина, не побегу жаловаться папочке на злого дядечку мага. Это глупо, да и доказать будет проблематично. Мы, дети двадцать первого века, привыкли справляться со своими проблемами сами. Пусть даже и путем банальных угроз. Пока банальных...

— Хм... — Георг оценивающе прошелся по мне взглядом, враз став серьезным.

Стало быть, местом своим в академии дорожит, вылетать не хочет. А еще по его взгляду я поняла, что в этом мире у меня появился первый враг. Его глаза просто полыхали едва сдерживаемым гневом. Я еле сдержала в себе желание поежиться.

— Хорошо, я уйду, но не дай Триединые ты попадешься мне еще раз на глаза...

Мужчина развернулся и твердым шагом, с идеально прямой спиной, покинул гостиницу.

Я еще какое-то время смотрела ему вслед, пытаюсь осознать, что именно сейчас произошло. Конечно, я хотела от него избавиться, но не таким способом и не с такими последствиями. А то, что последствия будут, я не сомневалась, потому что видела его глаза...

— Две комнаты? — уточнила женщина.

— Да, будьте так добры, — улыбнулась я как ни в чем не бывало.

Лариса смотрела на меня с осуждением, но пока молчала. Ох, чувствую, не смогу я избежать допроса наедине.

Я расплатилась за комнаты, добавив стоимость еды, которую должны принести прямо в номер. В этом мире в ходу странные вытянутые монеты с изображением животных. Я еще плохо ориентировалась в местной валюте и ценах, а потому не могла сказать, были ли наши с Карлом номера дорогими, но то, как он смотрел на меня, когда я отдала ему ключ... Мужчина явно сомневался в моей адекватности. Все же не так обращаются со слугами. Ну и пусть! Нам еще с ним две недели путешествовать, пусть выпится в комфортных условиях.

— Ну и что это было? — налетела на меня Лариса, стоило закрыть дверь нашего с ней номера.

Он состоял из спальни и ванной. Кровать, шкаф, стол и стул — вот и все, что имелось в уютной комнате, оформленной в светлых тонах.

— Не понимаю, о чем ты, — я попыталась притвориться душой.

— Все ты понимаешь! Зачем сцепилась с Георгом? — Лариса смотрела на меня серьезно и требовательно. Кончики ее крыльев нервно подрагивали, а сама она нахохлилась так, что перья на голове встопорщились.

— Бесит он меня... — призналась, устало падая на кровать.

— Да что он тебе сделал-то?! — воскликнула арка.

— Не знаю... Но как вижу его, внутри волна злости поднимается. Так и хочется ему в глаз кулаком дать!

Я представила эту картину и блаженно улыбнулась. Жаль, в реальности все не так просто.

— Поздравляю, ты теперь в черном списке мага! — тяжело вздохнула Лариса. — Вот кто тебя дернул за язык ему угрожать? Еще и нашла чем! Нельзя было потерпеть его чуть-чуть? Дурная... Ой, дурная...

Дурная, согласна. Сейчас понимала это, а тогда... Вижу цель, не вижу препятствий. Ну да ладно, после драки кулаками не машут. Стоило думать о других проблемах. О Георге подумаем, когда он будет перед нами, а пока избавились от навязанного папочкой охранника — и хорошо. За свою безопасность я не волновалась. У меня была Лариса, да и сама что-то могу. Не против большой компании, но сбежать в случае чего всегда успею.

***

Обслуживание оказалось на высшем уровне. Не успела я разложить вещи и подготовиться ко сну, как мне принесли обед. Мясо неизвестного мне животного из супа

сразу же отобрала Лариса, пюре оранжевого цвета с салатом и кусок мясного пирога с бутылочкой того самого напитка, который напоминал мне чай. Повару нужно доплачивать! Еда — пальчики оближешь! Но на добавку меня не хватило. Я не стала сразу же ложиться спать, хотя и очень устала. Лариса улетела на разведку — у нас в планах было сходить в ближайший ювелирный магазин продать одно из моих украшений. Я не знала, были ли в этом мире ломбарды, и Лариса такой информацией не владела, и это был первый раз, когда она чего-то не знала, что очень задело мою любопытную подругу.

На улицу я выходила с опаской. Признаться, думала, что Георг не простил обиды и поджидает меня возле выхода, чтобы поквитаться за унижительный инцидент. Но никого не было, никто не обращал на меня внимания, и я расслабилась, следуя за Ларисой. Город кипел жизнью. Конечно, его нельзя сравнивать с нашими мегаполисами, но и здесь было многолюдно, шумно и воняло. Правда, не выхлопными газами, а чем-то непонятным. Не то скотом, не то помойкой — неясно. Людей, несмотря на приближавшийся вечер, было достаточно много. По пути я купила пирожок с мясом для Ларисы и потихоньку скармливала его ей, рассматривая людей и город.

То, что мы пришли в нужное место, я поняла по вывеске, украшенной черным металлом и драгоценными камнями, блестящими в свете лучей заходящего солнца. Я бы побоялась выставлять такую вывеску — сопрут. Но смотрелось завораживающе и привлекательно, намекая на респектабельность торговой лавки. Лариса, похоже, выбрала самый дорогой магазин украшений. Я даже побоялась, что нас не воспримут всерьез с нашим предложением, но все равно толкнула дверь. Звякнул колокольчик, оповещая хозяина о покупателях. Сидевший за прилавком немолодой мужчина с седыми волосами поднял голову и бегло осмотрел меня, особое внимание уделив Ларисе на моем плече.

— Амулетов нет! — брюзжаще произнес он и вновь уткнулся куда-то.

Что находилось за прилавком, видно не было, но, судя по увлеченному виду мужичка, его это интересовало больше, чем я. Во мне проснулось любопытство.

— Мне они и не нужны. Я к вам с деловым предложением, — подходя поближе к прилавку, чтобы рассмотреть, чем же там увлечен продавец, произнесла я.

Мужчина, судя по всему, читал сводку новостей. Перед ним лежала большая бумага с различными фотографиями и подписями под ними. Этакая местная газета в одну страницу. Я с тоской вспомнила глянцевого журналы с яркими, привлекательными картинками.

— От вас, ведьм, одни проблемы! Знаю я вас, уходи, нет у меня ничего для тебя, — не отрываясь от занимательного чтения, отмахнулся от меня мужичок.

Я скривилась, хмыкнула, но в карман все равно полезла. Достала бархатный красный мешочек, перевязанный тонким кожаным жгутом, и аккуратно положила на прилавок. Второй раз уже меня с ведьмой путают. Но на этот раз всему виной Лариса, так похожая на фамильяра.

— Продать хочу.

Мужчина, наконец, оторвался от газеты и глянул на прилавок, сощутив глаза. Потом потянулся к мешочку, развязал его и высыпал в ладонь содержимое. Тонкое изящное колье-ошейник с россыпью мелких белых камней, похожих на алмазы. Мне оно не нравилось по причине схожести с собачьим ошейником, а потому его я продавала с легкой душой. Даже совесть — ведь вещица, по сути, не моя — меня не мучила.

— Что тут у тебя... — пробурчал себе под нос продавец, рассматривая камни.

Он пару секунд покрутил его в руках, а потом тяжело вздохнул и полез под прилавок. Я

напряглась. Мало ли что человеку в голову взбредет. А я, по сути, одинокая и беззащитная девушка. Но он всего лишь достал толстые очки а-ля Гарри Поттер и нацепил на нос. Колье он рассматривал пару минут, чуть ли не пробуя его на зуб.

— Пять злотых, — наконец, произнес он.

— Больше проси! — прошипела мне на ухо Лариса, которая все это время сидела тихо.

Так... Две комнаты, обед, ужин и завтрак обошлись мне в шесть серебрянок и три медянки. Но «Весенний лес» считался лучшим трактиром Цвиглишпраста, а номера были не из класса люкс. Булочку с мясом я купила за три медянки...

— Десять! — уверенно произнесла я после некоторых раздумий.

Мужик подавился, крикнул и уставился на меня немигающим взглядом в шоке от моей наглости.

— Шесть, и ни монетой больше! — тыча в меня пальцем, прохрипел он.

Вот не люблю я наглости, сразу тормоза отказывают, крыша уезжает, и препятствий мы не видим. Мы — это я и мое одесское воспитание, которое дала мне бабушка, жившая там всю свою долгую жизнь.

— Десять и пять серебрянок!

В одной серебрянке было пятьдесят медянок, в одном злоте двадцать серебрянок. А наглеть будет — вообще буду по злотому накидывать, ибо нечего... Я уже успела заметить алчный блеск в глазах торговца и приготовилась торговаться, мысленно потирая ручки. Люблю я это дело!

— Шесть!

— Десять злотых и десять серебрянок!

— Да это грабеж! Семь, и уходи подобру!

— Десять и газету! — сделала я ход конем.

— Договорились! — воскликнул мужичок и сунул мне в руки клочок бумаги, который читал до этого.

Я забрала деньги, спрятав их в карман куртки, поблагодарила мужчину за приятное сотрудничество и поспешила убраться из магазинчика от греха подальше. Уходила «огородами», как принято говорить. Нарваться на всякие подозрительные личности мне не хотелось. Да и уж больно недобро на меня смотрел торговец, отдавая деньги. Как бы не тюкнул меня кто по головушке...

— Зачем тебе новостник? — спросила Лариса, как только я закрыла дверь нашего номера.

Ага, новостник, не газета — буду знать. Я скинула с себя обувь, куртку и залезла с ногами на кровать.

— В моем мире говорится: «Кто владеет информацией, тот владеет миром», а я до безумия мало знаю об Игдарионе.

Лара покивала с умным видом, а я устроилась поудобнее и принялась читать...

Из новостника я узнала об указе императора о запрете игровых домов, о ведьме Алисе, у которой пропал фамильяр, о крупной выставке в столице, которая проводилась раз в пять лет. Из общей сводки новостей, по сути не таких уж и важных, для себя выделила эту самую выставку-ярмарку. Ее проводили с интервалом в пять лет для демонстрации всевозможных новинок и достижений ученых. Интересно и познавательно. Можно было бы посетить, поучиться чему-то да поглядеть, как далеко в этом мире шагнула наука. Еще из интересного была новость о прошедшем в столице бале, на котором впервые за долгое время

объявился первый советник императора со своей женой — мой отец.

Со страницы новостника на меня смотрела счастливая семейная пара...

Поражает не сама наглость, а возможности,
которые она открывает.

Михаил Михайлович Мамчич

Времени рассмотреть столицу у меня не было, мы безбожно опаздывали. Наше путешествие растянулось на добрых семнадцать дней, пять из которых мы провели в лесу, застряв в грязи по верхушку кареты. Осень неумолимо приближалась, лили непрерывные грозовые дожди, из-за которых дорога размокала до ужасного состояния. Стало невозможно проехать, лошади вязли в земле, колеса кареты все глубже погружались в грязь, словно в зыбучие пески, а выбраться становилось все сложнее. Если бы не проезжавший мимо караван, мы бы так и остались там, ожидая холодов. Добрые мужчины за приличное вознаграждение помогли нам выбраться из затруднительной ситуации. До столицы мы добирались уже с ними, примостившись в конце длинного обоза.

И вот сейчас, в последний день приема документов, мы наконец-то добрались до столицы. Уставшие, взлохмаченные и злые, как тысяча адских псов. Еще на подъезде к городу мы обозначили план наших действий: Карл остается в гостинице и занимается размещением лошадей, съемом жилья и вещами, а я в это время спешно добираюсь до института и уговариваю комиссию не казнить, а помиловать, то есть принять мои документы, несмотря на опоздание. А я опаздывала, банально потерявшись в хитросплетениях городских улиц. Лариса возмущалась, орала и всячески высказывала свои мысли о моем слабоумии. Стоит сказать, нервничали мы с ней по-разному. Я, как слепой котенок, металась по городу в поисках того самого проклятого богами института, Лариса просто ругалась. Наконец, мы вышли к какому-то строению, напоминающему то, которое мне описывал Карл. Огромный замок с пятью колоннами и развевавшимися флагами встретил меня закрытыми наглухо воротами и негостеприимным голосом.

— Прием окончен! — глухо и ворчливо прозвучало с той стороны.

Ага, стало быть, институт! Туда попала — уже хорошо, осталось только пересечь стену и добраться до замка, а там они у меня документы как миленькие примут!

— Как окончен?! Открывайте заново! — возмутилась я, долбя в ворота носком ботинка. — Мне срочно надо!

— Кому надо, тот пришел заранее! — ворчливо отозвались ворота.

— Мне надо, я пришла! Открывай, кому говорю, пока я не разозлилась! — грозно прошипела я.

— Не положено!

— Так возьмите и положите! — возразила, еще сильнее долбя по воротам, которые начали поскрипывать.

— Дурная, что ли?! — испуганно воскликнули с той стороны. — Отойди от ворот, пока защита не включилась! Долбанет — хуже будет!

— Тебе сейчас хуже будет, если не откроешь! — змеей зашипела я. — Лариса, давай, покажи ему, кто тут главный!

Лара тяжело вздохнула, не согласная с моими силовыми методами, но все равно вспорхнула с моего плеча и перелетела стену. С той стороны слышались звуки борьбы и невнятные вскрики. Вот за что люблю Ларису Ивановну, так это за ее характер: если взялась,

так все будет сделано на совесть, с любовью и высшим качеством. Так и сейчас: не знаю, что она там делала, но через пару минут одна из дверей отворилась. Я уже занесла ногу для очередного удара и чуть не упала. Радостно взвизгнув, быстренько прошмыгнула в образовавшуюся щель. Парень лет двадцати пяти смотрел на меня весьма недружелюбно. Наверное, это из-за царапин на его лице и руках, которые уже начали кровоточить.

— Сразу бы сказала, что ведьма... Чего молчала? — недовольно пробурчал он себе под нос, потирая ушибленную руку. Видимо, тоже Лариса постаралась. Какая она у меня все же умница. — Хотя чего от вас еще ожидать, вы все на голову больные...

— Сам дурак! — не осталась я в долгу. — Говори, где приемная комиссия!

— Так закончили они уже, только-только последнего завели, — пожал плечами привратник. — Больше не принимают.

— Меня примут! — уверенно заявила, даже не сомневаясь в собственных словах.

— Главный корпус, первая дверь слева, — сдался парень, указывая рукой направление.

— Спасибо! — крикнула я, убегая.

Сейчас, по сути, главным было заставить комиссию и уговорить их принять документы, об остальном подумаем потом. И об обиде этого парня-охранника тоже. Славный малый, худой, долговязый, рыжий, и лицо в веснушках. Типичный представитель шептунских и веселых, судя по расходящимся лучикам вокруг глаз. Такие были только у людей, которые много улыбались. Да и вид у него был бандитский: прямые брюки и белая рубашка навыпуск, рукава которой по локоть закатаны, ремень на бедрах с кучей круглых заклепок и ярко-красная повязка на голове. Точно не по дресс-коду. Не для заведения приличных девиц, по крайней мере.

— Еще чуть-чуть! — подбадривала меня выкриками Лариса. — А там мы им покажем! Там мы всем покажем!

Двор учебного заведения был до неприличия большим — тут тебе и аллеи с вычурными фонтанчиками, и мощные деревья, и целые цветочные поляны, над которыми порхали бабочки. Все для леди, все для аристократии!

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Я ворвалась в здание, громко хлопнув тяжелой входной дверью. И кто такие делает? Пока отодвинешь, похудеть на пять килограммов можно, столько усилий и пота уйдет. Ужас! Получше любой новомодной кроссфитовской тренировки.

— Тут поступление? — зацепилась я взглядом за паренька.

Я начала уже было раздражаться: неужели так сложно ответить на такой простой вопрос? Вот почему люди такие тормознутые сегодня? Один впускать не хотел, как будто у него был выход, теперь вот этот... Прямо нарываю все на хамство! Прямо так и просят! А ты ведь вежливо хочешь, по-хорошему, эх...

— Ну?! — грозно переспросила, нахмутив брови.

— Тут... — после некоторого раздумья неуверенно выдал тот. — Только я последний... был.

— Ничего, меня примут! — уверенно ответила, кивнув для эффекта.

— Ну как знаешь... — пожал плечами парень.

Был он чем-то неуловимо похож на моего недавнего знакомого, стоявшего на страже учебного заведения. Паренек был таким же рыжеволосым и худощавым. От своего рыжего собрата он отличался разве что ростом и возрастом. А все остальное, даже раскосые серо-зеленые глаза, высокие скулы и россыпь веснушек — все одинаковое. Прокралась мысль, что

этот парнишка — младший родич охранника. Вот только непонятно, что он делает в институте для благородных девиц. У них тут мужской факультет открыли? Для будущих гадов-джентльменов. А обучают, небось, обольстительным улыбкам, вежливому хождению налево и дуэльному кодексу, на случай, если жена тоже будет вежливо ходить налево. Я усмехнулась собственным мыслям и еще раз осмотрела парня, тот, не стесняясь, тоже рассматривал меня.

— Сомневаюсь я, что ты пройдешь экзамен, — после осмотра заключил он и потерял ко мне всякий интерес, вновь отвернувшись к дверям.

Пф-ф, чтобы я — и что-то там не прошла! Так, стоп! Какой экзамен? Мысль ужаснула. Я не готова к разного рода экзаменам. Уж этикет и историю мира я точно не сдам. А это первое, что полагается знать аристократке. Да я писать толком не умею! Для меня их закорючки хуже китайских иероглифов! Хочешь написать «Дорогой, я буду завтра», а поставишь одну точку не над той закорючкой — и получаешь «Ежи летают кирпичами». И не факт, что эти самые ежи у них есть вообще, я уже молчу про неведомые им кирпичи. Дома здесь либо из досок, либо с помощью магии земли: кто побогаче, сразу воздвигали плиты, а то и целые здания за раз.

— Какой экзамен? — спросила срывающимся голосом.

— У каждого разный, об этом не принято рассказывать, — не оборачиваясь, пожал плечами парень, рассматривая резные двери.

— Ты дурак? — нервно переспросила. — Что ты вообще в институте для девиц забыл?

— Какой институт, полоумная, это Академия магических искусств! — обернувшись, как окатил меня ушатом холодной воды. По крайней мере, ощущения были именно такими. А потом себе под нос продолжил бурчать, не обращая внимания на мой ступор: — Ведьма, что ли? Они все с придурью...

Дверь, за которой скрывалось светлое будущее любого обладающего магическими силами, открылась, и парень решительно попытался шагнуть вперед. Попытался, потому что я, совершенно не думая головой, оттолкнула его и стремительно вошла, не обращая внимания на возмущенные окрики сзади. Дверь захлопнулась сама, стоило мне переступить порог, отрезав меня от злого парня и его криков. Я действовала чисто на инстинктах, не иначе, потому как по-другому свой поступок объяснить не могла.

Боги, куда я попала?! Не хочу умирать!

— Дура! Ты что творишь! Помереть захотела! — орала на меня Лариса. — Долби и чертову дверь, пусть нас выпускают!

Я была с ней полностью солидарна. Помирать отчаянно не хотелось, особенно из-за такой оплошности, как перепутанные здания двух учебных заведений. В наличие у себя магических сил верилось слабо, а потому я со всей дури заколотила в дверь, но она... исчезла, просто растворилась, как будто ее и не было. Осталась стена, и я с возмущением уставилась на нее. Но пришлось смириться и обернуться.

Оказалась я в коридоре, длинном и совершенно пустом. И где комиссия? Где экзамен?

— Ты чем думала, когда бежала? — не унималась Лара. — Какая Академия магии?! Ой, голова твоя больная, как еще на плечах держится с такой-то хозяйкой?!

— Лариса! — прикрикнула я на неугомонную. — Думай лучше, как нам отсюда выбраться!

— Да что тут думать... Иди.

— Куда? — глупо переспросила я.

Коридор разветвлялся направо и налево. Оба пути уходили далеко вперед, конец их терялся в темноте, совсем неприветливой.

— Куда хочешь! Головой думать надо было раньше! — вновь психанула арка.

Я тяжело вздохнула, признавая, что поступок был глупым и эмоциональным, но свое место, пусть даже в другой академии, терять не хотелось, а старая одесская привычка брать то, что дают, и даже то, что не дают — тоже, взяла надо мной верх. А сейчас надо как-то выбираться из ситуации, желательно без потерь. Я еще раз рассмотрела оба варианта, которые мне предлагали. Разницы в них не было абсолютно, а потому, как приличная девушка, я пошла направо.

Пол был выложен несимметричной темноватой плиткой из неизвестного мне камня, а стены — из светлого, и украшениями не баловали. Редко попадались факелы, один из них я и прихватила. На всякий случай. Мало ли. Тем более темнота неумолимо приближалась и не желала развеиваться, даже когда я кинула в нее единственный источник света, который у меня имелся. Огонь просто потух, стало совсем темно.

— Ну как, довольна? — прошипела на ухо Лариса, устроившись на моем плече.

Она тоже нервничала, судя по сжимавшим меня когтям. Обычно птица меня не ранила, но сейчас она была напряжена, в любой момент готовая отразить нападение. Мы обе были напряжены.

— Страшно... — пискнула я.

— Иди давай, — пробурчала арка. — Толку от того, что ты стоишь так долго?

Я, конечно, была с ней согласна, но толку от этого мало — как убедить в этой необходимости дрожащие ноги и ушедшее в пятки сердце? Но ситуация не изменится в лучшую сторону точно, и что попали мы прямиком на пугающее неизвестностью испытание, было ясно как божий день.

— Ну пошли... — прошептала я в темноту и сделала первый шаг.

За спиной сомкнулось кольцо тумана. Было ощущение, что я погрузилась в незастывшее желе: вязко, идти трудно, мокро и противно. Темнота была настолько плотной, что я не видела собственных рук, не говоря уже о дороге. Пару раз, несмотря на то, что идти старалась прямо, натыкалась на препятствия. Каждый раз при этом замирала от страха, боялась, что очередная стена окажется вовсе и не стеной, а чем-то живым и противно-опасным. Но стены оставались неподвижными, и я продолжала свой неспешный ход.

Когда из тьмы на меня посмотрели ярко горящие, налитые кровью глаза, я оцепенела от страха. Всепоглощающего, холодящего и первобытного. Он сковал мое тело, не позволяя двигаться. Я не могла сойти с места, не могла пошевелить даже пальцами, не говоря уже о бегстве. Мысли путались, и я с отчаянием прокручивала в голове варианты собственной смерти. Чарующие, немигающие глаза напротив не отпускали. Их обладатель неумолимо приближался ко мне, а я не могла даже вздохнуть. Лариса что-то верещала на ухо, пытаюсь привести меня в чувство, но все ее попытки оставались безуспешными.

Так вот почему эти магические испытания такие опасные — отстраненно, на краю сознания отметила я. Но сама мысль, сама вероятность того, что я могу не пройти какой-то там экзамен, я — отличница с золотой медалью и красным дипломом, девушка, идущая по головам! — сама эта мысль отрезвила. Слишком поздно ко мне вернулась способность двигаться. В сиявших красноватым светом глазах я разглядела слишком быстро приближавшуюся смерть — огромного жуткого монстра с проплешинами на шкуре, сквозь которые виднелись куски плоти и даже белевшие кости. Я передернулась от отвращения,

меня замутило. Зрелище не для слабонервных. Слава богам, такой я не была, иначе давно бы простилась с жизнью.

Лариса испуганно вскрикнула, когда жуткий разлагающийся монстр занес над нами лапу. Для удара или чтобы просто подтянуть поближе и вцепиться в мою плоть огромными выступавшими из пасти клыками — я не знала и узнавать не хотела. Мне хватило ловкости уйти от удара, но прыжок оказался неудачным — я запнулась и полетела на пол, больно ударившись коленкой. Из глаз хлынули слезы. Было больно и обидно, а еще безумно страшно. Но пришлось быстро вставать, несмотря на охватившую дрожь. Монстр был огромным, неповоротливым в узком коридоре, и это дало мне шанс на бегство. Лариса кричала что-то сверху, но я неслась по коридору и не слышала ее слов за стуком сердца. Казалось, разорвет грудную клетку, так сильно оно стучало. Сзади послышался рев охотника, загонявшего добычу. Я, продолжая бежать, оглянулась — красные, горящие еще ярче глаза были непозволительно близко. Их обладатель прямо-таки нависал надо мной, скалясь. Я взвизгнула так, что мне позавидовали бы самые известные оперные певицы, и лишь в последний момент успела уклониться от очередного удара, в буквальном смысле рухнув на пол. Грудь отозвалась болью — я не успела сгруппироваться. Но времени обращать внимание на это не было — я перекатывалась с бока на бок, уклоняясь от когтей. Лариса спикировала на голову чудовища, отвлекая его внимание. Оно замахнулось на нее лапой, это позволило мне на четвереньках отползти подальше от разъяренной твари. Я резво уползала, не разбирая дороги. Было темно, страшно и холодно. Слезы застилали глаза, сердце стучало уже не в груди — где-то в горле.

— Чертов ублюдок! — шипела я себе под нос. — Я так просто не помру в этом отстойнике!

Да только то ли монстр был глухим на оба уха, то ли не понимал великого русского. К моим словам он остался равнодушен и настроя своего не поменял совершенно. Казалось, мы с Ларисой только еще больше раззадорили его. Я вскочила с колен, пошатнулась и побежала вперед. Или уже назад — в темноте не разобрать. Мне казалось, бегаю по кругу, как по арене цирка, а шоу называется «Доведи попаданку до сердечного приступа», главному победителю приз — тело неудачницы. Да только не простая девица попалась, строптивница, бегают, спастись пытается. Сзади раздался скрежет когтей по камню, неприятный и зловещий звук, не обещавший ничего хорошего. Тупое испытание, тупая академия, кто у них приемом занимается?! Найду — голову оторву!

Как бы только до этого мне голову не оторвали. Чудовище сделало очередной выпад вперед и разрезало воздух прямо передо мной. Я проследила взглядом за падающими прядями темных волос. Моих волос! Еще бы чуть-чуть — и лишилась бы своей дурной головы! Монстр вновь напал, на этот раз метил в ноги. Я споткнулась и упала на спину, запутавшись в длинном платье. Крик ужаса вырвался из моего горла, Лариса ринулась закрыть меня собой от занесенной надо мной лапы. Я, продолжая истерично орать, отталкивалась ногами, все так же лежа на спине и отодвигаясь подальше. Сзади что-то хрустнуло.

Последнее, что я увидела перед тем, как рухнуть в пропасть, это раненая Лариса, летящая ошметком темной пернатой массы следом за мной. Раздался рев животного, упустившего свою добычу. Туннель, в который мы провалились, сомкнулся над головой, отрезая меня и раненую Ларису от монстра. Я летела в неизвестность, крепко сжимая храбрую подругу, готовую рискнуть жизнью ради меня.

Падали долго, минут десять точно, и за это время я успела накрутить себя до состояния готовой в любой момент взорваться бомбы. На миг ослепила яркая вспышка света. Я зажмурилась и сжалась в позу эмбриона, защищая Ларису, которая была без сознания, стукнулось о какую-то поверхность. Со всех сторон послышались сперва едва различимые голоса, которые с каждой секундой набирали громкость.

— О, последняя появилась!

— Вроде парень должен быть...

— Парень, девушка — какая разница?

— А я вам говорила: ведьма! — женский, торжествующий, приятно ласкающий слух.

— Маг, — спокойный, почти ледяной, мужской баритон.

— Чего она молчит? Рехнулась? — мужской бас, громкий и режущий нервы.

Я открыла глаза и осмотрелась. Я лежала на полу большой аудитории перед четырьмя людьми, сидевшими за единственным длинным столом, укрытым темно-синим полотном. Одна женщина — смутно знакомая, и трое мужчин. Все разные, совершенно непохожие друг на друга. Я села, мотнула головой, пытаюсь привести мысли в порядок, и только после этого позволила себе выдохнуть и отпустить эмоции. Я ругалась, с чувством, на великом русском, так, что мне позавидовали бы все сапожники!

— Ведьма! — счастливо заключила женщина, дождавшись окончания моего выступления.

— Ведьма, — вторили ей мужские голоса, но как-то разочарованно.

— Какая, к чертовой бабушке, ведьма?! — возмутилась я, наконец, приходя в себя.

Слезы лились из глаз, я все еще дрожала после пережитого шока. А этим четверым хоть бы хны! Сидят спокойные, еще бы погоду за окном обсудили!

— Помогите ей! — обратилась я к комиссии со слезами на глазах, протягивая Ларису.

Выглядела арка откровенно плохо. Сломанное крыло висело тряпкой, перелом был открытым, и можно было заметить торчащую кость. Черное тельце стало почти красным от крови, которая лилась из множества открытых ран. Сама она дрожала, а ее сердце билось в неровном ритме.

— Триединые! — с ужасом воскликнула женщина, в испуге прижимая руку ко рту. — Что же это?.. Как же так? Сейчас, крошка, сейчас!

— Что там произошло? Что случилось? — посыпались вопросы от мужчин. — Какое испытание тебе досталось?

Женщина кинулась ко мне и бережно забрала птицу из моих застывших пальцев, которые я еле могла разжать. Когда она подошла ближе, я узнала в ней ту самую ведьму со змейкой, которую я разглядывала из окна кареты.

— Сейчас все поправим, будет твоя подруга как новая, — уверяла меня ведьма, унося Ларису в другую комнату, до этого скрытую за дверью, которую я даже не заметила.

Я ринулась за ней, но меня решительно остановили, перегородив дорогу. Высокий мужчина, про таких говорят «шкаф два на два», широкоплечий, ручищи мышцами бугрятся, выше меня головы на две, а то и все три. Темные глаза щурились, с подозрением осматривали меня. Я смотрела злобно — первый ужас прошел, проснулась наглость и волнение за Ларису. Наше противостояние взглядов больше напоминало борьбу слона и мошки. Наконец, он отмер.

— Рассказывай, что произошло! — басовито потребовал амбал.

Я хмыкнула, скрестила руки на груди и уселась на пол прямо там, где стояла. Во

взглядах всех троих мужчин проявилась заинтересованность. Так, а где шок от моего хамского поведения?

— Что вам надо? Ваше чертово испытание нас чуть не убило! — недружелюбно ответила, оглядывая мужчин. — Или хотите сказать, что не знаете, что там происходило? — иронично хохотнула.

— Так! Четко и по пунктам, начиная с самого начала! — снова стал напирать обладатель баса.

Остальные двое молчали, изучая меня взглядом. Один был молодым, лет тридцати, второй старик под семьдесят.

— Дорогая, мы определяем суть дара по пройденному испытанию, но посылаем вам его не мы, — пропел старичок. — Это все магия. Все, что мы можем, это выслушать тебя и оказать помощь после испытания.

Хорошее оправдание! Я не я и хата не моя! Да только кто-то должен нести ответственность за жизнь людей. А эта тварь, живущая в коридорах, явно сожрала не одного. И будь я менее подвижной... Не будь у меня Ларисы... Я вздрогнула, вспоминая пережитый ужас.

— Здесь тебе нечего бояться, испытание пройдено, ты в безопасности, — не укрылось мое состояние от мужчин.

— Я в безопасности, но кто вернет мне Ларису, если с ней что-то случится?!

— С ней все в порядке, отдохнет пару дней и будет здоровее себя прежней, — успокаивающе прозвучало сбоку.

Та самая женщина вернулась, вытирая тряпкой руки, перепачканные в крови. Я благодарно ей кивнула, неуверенно улыбаясь. Хотя кто-то адекватный, не требует ответов, а сам отвечает на вопросы.

— А я тебя знаю, любопытная девочка! — воскликнула ведьма, вспоминая наше знакомство.

Я засмушалась, тоже припоминая неловкое знакомство. Любопытство не порок, да только не совсем оно уместно. Тогда я себя вела более чем вызывающе.

— Лариса твой фамильяр? Потомственная? Тогда как же ты так? Для потомственных другие правила приема, — посыпались вопросы.

— Нет. Она... друг, — попыталась объяснить я нашу с Ларой связь, которую и сама толком не понимала.

Как-то забылось, что попала я сюда не совсем легально, а тут вспомнилось о правилах, которые я должна была знать, и о парне, который точно пожалуется на своенравную девицу, пролезшую без очереди. И доказать что-то потом будет сложно...

— Друг... — приглушенно повторила за мной женщина.

Мужчины в наш диалог не вмешивались, амбал даже отошел в сторону. Но смотрели с огромным любопытством, изредка хмуря брови.

— Расскажи нам, что произошло... Мы должны знать, чтобы помочь и обучить тебя.

Я вздохнула и принялась пересказывать события, естественно, пропустив такие мелочи, как именно я попала на испытание. Начала свой рассказ с того, как сомкнулись двери, как я оказалась в коридоре с двумя путями и как очутилась здесь, среди незнакомых людей. Ведьма вскрикивала в некоторых местах, прижимая руку к груди. Мужчины вели себя более сдержанно, хмурились и молчали. Когда я закончила, вся дрожала — даже вспоминать пережитый ужас было тяжело.

— Такого просто не может быть, вархал на испытании! Немыслимо! — причитал старичок, активно жестикулируя.

— Она видела факелы, маг огня... — басил амбал.

— Ведьма, как есть ведьма! — стояла на своем женщина.

— Девочка чуть не погибла... Надо отправить ее в общежитие, пусть передохнет, — впервые за долгое время заговорил самый молодой из приемной комиссии, поглядывая на меня.

— Встретиться с вархалом и выжить! Немыслимо! Просто невыносимо!

Они совещались уже минут пять, и слава богам, что хоть один из них вспомнил обо мне. Выглядела я и вправду не очень. Платье и чулки местами порваны, сама я перепачкана в пыли и грязи, во всклокоченных волосах запуталась паутина, руки кровоточили, а коленки ободраны. Где-то уже начали наливаться синяки, а со временем их станет намного больше, я уверена. Грудь, на которую я так неудачно упала, отзывалась тупой ноющей болью. Приключение вышло мне боком, и весь мой вид прямо кричал об этом.

— Пойдем, провожу в общежитие, — протянул мне руку парень.

Кто он? Преподаватель? Слишком молод... Светловолосый, кареглазый и обаятельный, хорошо сложен, фигура не перекачана, как у амбала, но видно, что и этот представитель сильного пола физическими упражнениями не брезгует. Странная татуировка на шее, круг... Приглядевшись поближе, поняла, что круг вовсе и не круг — пентаграмма в виде окольцованной семиконечной звезды. Красиво. За таким преподавателем толпы студенток бы бегали... Может, аспирант?

— Этьен Уокер, — представился он, видя мое нежелание идти на контакт. — Декан факультета метаморфических иллюзий.

Ого, такой молодой — и уже декан? Удивительно. Хотя метаморфы... Это не те ли маги, которые обладают даром иллюзии?

— Виолетта Ди Крейн.

Встала с пола сама, демонстративно игнорируя протянутую руку. Отряхнулась, хотя помогло мне это не очень, платье все так же больше подходило помойке, чем приличной леди. Посмотрела на Уокера, ожидая, когда тот придет в себя и покажет дорогу.

— Ди Крейн... Ди Крейн... Первый советник императора, Лионель Ди Крейн — ваш отец? — спросил Этьен.

Если сначала он выглядел растерянным и удивленным, то сейчас стал больше улыбаться и заглядывать в глаза. Лизоблюд! Фу, противно. Если здесь все учителя такие, то я совершила большую ошибку, поступив сюда.

— Да, все верно. А теперь, когда мы все выяснили, пожалуйста, проводите меня к общежитию. Мне нужен отдых, — ответила, поморщившись.

— Но малышка Ди Крейн пропала три месяца назад! — воскликнул старик. — Да и, насколько мне известно, девочка не обладала магическими талантами.

Она не обладала, я обладаю, какая разница? Вот прилипали.

— Вы не верите моему слову? — приподняв правую бровь, спросила удивленно и с толикой возмущения.

— Нет-нет, что вы... — пошел на попятную маг. — Я желал убедиться, что нет никакой ошибки.

— Ошибки нет! Я та, кто я есть, не будь у меня магических талантов, как вы выразились, я бы не стояла сейчас на этом месте!

Не стояла бы, да, лежала бы мертвая в том злосчастном коридоре! А они и бровью бы не повели, вынося очередное тело. Академия, гори она синим пламенем, и у нее такие жестокие правила приема. Не прошел — сам виноват, насильно не тащили.

— Кхм... — прочистил горло старик. — Что ж, в таком случае мы надеемся на встречу завтра, вам пришлют вестник. А сейчас прошу, вас проводят. Приятного отдыха.

На этом мое собеседование было окончено. Я просто кивнула всем на прощание и поспешила удалиться из проклятой аудитории подальше. Этьен следовал за мной, молча, слава богам. Я была взвинчена до такого состояния, что могла нагрубить и не заметить, на кого повышаю голос, а потом буду жалеть об этом.

Мы вышли на улицу, покинув негостеприимные стены учебного заведения. Темнело. Сколько часов прошло? Карл наверняка весь извелся, карауля меня под стенами института для девиц.

— Простите, — обернулась я к мужчине, — не могли бы вы отправить вестник моему слуге? Его зовут Карл... Я боюсь, что он уже с ума сходит от переживания.

— Да, конечно, мисси. Вы знаете, где он остановился?

— Гостиница «Созвездие пса», если не ошибаюсь... — но потом призадумалась, а верно ли я запомнила название, которое слышала всего раз. — Помню, он упоминал какое-то созвездие, но вот конкретное название — увы.

— «Созвездие Иэлая», — поправил меня Этьен. А по-моему, звучало одинаково, но мне еще учиться и учиться. — Я отправлю ему уведомление, что вы здесь.

— Благодарю, — впервые улыбнулась я Этьену, немного оттаяв.

С Карлом мы договорились встретиться возле стен института. Общежития для будущих леди не существовало в принципе, студентки жили либо в частных домах, кто побогаче, либо в арендованных на долгий срок номерах. Так надеялась поступить, а вот теперь и не знаю даже. Конечно, хочешь влиться в студенческую жизнь — заселяйся в общежитие, но если хочется спокойствия, то тут совсем другие варианты. Да и тратить сбережения не хотелось... Но еще неясно, какие у них тут условия для студентов, может быть, что все хуже нашего... Как вспомню свой первый курс, когда мне предложили заселиться в местную общагу, аж дурно становится. Тараканы, обшарпанный потолок и разбитые окна. Антисанитария цвела и пахла.

— Скажите, мисс Уокер, все студенты обязаны проживать в общежитии? Или может быть исключение из правил?

— О, мисси, я не аристократ, — улыбнулся мужчина. — Декан Уокер будет вполне достаточно. Что же касается вашего вопроса... Проживание в общежитии обязательно для всех без исключения. Сейчас мы направляемся к общежитию первокурсников, к тем, кто еще не определился с направленностью магии. Когда же ваш дар полностью раскроется, вас поселят в факультетское.

— Факультетское? — переспросила я, не совсем понимая.

— Да. Ведьмы к ведьмам, маги к магам, ну и метаморфы к метаморфам, — пояснил мужчина, продолжая неспешно идти. — Как видите, все просто.

Я с умным видом покивала. Тем более что все действительно элементарно. Осталось только узнать собственную направленность магии. Конечно, мне до сих пор не верилось в это. Я — маг! О! Мой! Бог! Мечта всех, кто хоть раз брал в руки «Гарри Поттера». Школа магии, чудеса, волшебные звери — такое только в сладком сне приснится, а тут все наяву. Да только вместо совы письмо мне доставил разлагающийся монстр.

— Ну вот, мы пришли, — сказал Этьен.

Мы подошли к невысокому, всего в два этажа, домику. Он уютно устроился возле небольшого озера и прятался в тени деревьев. К нам уже спешила невысокая пухленькая женщина, резво сбегавшая со ступеней крыльца, иногда перепрыгивая сразу две.

— Госпожа Франклин о вас позаботится, не так ли? — с улыбкой спросил у нее мужчина, стоило ей подойти к нам.

А у меня так и вертелся на языке вопрос о том, всех ли новоприбывших провожает сам декан, но его я благоразумно оставила при себе.

— Конечно-конечно! — засуетилась Франклин, кивая.

— Прекрасно. Спокойной ночи, мисси Виолетта, — Этьен наклонился ко мне, подцепил мою грязную и липкую от пота руку и поцеловал. К сожалению, вырвать конечность из цепких ладоней я не успела, он отпустил ее раньше, лукаво улыбаясь. — Всего доброго, госпожа Франклин.

— Всего хорошего, декан Уокер, — попрощалась пышечка, провожая мужчину взглядом, полным обожания.

Я тактично промолчала — сильные чувства госпожи Франклин к Этьену не мог не заметить разве что слепой.

— Ну что, пойдем? — уже не так дружелюбно обратилась они ко мне.

Я молча кивнула и последовала за женщиной, которая на ходу объясняла мне правила общежития и его распорядок.

— Не дебоширить, магию не применять, не пьянствовать, не гулять по ночам, не покидать пределов Академии, слушаться во всем меня. Понятно? — и, дождавшись моего утвердительного кивка, продолжила: — Завтрак с восьми до десяти, обед с часу до трех, ужин с семи до девяти, опаздывать не советую. Отбой в одиннадцать, чтобы после этого из комнаты носа не высывали, ясно? За нарушение правил начисляются штрафные баллы. Сто баллов насобираешь — вылет из Академии и блокировка дара. Процесс болезненный, испытывать счастье не советую.

Все понятно, правила недалеки от земных и за рамки разумного не выходили. Что радовало. Конечно, к комендантскому часу и расписанию приемов еды стоит привыкнуть, но пара дней адаптации — и все в порядке.

При мыслях о порядке вспомнился Георг, который тоже где-то здесь обитает. Взгрустнула. Он-то точно будет в восторге от моего зачисления.

— Все понятно? — раздраженно переспросила госпожа Франклин.

— Конечно.

— Тогда вот тебе ключи, — всунула она мне в руку небольшую связку, твоя комната сто двадцать пять, жить будешь одна. Пока одна. Два ключа от двери, один от ванной. Смотри не потеряй! А то знаю я вас, студентов! Вещи Академии не портить, руки оторву!

— Мне бы полотенце...

— Завтра, все завтра. Иди давай, не создавай очередь! — пробурчала раздраженная женщина.

Я вздохнула, сжала кулаки и мысленно выдохнула пару раз. Хамить заведующей общежитием не стоило, связи полезные налаживать надо, а потому молча улыбаемся, прощаемся и идем в комнату.

— Спокойной ночи.

— Иди уже. И в порядок себя приведи перед тем, как на белье казенное ложиться

будешь! Смотреть страшно! Потом не отстираешь! Понабирают всяких... Мучайся с ними потом... — продолжала причитать мне вслед госпожа Франклин.

До чего же отвратительная баба! Знаю, так говорить нельзя, но эта женщина... Вот именно что баба! Баба неудовлетворенная! Как в профессиональной сфере развития нет, так и мужским вниманием она обделена. Потому и срывается на бедных студентах! Интересно, она со всеми так или только мне повезло?

Комнату я нашла по счастливой случайности. Если первая цифра трехзначного номера и намекала на этаж, то с остальными двумя пришлось помучиться. Неприметная дверца забила в угол коридора и всячески намекала о своем нежелании принимать в свои объятия очередного студента. Об этом говорили паутина по углам и петли, скрипнувшие, стоило открыть дверь.

Кровать и небольшой столик у пыльного окна — вот и вся мебель. Да мне и не нужно много, всего-то переночевать, а там определюсь с факультетом и буду обживать уже в своей, родной на несколько лет комнате. Хотя если и там будут такие условия, придется делать ремонт. Для столичной Академии подобное общежитие — позор. Но кто знает, может, это первое испытание для будущих магов? Ага, а еще для аристократов, явно не привыкших к таким условиям. Радовало одно: здесь имелась ванная, скрытая за темной дверью — моя, собственная, а не одна на весь этаж или, не дай боги, на все общежитие. Дверь я заперла на ключ, во избежание, так сказать. Без Ларисы непривычно, одиноко и, надо признать, страшно. Я за такой небольшой промежуток времени успела привыкнуть к ее брюзжанию и незримой опеке. Как она там? Все ли у нее хорошо? Не соврали ли мне? Нужно будет завтра непременно ее провести!

Засыпала я с мыслями о птице, совершенно забыв про душ и наверняка испорченные вещи. И, несмотря на безумно тяжелый день, спала я без сновидений.

— Ты хочешь драться? Мужчина с женщиной — разве это честно?

— По отношению к кому?

«С меня хватит!» (Enough)

— Открывай! Я знаю, что ты там! Открывай немедленно, дрянь!

Проснувшись я от криков, ругани и попытки выбить мою дверь. Далеко не первый раз, судя по все более визгливым ноткам в мужском голосе и по все более неприличным выражениям в мой адрес. Когда все же открыла глаза и поднялась с кровати, я пребывала не в лучшем расположении духа. Заснула, совершенно забыв о корсете, а потому проснулась с ломотой в спине, в дополнение ко всему еще и голова разболелась от писклявых криков. Неудивительно, что дверь я открыла решительно и с намерениями сказать пару ласковых тому, кто не стесняется ломиться к леди в комнату с утра пораньше.

— Чего ты орешь?! Совсем больной?! — открывая дверь, прорычала я. — Ты время видел, дятел?!

— Сама дура! Собирай свои манатки и выметайся из Академии! — прорычал в ответ парень — тот самый, которого я так неудачно и, надо признать, нагло, чего уж там, обогнала в очереди.

— Меня из-за тебя к экзамену не допустили, дрянь мелкая! Я тебе это так просто не прощу! Я к директору пойду, ты у меня из Академии быстрее огненного мяча вылетишь! — прошипел парень.

— Ты вообще в курсе, кому угрожаешь, ушлепок?

Судя по его растерянному выражению лица, он не знал, кто я, а еще не понял, кто такой он, потому что не в курсе, кто такие эти самые ушлепки.

— Судя по виду, очередной крестьянской шлюхе! — выплюнул парень, наконец, придя в себя. Надо признать, взял себя в руки он быстро.

— Ах ты, конь беззубый!

— Почему беззубый? — растерялся парень.

— Потому что я тебе сейчас их выбью! — выкрикнула я и ринулась на парня с кулаками.

Он поначалу растерялся, видимо, не привык к тому, что девушки тоже могут драться, явно даже мысли подобной не допускал, а потому пропустил удар в челюсть и повалился на пол. От растерянности, не иначе.

Я — и шлюха, немыслимо! Возмутительно! Даже мой бывший, даже мои злобные коллеги и Лариса Ивановна, которая соседка по площадке, не смели усомниться в моей чести! Эмоции бурлили во мне кипящей лавой.

— Я тебе покажу шлюху! Я тебе все покажу, собака! — рычала я в перерывах между тем, как пыталась вырвать ему побольше волос и укусить.

Да, я дралась нечестно, так дерутся только девчонки. Кусалась, царапалась и всячески пыталась вырвать ему волосы, а может, даже побольнее надавить коленкой куда-нибудь. Опыт в драках у меня был мизерный, но все же имелся. Еще в институте, на первом курсе, мы с одной девчонкой крепко повздорили. Она имела наглость сказать что-то мерзкое о моей маме, я не сдержалась, ударила первой, как сейчас. Разнимали нас, визжащих, парни-однокурсники.

— Отпусти! — верещал парень. — Больная!

Он, к моему удивлению, растерялся и вел себя еще хуже, чем я. Визжал, отбрыкивался и тоже схватился за мои волосы. Так мы и катались по коридору. От нас только пыль летела да бранные слова слышались. Естественно, вокруг нас начала собираться толпа зевак. Студенты, еще толком не проснувшиеся, повылезали из своих комнат. Зрелище было более чем увлекательным, а потому вокруг нас сразу же образовался полукруг. Со всех сторон то и дело слышалось: «Сильнее его!», «В глаз, в глаз бей», «Да руки ей, руки заломай, что ты как девка дерешься?!», один особо умный даже предложил мне выцарапать противнику глаза или, еще лучше, откусить ухо.

— Что тут творится? Студенты, немедленно разойтись по своим комнатам! — послышался голос госпожи Франклин.

Естественно, никто с места не двинулся, да и мы не перестали возиться на полу. Я вцепилась парню в волосы и приложила его головой об пол, хорошо так. Видимо, нос сломала, потому что кровь брызнула сразу же. Паренек протяжно застонал, но мою руку, заломанную в болевом захвате, не отпустил.

— Студенты! Сейчас же прекратите! Что за безобразие вы тут устроили?! — верещала комендант общежития, наконец, увидевшая нас. — Живо! О вас будет доложено деканам, нет, директору! Неслыханно! Безобразие!

Меня откинуло от наглого паренька на добрый метр, сама я его отпускать не хотела. Франклин смотрела на меня, выкинув вперед левую руку. Вот в чем дело — магия!

— К лекарям, оба! А потом я жду вас в кабинете директора! — строго велела комендант.

Паренек сплюнул кровь прямо на пол, тяжело поднялся и потопал в неизвестном мне направлении, глядя себе под ноги. Постаралась я хорошо. Губа у него была разбита, а нос все же сломан, сам он был весь как будто пожеван, весь в крови, одежда местами порвана, а на щеке след от моих ногтей.

— Студентка! — прикрикнула на меня госпожа Франклин.

— Иду я, иду... — пробурчала себе под нос и поморщилась от боли.

Моя губа тоже была разбита. А еще ныла рука, паршивец все же успел ее вывернуть, сейчас я слабо ее чувствовала. Не перелом, но вывих точно. О местоположении лазарета я абсолютно не имела понятия, а потому пошла вслед за парнем. Конечно, я держалась от него на приличном расстоянии, мало ли... Было радостно видеть, как он прихрамывает, это грело мою черную душу.

***

Вотчина целителей виднелась издалека — отдельно стоящее белое здание с изображением огромной красной змеи, глотающей кинжал с белым драгоценным камнем на рукояти. Прелестная картинка располагалась прямо над входом, как бы намекая на тех, кто там находился. Наверняка добрые и отзывчивые люди, иначе и быть не может.

— Чего вам? — подтвердил мои мысли дежуривший на посту охранника парень.

— А то не видно! — огрызнулся нахал, капая кровью из носа на белый пол.

Обстановка внутри полностью соответствовала лазарету — все такое же белое, как в дурдоме, начиная от потолка и заканчивая полом. Даже форма на парне-охраннике и та белая с красными вертикальными полосами на штанах.

— Нам бы к лекарю... — протянула я, улыбаясь.

Губа сразу же напомнила о недавних событиях.

— Ну к лекарю так к лекарю, — пожал плечами охранник и крикнул куда-то вглубь коридора: — Крем, принимай, к тебе пациенты!

— Нам бы отдельно, — намекнула я о нежелании пересекаться с мной же побитым парнем.

Тот уже ушел к неизвестному Крему, предпочитая меня не дожидаться. Оно и понятно, своя шкура — она всегда дороже.

— Ну хочешь, я тобой займусь... Рано еще, один Крем на дежурстве да я, — объяснил парень.

— Мне все равно, лишь бы лечили хорошо.

— Ну, этого обещать не могу, — хохотнул медбрат. — Мы тут вроде как наказание отрабатываем. Да не бойсь, еще никто не умирал! — оптимистично заявил он, видя, как я дернулась. — Я Фродо, кстати. Сейчас тебя подлатаем, как новенькая будешь!

— Точно справишься?

— Точно-точно! — заверили меня. — Ты не сильно-то и пострадала. Твоему дружку намного больше не повезло... Кто его так?

— Да так, неважно... — отмахнулась. — Давай быстрее, нам еще к директору...

Вот туда идти абсолютно не хотелось. Начинать свое обучение с выговора было как минимум нехорошей приметой, максимум — грозило отчислением, а ведь меня еще и не приняли толком. Кошмар.

— О, ну удачи! Директор у нас зверь, но мужик справедливый, если не виноваты — не страшно, а если... — парень таинственно замолчал, нагоняя побольше страха. Позер.

— Если виноваты, то что? — переспросила немного раздраженно.

— Ну а если виноваты, отработаете! — усмехнулся он, заканчивая водить надо мной руками. — Все, беги, больше к нам не попадай.

Я даже растерялась сначала. Как-то не ожидала, что все лечение ограничится таким маленьким отрезком времени. Парень просто поводил надо мной руками, и все — иди гуляй, говорит. Я осторожно подвигала рукой, недоверчиво косясь на горе-студента. Но та на удивление не болела, да и чувствовала я себя на порядок лучше.

— Не косись так, — потрепал меня он по волосам, усмехаясь. — Все залечил. У тебя, кстати, ребро было сломано. Но не сегодня точно... День, может, два. Еще общее утомление да мелкие ушибы. Ты бы отдохала побольше, кнопка!

Странно, как я могла не заметить сломанного ребра? Боль должна была быть адской... Точно, на мне же корсет! Так все затянато, спину не чувствовала вообще, неудивительно, что перелома не ощущала.

— Спасибо, Фродо! — искренне поблагодарила, улыбаясь.

Хороший парень, понимающий и добрый. У него же я узнала и дорогу до кабинета директора и отправилась туда самостоятельно. Думаю, мой «друг» дойдет сам, не маленький...

Кабинет директора находился в главном здании на втором, преподавательском, этаже. У того же Фродо я узнала, что главного сего учебного заведения зовут Фейербах и он не то архимаг, не то просто крутой волшебник. Парень о нем отзывался с блеском в глазах. Директора любили и уважали за силу и справедливость.

— Явилась? Второй где?

Мисси Франклин уже ожидала нас возле дверей. Настроена она была более чем решительно. Ее губы были поджаты, брови нахмурены, а сама она в нетерпении постукивала

ногой.

— Придет сейчас, у лекарей он, — буркнула я, глядя себе под ноги.

И без того плохое настроение стало еще хуже. Да и головная боль так и не прошла, несмотря на лечение. Все-таки не зря Фродо наказали, учиться и учиться ему еще!

— Ты погруби мне еще! — угрожающе сузив глаза, прошипела вредная.

Вот до чего же мерзкая баба! Кто ей грубил? Я себя тише мышки вела, ниже травки в поле, а она... Поняв, что никто не собирается кланяться ей в ножки и вымаливать прощение, женщина замахнулась и двинулась в мою сторону. С явными намерениями научить меня уму-разуму, преподав парочку уроков. Я, конечно, сомневалась, что у нее хватит храбрости поднять на меня руку, но на всякий случай приготовилась защищаться.

— Что здесь происходит? — грозно прозвучало сбоку.

Госпожа Франклин испуганно вздрогнула, опустила руку и обернулась на голос. К нам уже спешил декан Этьен Уокер.

— Я еще раз спрашиваю, что здесь происходит? — требовательно повторил он, смотря исключительно на госпожу Франклин.

— Она... Она... Грубила, препиралась! Хамка! — обвиняюще ткнула та в меня толстым пальцем, похожим на сосиску.

— Неправда!

— Хочешь сказать, ты не дралась в общежитии?! — взвизгнула гадюка.

На это мне, к глубочайшему сожалению, ответить было нечего. Дралась, но ведь к нашему делу это не относится!

— Это к делу не относится! Вы хотели меня ударить!

— Ах ты, лживая дрянь! — возмущенно воскликнула Франклин. Вот прям актриса Большого и Малого, играет исключительно хорошо.

— Так, к директору! Обе! Будете там отношения выяснять! — надоело слушать Этьену наши препирательства.

Я выдохнула, сжала кулаки и первой шагнула в открытую для нас с госпожой Франклин дверь. Секретарь, до этого мирно пьющая чай, испуганно вздрогнула. Напиток расплескался, на белой блузке образовалось противное коричневое пятно.

— П-подсказать что-то? — заикаясь, спросила она, не обращая внимания на свой конфуз.

— Клаудия, мисс Фейербах у себя? — нежно улыбаясь, спросил Этьен.

— Да-да, только...

Договорить она не успела, Уокер не стал слушать ее тихий голосок и, требовательно стукнув три раза по створке, открыл следующую дверь.

— Ну что там? — грозный, смутно знакомый голос. — Что у тебя опять, Этьен?

— Да вот, пусть сами объясняют! — хохотнул тот.

И если госпожа Франклин вошла в кабинет вполне спокойно, уверенная как в себе, так и в собственной победе, то меня Этьен запихивал буквально силой. Интуиция подсказывала, что и без того плохой день превратится в еще более отстойный. И она была права...

Стоило мне увидеть директора, я сразу же поняла: не видать мне диплома как своих ушей. Да мне даже поступить не дадут, чего уж там!

— Так-так-так, кто тут у нас? — обманчиво ласковым голосом спросил мужчина, разглядывая меня, словно кот мышку. — Мисси Виолетта, какая встреча!

В голове крутилась только одна отчаянная мысль — бежать, надо срочно бежать из

этого гадюшника!

О да, этого мужчину я знала очень хорошо! Вот тебе и лучший студент Академии! В какие годы, интересно, он был студентом, если сейчас занимает должность директора?! Передо мной, сидя в помпезном черном кожаном кресле сидел Георг. Сидел и улыбался, потому как прекрасно осознавал ситуацию. Да и я осознавала ее неплохо.

— О, так вы знакомы? Прекрасно, прекрасно, — непонятно чему обрадовался Этьен.

— Да, мы с мисси Ди Крейн уже знакомы. Так что стряслось? — лениво играя с пишущей палочкой, уточнил Георг.

— Эта нахалка, — обвиняюще ткнула в меня пальцем Франклин, — сегодня утром устроила шоу, все общежитие наблюдало! Она подралась с каким-то парнем! У бедного мальчика шла кровь! А потом ей хватило наглости дерзить мне! Нет, ну вы представляете, мне, уважаемой госпоже! Я требую ее немедленного исключения!

Мозг себе потребуй, склочная баба! Как же я была зла! Эта женщина выставила все в таком свете, что и не отвертишься! И будь на моем месте Виолетта, маленькое дитя, возможно, госпоже Франклин и удалось бы очернить меня, но... Я-то видела, как эта жаба поглядывала на Этьена. С плохо скрываемым восхищением. И сразу стало понятно, за что она меня невзлюбила. За тот невинный поцелуй ладошки.

— Все было не так! — нахмурившись, произнесла я.

— А как? — обманчиво ласково спросил Георг, поглядывая на меня сквозь ресницы.

Сволочь! Сидит довольный, как кот, упавший в тазик сметаны. Морда того и гляди лопнет по швам от счастья! Хлыщ столичный!

— С парнем мы действительно... — как бы лучше подобрать слово, — бурно выясняли отношения. Но это к делу не относится! Эта дамочка посмела замахнуться на меня! Она хотела меня ударить!

— Хотела? — издевательски уточнил мужчина.

— Хотела! Ей помешал декан Уокер, — горячо воскликнула я, пылая праведным гневом. Хотя кому я вру, мой гнев был далек от праведного.

Эмоции, обуревавшие меня в это мгновение, были более чем красочные. Злость на саму ситуацию, злость на чертову Франклин и на этого самодовольного нахала. Только выпри меня из Академии, я тебе устрою райскую жизнь!

— Что ж, думаю, нам стоит дождаться третьего участника вашего конфликта, чтобы вынести наказание, соответствующее проступку.

Госпожа Франклин довольно заулыбалась.

— Что же касается вас, Дороти, вы отстранены от должности коменданта общежития.

Женщина замерла, неверяще уставившись на директора глазами, полными ужаса. Я же внутренне ликovala. Думала, можешь бить мисси? О, это я еще папочке не пожаловалась, стерва!

— Но... но... Вы не можете!

— Это не первый раз, когда студенты жалуются, да и внешнее состояние вверенного вам объекта оставляет желать лучшего. Второго шанса не будет. О вашем поведении будет доложено совету.

— Вы верите этой крестьянке?! — взвизгнула женщина.

— Перед вами Виолетта Ди Крейн! — возмущенно воскликнула я. — Дочь первого советника императора! Как вы смеете?

Женщина металась то к одному, то к другому. Терять насиженное место ей не хотелось.

Мужчины смотрели на нее с отвращением, эта дамочка явно успела достать каждого из них. Когда же до нее дошло, что слезы не помогают, не вызывая совершенно никакой реакции у ее предполагаемой защиты, она кинулась ко мне. Падая чуть ли не в ноги, клянясь и хватая меня за подол несчастного платья, которое уже и так многое повидало, Дороти начала умолять меня сжалиться.

— Проявите хоть каплю гордости! — я вырвала платье из ее рук.

Ткань такого напряжения не выдержала, треснула и порвалась, оставив добрый лоскут в руках женщины. Я еще более гневно посмотрела на нее. Вся моя одежда у Карла, неизвестно когда мы с ним встретимся, а эта еще и рвет то, что осталось. Наглость, вопиющая наглость!

— Госпожа Франклин, покиньте мой кабинет! Немедленно! — рыкнул Георг. — Вам дается неделя на сбор вещей, к письму будет прилагаться ментальный слепок всего произошедшего, совет узнает обо всем, что произошло как в кабинете, так и за его пределами. Всего доброго, госпожа Франклин!

Я думала, что женщина начнет спорить, возмущаться и кричать, но она медленно встала с пола и пошла к выходу. Вся какая-то ссутуленная, жалкая и несчастная. Нет, мне не было ее жаль. Жалость — слишком дорогое удовольствие в моем случае, я не имею на него права. Да вот только сама Дороти была явно убита произошедшим. Она даже не заметила входящего в кабинет паренька, уже здорового, что обидно. Они столкнулись в дверях и еще несколько секунд не могли уступить друг другу дорогу. Когда же ситуация все-таки разрешилась, в кабинете стало чуточку прохладней. Мне. Утренний визитер смотрел на меня с нескрываемым злорадством, а еще его глаза поблескивали от предвкушения предстоящего шоу.

— А вот и наш последний пострадавший, стало быть? — утончил директор чисто для проформы.

Я скромно потупила глазки в серый ковер, еще бы ножкой пошаркала, да боялась, не оценят. Вольготно устроившийся на стуле Этьен с интересом наблюдал за ситуацией. Директор, хлыщ довольный, все так же светился и пах. Как-то сразу вспомнился непринятый вчера душ, забег по коридору от монстра, порванное, грязное платье. К злости прибавился еще и стыд. Вот уж точно леди...

— Да, мисс, Эрик Клэптон, — поклонился рыжий.

— Что ж, Эрик, рассказывай, что произошло. Госпожа Франклин имела неосторожность заявить, что вы подрались со студенткой, с леди. Вот только среди поступивших я вашего лица не помню...

Мужчина показательно потряс кипой бумаг, до этого спокойно лежавших перед ним на столе. Я поморщилась, прекрасно понимая, что именно сейчас расскажет этот Клэптон и в какой форме. И, собственно, была абсолютно права. Начал он с чувством, глазами меча молнии в мою сторону, аки великий Зевс-громовержец.

— Это не леди — дикая кошка! Вчера во время вступительных испытаний эта особа имела наглость проскочить без очереди, оставив меня за закрытыми дверьми. А сегодня, когда я имел честь подойти к ней утром, она напала на меня! Она разбила мне нос!

Я поморщилась. Ну зачем же так визжать? Истеричка. Я и то спокойней себя веду, несмотря на ехидно посматривавшего на меня Георга.

— Все так, мисси Ди Крейн?

— Отчасти... — вынуждена была признать.

— Отчасти? — передразнил мужчина. — Давайте выслушаем вашу историю. Ну же,

смелее.

Я исподлобья глянула на Эрика, обещая тому скорую смерть. Собралась с духом и выложила свою версию произошедших событий. Рассказывала с чувством, с красками и переполняющими меня эмоциями. Не забыла упомянуть пострадавшую Ларису, отсутствие вещей и наглое поведение Клэптона утром. Да, напала, да, сломала нос, но я защищала честь великого рода! Правда, я не знала, так ли велик мой род, но для красивого словца добавила. Думаю, мало кто посмеет поспорить, что род первого советника императора может быть еще каким-то, кроме как великим. Этьен прятал смех, пытаясь выдать его приступ кашля, Эрик смотрел на меня глазами, полными переполняющего его шока. Наверное, парень не мог поверить, что девушка голубой крови может так врать. Нагло и не краснея. А я могла! В нос дать могла, врать могла — все могла, лишь бы выжить и приспособиться к этому миру. Это кисейные барышни-попаданки могут быть нежными и ранимыми, доверять мужчинам и с трепетом ожидать героя. Я же буду выгрызать себе место сама, и неважно, на что мне придется ради этого пойти. В свое время, в своем мире я точно так же шла по головам ради должности.

— Кхм... Что ж, я выслушал обе стороны. Должен признать, лучшим выходом было бы выставить вас обоих за пределы Академии...

Я внутренне сжалась, мысленно я уже была суперским магом. С файерболлами в руках, с посохом и в развевавшемся на ветру плаще. А тут, можно сказать, мечту из-под носа уводят...

— ...Но в этом году у нас отвратительный недобор, потерять еще двоих мы просто не можем....

Плащ за моей спиной стал развеваться активнее, чем пару секунд назад, огненные шарики стали еще более огненными, а посох увеличился в размерах.

— ...Так вот, мисс Клэптон пройдет испытание. Сейчас. В случае прохождения ему назначается наряд на кухне ежедневно в течение трех месяцев и штраф в размере двадцати очков. А мисси Ди Крейн понесет наказание в виде уборки в библиотеке. На полгода! Вам так же будут выписаны штрафные очки. Тридцать.

Плащ за моей спиной уныло повис. Еще не успела поступить, а уже тридцать очков смерти из ста. Кошмар! Как выжить еще несколько лет и абсолютно не влипать в истории, я не представляла.

— Этьен, займитесь испытанием Эрика.

— Пошли уж... — усмехнулся Уокер, легко поднимаясь со стула.

На прощание декан метаморфов игриво подмигнул мне, растрепав и без того находящиеся в ужасном состоянии волосы. Директор наблюдал за этой сценой задумчивым взглядом, но ни слова не сказал о недопустимом отношении преподавателя к студентке. Этьен и Эрик вышли, я осталась стоять на месте, меня, к сожалению, не отпускали.

— Ну что же вы, Виолетта, только расстались с вами, а вы уже стремитесь в мою Академию, — ласково пожурил меня Георг.

Еще бы пальчиком потряс, честное слово, заботливый родитель, не иначе. Да только за этой напускной любезностью я уловила сарказм, понятный только мне. Ведь именно я прогнала его, именно я уверяла, что его помощь и защита мне не нужны. Собственно, оказалась права, защита мне так и не понадобилась. Да только расстались мы не очень хорошо, кое-кто даже обещал отомстить. И, похоже, моя жизнь в Академии не будет такой легкой, как хотелось бы.

— Непредвиденные обстоятельства, — пожав плечами, призналась я. Так бы я спокойно училась в институте... Эх, ну что за жизнь? — А вот кто-то представлялся учеником Академии... Не знаете, кто?

— Так я и был... учеником. Лучшим. Лет двадцать назад.

Сколько? Я еле сдержала себя, чтобы бескультурно не открыть рот. Это же сколько лет Георгу? Точно не тридцать, как я думала. Намного больше! А какая вообще продолжительность жизни у людей этого мира, кстати? Точно не наши восемьдесят-девянносто, до которых еще дожить надо и которые уже глубокой старостью считаются.

— Мисс... Фейербах, — все-таки вспомнила я фамилию директора, — давайте не будем устраивать балаган. Дайте мне спокойно доучиться, и расстанемся, как в море корабли, довольные друг другом.

— Триединые с вами, мисси Ди Крейн, если кто и устраивает балаган, так это вы! Думаю, мисс Лионель узнает о своей дочери много нового...

А вот угрожать мне не надо! У меня тогда крышу сносит напрочь. И тормоза отказывают. Инстинкт самосохранения вообще выключается, а вот наглость угаивается.

— ...Ведьма, — спокойно проговорил мужчина, вырывая меня из приятных мыслей о мести.

— Что, простите?

— Говорю, ваш факультет — ведьмачество. Вам туда прямая дорога, — усмехнулся Георг, выразительно окидывая меня взглядом. — Дополнительно будете ходить на занятия к огневикам. Расписание получите у секретаря. Свободны, Ди Крейн. И постарайтесь не попадаться мне на глаза.

Я так обрадовалась, что вылетела из кабинета, забыв даже о положенном в таком случае реверансе. К черту все, бежать, пока не передумал. Ведьма так ведьма, тем более что это и вправду мне подходит. Клаудия, секретарь директора, проводила меня, веселую и довольную, удивленным взглядом. А потом вспомнила, поставила новую чашечку с чаем на стол и окликнула меня, успевшую уже схватиться за ручку двери.

— Стойте, мисси Ди Крейн! Сейчас, где же это... — девушка принялась рыться в горе бумаг, возвышающейся на ее столе. — Вот! Ваша карта Академии. Вы пропустили церемонию поступления, так что все нужные документы получите сейчас.

Секретарь всунула мне в руки три листа и забыла о моем существовании, вновь уткнувшись в чашку. Я заподозрила, что налит там далеко не чай, но промолчала, лишь благодарно кивнув и поспешив покинуть столь неприятное место.

Уже на улице, в тени деревьев, я рассмотрела все три листка, которые оказались запутанной картой, списком непонятных вещей и расписанием. В том же расписании было указано общежитие, в которое меня поселили на постоянной основе. «Общежитие ведьм» — гордо гласила надпись. Да вот только как туда добраться, было непонятно даже с картой. Все у меня не как у людей, через одно место.

— Простите, — окликнула я пробежавшего мимо паренька, — не подскажете, как пройти к общежитию ведьм?

Того, вначале остановившегося и приветливо улыбнувшегося, перекосило, потом встряхнуло, как от удара током. Да так, что я испугалась за его психику.

— Все в порядке? — участливо спросила. — Вы как-то побледнели.

Но паренек вместо ответа ткнул пальцем куда-то в сторону и поспешил от меня сбежать, опасливо оглядываясь, как будто за ним собаки гнались. Станный какой-то... Но в

той стороне, куда указал пугливый, и вправду вдалеке виднелось небольшое здание. Туда я и направилась, весело размахивая руками и напевая веселый мотивчик.

Погода стояла прекрасная, настроение улучшилось. Осталось заселиться, навестить Ларису и разобраться с вещами.

Кончились времена охоты на ведьм

— теперь ведьмы охотятся на нас.

Уршула Зыбура

Общежитие ведьм еще издавна угадывалось как... общежитие ведьм. И если вам сразу же придет на ум домик на куриных ножках, то вы глубоко ошибаетесь. Коттедж в традиционном английском стиле со вторым мансардным этажом встретил меня взрывом и розовым туманом. Я испуганно шарахнулась в сторону, налетев на проходившую мимо девушку.

— Новенькая? — понимающе усмехнулась она. — Это второкурсницы любовное зелье готовят.

Любовное зелье? Теперь понятно, почему паренек так испугался, когда я спросила его о направлении. Небось, думал, что заставлю его проводить меня, а тут ведьмы и зелье. Любовное. Кому хочется попасть под розовый дымок?

— И часто тут такое? — с интересом спросила я, рассматривая общежитие.

Уютненько. Вокруг сад с неизвестными травами и растениями, рядом раскинулся огромный старый дуб, возвышающийся над коттеджем. Молодые ведьмочки в черных форменных платьях чуть выше колен проходили мимо, весело хихикая. И ни одного парня в округе не видно. Тишь да благодать, одним словом.

— Частенько. А как нам разрешили на магах опыты ставить, так только этим и занимаемся.

— Опыты?

— Ага! — весело отозвалась ведьмочка. — Они ночью к первокурснице в комнату залезли, перепугали бедную, так она к директору пошла. Теперь мы все мстим, в пределах конечно, но с фантазией!

— Весело.

— Не то слово! Я Пенелопа, кстати. Можно просто Пен, — представилась невысокая русоволосая ведьмочка. — Третьекурсница.

— Виолетта. Только поступила. Проводишь к коменданту?

— Конечно!

Пенелопа оказалась общительной и любящей тактильные контакты девушкой. Пока мы шли к коменданту общежития, она успела мне рассказать о себе, Академии и противных магах и встряса из меня обещание сходить завтра вместе за покупками. Втайне я этому обрадовалась, сама бы плутала по рынку в поисках сама не знаю чего долгие часы. А так и помощь, и приятная компания! Девушке явно надо было чувствовать мое настроение, а потому она то и дело заглядывала мне в глаза или ненавязчиво трогала за руку. Обычно меня напрягал такой быстрый контакт, но у нее это получалось так легко и естественно, что меня не напрягало.

— Ну вот, пришли, — с улыбкой произнесла Пен, останавливаясь возле двери. — Мисса Готье ведьма в годах, но приятная.

— Спасибо.

— Не за что, обращайся, чем смогу — помогу. И не забудь про завтра! — крикнула девушка, уходя.

Я проследила, как Пенелопа скрылась за поворотом, выдохнула, собрала все имеющиеся у меня силы и пару раз стукнула в створку двери.

— Можно? — взволнованно спросила.

После недавнего инцидента к комендантам Академии я относилась с настороженностью. А вдруг все такие психованные, как Франклин?

— Да-да, конечно.

Но голос, вопреки моим опасениям, был нежным и ласковым. Да и сама ведьма выглядела этакой приятной бабушкой, которая всегда накормит, приголубит и выслушает. Попала я в небольшой кабинетик. Уютный, как и сама мисса Готье.

— Проходи, милочка, я не кусаюсь, — добродушно усмехнулась ведьма.

Я и вправду замерла в дверях, не решаясь зайти и нарушить приятную домашнюю атмосферу, которую создала вокруг себя эта женщина.

— Я... новенькая, — неуверенно начала я, — пропустила церемонию. Меня к вам направили.

— А-а-а, да, было что-то такое. Как же там... Студентка Ди Крейн?

— Да-да! — я активно закивала головой.

Кот, до этого спокойно лежавший на коленях ведьмы, поднял голову и наострил ушки.

— Это та-а-а др-рачунья? — причудливо растягивая буквы, проговорил он.

Я, признаться честно, испуганно вздрогнула вначале. Привыкла к тому, что только моя Лариса разговаривает, а тут другое животное. Но потом вспомнила о фамильярах. И этот, скорее всего, был фамильяром миссы Готье.

— Ну... да, наверное, — смущенно улыбнувшись, призналась в своем проступке.

— Хорошо хоть его отделала?

— Кого? — глупо переспросила я.

— Мага, конечно, кого же еще! — фыркнул кот.

Я даже растерялась сначала: думала, что и тут ругать будут да штрафные баллы начислять, а тут... Хвалят? Необычно. А еще отметила, что Эрик все же поступил. На мага.

— Э-э-э... Да, наверно, — неуверенно ответила я.

— Молодец! Так им, зазнайкам! А то что наказание назначили, так это не беда, полгода быстро пролетят! — оптимистично заявила комендант. А я прям шок испытала. Чтобы за драку и хвалили, это где такое видано? Необычно, очень необычно. Еще одна понятная причина, почему маги к общежитию ведьм стараются не подходить. Если тут персонал такой, что тогда о молодых ведьмочках говорить? — Так, твоя комната триста пять, — приступила к делам мисса Готье. — С соседкой познакомись сама. Ведьма она хорошая, подружитесь. Вещи твои уже там, мужичок передал. Вроде бы Карл... Не уверена.

А я просияла, услышав эту информацию. Все-таки Этьен ему написал, а Карл даже успел их доставить. Прекрасно, просто прекрасно! Не придется самой бегать по городу в поисках прислуги. А еще можно будет прямо сейчас принять душ и переодеться в чистую и не порванную одежду. О, простые житейские радости!

— Два дня вам дается на адаптацию и покупку вещей, — продолжила ведьма, — список тебе должны были выдать в секретариате. Дали ведь?

Я покивала головой и помахала листами. Ведьма, удостоверившись, что мне все на самом деле дали, продолжила:

— Расписание тоже дали, как я смотрю. Оно на ближайшее полугодие. Каждые полгода зачеты, в конце года экзамены. Советую сдавать все сразу, хвостов не собирать, иначе

исключают. А нас, ведьм, и так мало... Так, что еще я забыла? А, точно! В конце года практика и призыв фамильяра. Да только я слыхала, он у тебя уже есть?

— Не фамильяр... Лара подруга, — попыталась я объяснить.

— Посмотрим, — отмахнулась от моих слов Готье. — Твоя Лара, кстати, уже пришла в себя. Если захочешь поведать, она у лекарей.

Я благодарно улыбнулась женщине. Новости были поистине важные и приятные. О Ларисе я волновалась. Без нее было очень непривычно и тревожно. Я чувствовала себя как слепой котенок.

— Ну, вроде бы все, — неуверенно произнесла ведьма, поглаживая кота. — Если что забыла, вам все равно на вводных лекциях куратор будет рассказывать.

— Спасибо, — искренне поблагодарила, неуклюже присаживаясь в положенном реверансе.

— Беги уже, — понятливо усмехнулась мисса Готье, видя мое нетерпение.

Я, еще раз поблагодарив добродушную ведьму, покинула ее кабинет и поспешила на третий этаж. Надеюсь, здесь нумерация такая же, как и в общежитии только поступивших. Я не прогадала, а потому комнату нашла быстро. Пару раз стукнув для вежливости, приоткрыла дверь. Внутри было пусто, моей соседки не было на месте. Оно и к лучшему, наверное. Осмотрюсь и привыкну к новой обстановке.

Две кровати, два ученических стола, два шкафа — все напротив друг друга. Над одной из кроватей висит полка, уже заставленная книгами. Вторая, судя по сваленным на нее вещам и стоящим рядом сундукам, моя. За еще одной дверцей скрывалась ванная, небольшая, но все, что нужно для комфортной жизни, присутствовало. Но что привлекло меня сразу, так это большой подоконник. Да и вид из окна просто чудесный. Уже представляла, как буду сидеть вечерами и наблюдать за звездами, фантастика!

Первым делом я решила начать не с разбора вещей, а с принятия душа. Не представляю, как в средневековые люди не мылись неделями, тут тело начинает свербеть на второй день. Как ты себя ни уговаривай, а без привычного душа хотя бы раз в сутки жить сложно. Среди сваленных на кровати вещей я кое-как нашла полотенце и мыло, пока этого хватит, а там разберемся. Из ванной я вышла примерно через час, благоухающая травами и довольная, как слон, если говорить о размерах довольства.

— Ты что здесь делаешь?

Я свою соседку встретить нагишом вот никак не собиралась. А девушка, стоявшая в дверях, была, судя по всему, именно ей — моей соседкой на несколько ближайших лет.

— Ты не могла бы закрыть дверь? — натянуто улыбнувшись, попросила я, повыше подтягивая полотенце. — Сквозит, знаешь ли.

Но девушка не спешила. Она не двигалась с места и пристально рассматривала меня. Казалось, ее пальцы залезают под кожу, трогают нервы и оголенные мышцы, рассматривают саму душу. Ощущение неприятное, противное даже. И пусть ты и понимаешь, что это твое воображение, разыгравшиеся мысли, но так и хочется дать ей по рукам.

— Как ты сюда попала? Как обошла защиту? — наконец, подала голос девушка, заходя в комнату и плотно закрывая за собой дверь.

То, что комната была, оказывается, защищена, для меня оказалось сюрпризом. Я вошла совершенно спокойно, не почувствовав ничего.

— И тебе здравствуй, — пробурчала я, недовольная допросом. — Я твоя новая соседка.

— Это все равно не объясняет то, как ты прошла мою защиту, — пожала плечами

девушка.

Стервозина, почему-то сразу же мелькнула мысль. Сама себе цену знает, вон как высокомерно плечиком ведет. И, несмотря на хрупкий, невинный вид, все ее существо говорило: «Не подходи, убьет!» Хотя сама по себе, беловолосая и кучерявая, она была таким воплощением ягненка. И я, стоящая в одном полотенце посреди комнаты, сразу поняла, что мы подружимся, как и говорила мисса Готье.

— Не знаю, да и неважно это, прошла и прошла. Я Виолетта, кстати, первый курс.

— Агнес, — и точно, еще и имя как у ягненка, — Агнесса Данбар, третий курс. специализация: защита и обереги.

— Специализация?

— На втором курсе объяснят, — отмахнулась Агнесса.

До второго курса еще дожить надо. А с моим везением это не то что равняется нулю, я в минус ушла. Совсем невесело, а еще на отработку наказаний ходить. Хорошо хоть в библиотеку, а не на кухню и не полы драить. Книги — это прекрасно, особенно когда твои знания мира ограничиваются тем, что знает птица, которая не всегда с тобой.

— А где твой фамилляр? — проявила я любопытство.

— Охотится, она у меня в этом плане самостоятельная.

— А кто... — договорить я не успела, в комнату прямо сквозь стену вплыл большой крокодил. Аллигатор, если точнее. Внушительный такой, метр точно, белый и с красными глазками, ехидно поблескивавшими в свете солнечных лучей. Альбинос, отметил мозг, пока я визжала. С детства боюсь всяких рептилий. Змеи, крокодилы, игуаны — все они приводят меня в дикий ужас. И этот случай не был исключением. Инстинкты сработали быстрее, чем мозг. Орать и швыряться вещами я начала раньше, чем Агнес успела объяснить ситуацию мне и своему фамиляру, которому подобное обращение с моей стороны совсем не понравилось. Тварь обнажила зубы длиной с мою ладонь и двинулась на меня, издавая утробные рычащие звуки. Я взвизгнула пуще прежнего.

— Так! Прекратили обе! — прикрикнула Агнес, чеканя каждое слово. — Сара, ты же потомственный фамилляр, в пятом поколении, как ты себя ведешь?

Из всего я выловила важное: это чудовище — фамилляр. И в принципе, наверное, даже не такое опасное, как я себе рисую, но от этого легче не стало.

— Почему она ходит сквозь стены и летает?! — спросила я охрипшим голосом.

— Потому что вновь где-то бросила свое тело, — говоря это, девушка осуждающе поглядывала в сторону Сары.

— Оно само всегда получается, ты же знаешь, — начала ластиться та, улыбаясь.

А вот меня от ее улыбочки передернуло. Набор зубов там ого-го какой впечатляющий. Такая в шутку куснет — без ноги останешься. Это тебе не безобидное домашнее животное, не нежная кошечка. Боги, и с этим мне предлагают жить?!

— Ничего не знаю! Быстро вернулась, пока я не разозлилась!

Аллигаторша тяжело вздохнула, построила умоляющие глазки, но, видя, что это не помогает, вновь нырнула в стену. Из соседней комнаты послышалась ругань и звук удара. Видимо, и там девушки не были рады столь бестактному вторжению в их личное пространство. М-да, весело, ничего не скажешь.

— Ты прости, она у меня безобидная, глуповатая немного, но безобидная, — смущенно улыбнулась Агнес, исправляя тот беспорядок, который возник после появления Сары. Возник он, правда, больше по моей вине, но признавать я это, конечно же, не буду.

— Безобидная? — глупо хихикнула я. Это от шока, не иначе.

— Ты же знаешь, мы не можем отказаться от существа, пришедшего на наш зов, — я этого не знала, но это не так уж и важно. — Сару я вызывала не с помощью круга, а используя зов, вот с тех пор мы вместе.

То, что, помимо призыва фамильяра в магический круг, есть еще какой-то там зов, для меня стало открытием. Но не таким поразительным как то, что от фамильяра нельзя отказаться. Это и ко мне может прийти что-то скользкое и противное, а ты потом живи, как хочешь. Нет уж, спасибо, только магический круг.

— А почему она... стены, — попыталась объяснить я, некультурно тыча пальцем в то самое место, через которое еще пару минут назад прошла Сара.

— Ее магия, — и Агнес тут же уточнила, видя, что я ничего не понимаю: — Она может покидать реальное тело, путешествуя в виде астрального.

— Понятно, — с умным видом покивала я.

Хотя понятно-то ничего и не было. Но чтобы уж совсем дурой не выглядеть, пришлось согласиться. Потом, если не забуду, попрошу Ларису объяснить. Она всегда знает ответы на мои вопросы, какими бы глупыми они ни были.

Мы обе замолчали, каждая занимаясь своими делами. Агнесса читала книжку с нечитабельным названием, я приводила себя в порядок и потихоньку разбирала вещи, которых оказалось просто непозволительно много. Открыв шкаф, я наткнулась на форму. Черное платье, как я уже видела на девушках во дворе и какое было на Агнесе. Плащ с белесым мехом. И еще одно платье, не иначе как парадное, судя по блестящей эмблеме на груди. Только это было длинным и волнующе открытым, непристойным и тоже черным. Глубокий вырез на груди маскировался тоненькой сеточкой, оставляя простор для воображения. Длинные разрезы по бокам должны обнажать ноги, а в комплект к платью шла типичная ведьмовская остроконечная шляпа с такой же эмблемой, что и на груди наряда. Я достала его, приложила к себе и покрутилась возле зеркала.

— Шабашное, — с нежностью произнесла Агнес, рассматривая меня. — Помню, с каким трепетом надевала в первый раз.

— Шабашное? — переспросила я, аккуратно вешая одежду обратно.

— Да. Раз в год на зимнее солнцестояние Академия разрешает ведьмам устраивать шабаш. Это таинство, своего рода посвящение, пройти которое — цель каждой из нас. Мы отпускаем магию, веселимся и отдыхаем душой и телом. Незабываемый праздник. В этом году ты тоже примешь в нем участие. В своем первом шабаше. Я даже немного завидую, первый раз всегда особенный, незабываемый.

Она говорила с такой нежностью, с такими эмоциями, что я невольно захотела присоединиться к этому празднику. Тоже хотела ощутить себя частичкой чего-то такого, необычного и таинственного, чего-то масштабного, недоступного для других.

— Наверное, это прекрасно, — сама не понимаю, почему я произнесла это шепотом. Может быть, потому что не хотелось портить атмосферу, а может из-за переполнявших меня эмоций.

— Это прекрасно, — подтвердила Агнесса, нежно улыбаясь.

На этом наш диалог закончился, мы вновь занялись своими делами. Я все так же раскладывала вещи, ведьма все так же читала. Но отношения между нами стали чуточку теплее, как будто протянулась еще совсем тонкая, словно паутинка, ниточка. Ниточка, связывающая нас.

Комната и с моей стороны постепенно приобретала обжитой вид. На столе появились тетради, писцы и прочие канцелярские принадлежности. На подоконник хорошо встал маленький чайный сервиз и чайничек, разогревающийся от встроенного внутрь амулета. Я не могла заснуть без чашки теплого чая, да и сомневалась, что моя соседка откажется от кружечки. Шкаф ломился от всевозможных одежек и прочих атрибутов любой уважающей себя леди. Лейла хорошо постаралась, да и остальные девушки проявили себя, вещей было даже больше чем достаточно. А уж с учетом того, что ходить мне предстояло в форме, я не представляла, как именно буду выгуливать наряды, а главное — когда... А ведь помимо работы в библиотеке мне предстояло нагонять остальных. Что для жителей этого мира понятно и не нуждается в объяснениях, для меня — тайна, покрытая мраком. И открывать эти тайны мне предстоит самой.

— Лазарет ведь еще работает? — я уже переоделась в ученическое платье и собиралась проведать Ларису.

— А тебе зачем? — не отрываясь от книги, спросила Агнес.

Она вообще была той еще заучкой, судя по всему, ну или книга была уж очень интересной. День клонился к вечеру, а она все это время сидела и читала, едва шелохнувшись.

— Проведать подругу.

— Тогда да, там должны быть дежурные. А так они закрываются после ужина.

— То есть я еще и ужин пропустила? Просто прекрасно, — пробурчала себе под нос.

— Да нет, почему, у тебя еще... — девушка, наконец, оторвалась от книги, чтобы взглянуть на руку. Только сейчас я заметила у нее тонкий ремешок, обхватывающий запястье. Часы? — У тебя еще полтора часа. Если поспешишь...

— Спасибо, — я благодарно улыбнулась соседке и поторопилась покинуть комнату.

По пути я размышляла, успею ли я на ужин, если навещу вначале Ларису. Решив, что ничего страшного не случится, приди я одной из последних, направилась все же в лазарет. Путь туда я уже знала, да и белое здание выделялось среди остальных.

Встретили меня улыбчиво, вежливо поинтересовавшись, зачем приперлась и чего мне здесь надо, из чего я сразу же сделала вывод, что ведьм здесь не любит никто. Даже директор Академии относится к ним с каким-то пренебрежением, судя по тому, как именно меня направили к ним. В голове сразу же сложился образ вредной стервозной дамочки, а таких в Академии имелся целый факультет. Как я понимаю, ведьмой может стать только женщина, мужчин в общежитии я не заметила. Хотя опять-таки в этом я тоже уверена не была. Я вообще мало что знала и мало в чем могла быть уверена.

Меня проводили в отдельную палату, там в большой клетке была заперта скучавшая Лариса. Выглядела она намного лучше. Крыло вновь напоминало крыло, а не кусок мяса с костями. Перышки лоснились и выглядели еще лучше, чем до посещения лазарета. Да и сама она была переполнена здоровой энергией.

— Виолетта! — взволнованно воскликнула Лариса, как только увидела меня. Она хотела было броситься ко мне, но помешали прутьях клетки. — Забери меня отсюда. Я прекрасно себя чувствую, а они все пичкают меня какой-то гадостью, — ворчала Лара. — Нет, ты представляешь, они меня в клетку посадили!

В конце ее голос превратился в возмущенное карканье, она нервно ходила взад-вперед, размахивая крыльями, насколько ей это позволяло ограниченное пространство.

— Я тоже по тебе соскучилась, — усмехнулась, наблюдая за подругой.

При виде ее поведения мне невольно стало легче, я наконец-то смогла отпустить внутреннюю пружину тревоги за нее. Но медицина в этом мире явно шагнула намного дальше нашей. Если уж переломы они лечат за сутки... Может, тут и венерических заболеваний нет? Кстати, регул у меня тоже так и не было, несмотря на мое долгое пребывание в этом теле, хотя морально я была к ним готова. Их нет вообще или же это тоже благодаря магии?

— Конечно же, я скучала по тебе, — почти обиженно, — но сейчас важнее другое! Забери меня отсюда, я схожу с ума!

— Я только спрошу, можно ли, и сразу вернусь, — поспешила заверить пернатую, улыбаясь. — Подожди еще пару минут.

Ее поведение меня сместило. Моя мама так же боялась больниц и врачей. Загнать ее на обследование было невыполнимой миссией. Она упиралась, скандалила, а иногда даже плакала, давя на жалость и действуя шантажом. Но ради справедливости надо сказать, болела она нечасто.

— Простите!

Я выглянула из палаты. Снаружи никого не оказалось, пришлось возвращаться к входу и вновь тормозить дежурного лекаря. Тот поглядывал на меня недружелюбно, я оторвала его от чтения. Ничего, поработает, не сломается!

— Простите, — еще раз повторила, — могу ли я забрать свою... свое животное?

Очередной раз объяснять, что Лариса вовсе не фамилляр, мне не хотелось, да и сомневаюсь, что парниша поймет меня правильно. А потому просто животное. Мое.

— Арку? — лениво уточнил он.

Я молча кивнула. Логично, что из всех я хотела забрать именно ее, ведь к ней и пришла.

— Наверное, можно, — дежурный пожал плечами.

— Наверно?

— Да забирай, что с ней будет? — отмахнулся он.

Меня такое наплевательское отношение к пациентам возмутило. Да, пусть он всего лишь провинившийся студент, отбывавший наказание в лазарете, но как так можно?! Это ведь здоровье, пусть и птицы, но важного для кого-то существа. Конечно, сейчас такое поведение было мне на руку, но кто знал, как это обернется в будущем для кого-то несчастного, попавшего к таким вот лекарям. Попадись мне тот преподаватель, который отправляет сюда студентов...

— Лара, собирай вещи, тебя отпустили, — пошутила я, аккуратно приоткрывая створку клетки, чтобы не задеть арку.

— Слава Триединым! — счастливо воскликнула та. — Ну, рассказывай, как все прошло. Где мы теперь учимся? У меня столько вопросов, ты должна мне все рассказать!

— Тише-тише, все по порядку!

Я решила, что летать самой ей еще рано, а потому подхватила ее на руки. Выходили мы из лазарета под прицелом пытливых глаз дежурившего студента.

— Ну! — поторопила меня Лариса, изнывавшая от любопытства.

Рассказ получился долгим и эмоциональным. Лариса слушала внимательно, не перебивала, за что я была особенно благодарна. Сомневаюсь, что смогла бы начать заново, очень уж все запутанно, а поговорить хотелось о многом, спросить — еще о большем. Уж слишком все сложно для меня, непонятно и непривычно. Когда я закончила, мы уже подходили к столовой, народ еще толпился, что не могло не радовать. Значит, я не последняя

и еду все же получу. На меня с аркой в руках поглядывали с любопытством, но сильно не косились. Скорее, просто отмечали для себя новую фигуру, да еще и с такой интересной зверушкой.

— М-да... — под конец рассказа выдохнула Лариса. — С Георгом это нехорошо, конечно, получилось.

— Не то слово, Лара! Представь мой шок, — меня передернуло, стоило вспомнить зеленые глаза, смотревшие с холодной усмешкой.

— Но он вроде адекватный, трогать не стал.

— Я представляю, как ему было смешно... Я ведь угрожала ему потерей места в Академии. Глупость какая, директор вылетает из собственной Академии.

— Кто знал, — попыталась успокоить меня птица. — Тогда он выглядел по-настоящему злым, не думаю, что ему было смешно. Скорее уж, его поразила твоя наглость.

— Ой, все, давай забудем, — попыталась закрыть я тему. — Тебе что взять?

Мы как раз подошли к раздаче. Столовая была типичной, все как в моем мире. Вначале попадаешь в большой зал со столами и лавками. Некоторые столики стояли особняком и рассчитаны были на небольшое количество человек. Дальше виднелись окна раздачи. И судя по двигавшимся студентам, мне предстояло взять поднос и самой выбирать себе ужин. Так я и поступила, пристроившись в самый конец очереди.

— Мясо! — важно ответила Лариса.

Я пересадил ее на плечо, так было удобнее ей и мне, но вот окружающие отреагировали не очень. Группа студентов, стоявших впереди меня, глянула с неодобрением и зашушукалась. Обсуждали явно меня, но слов было не разобрать. Ну и ладно, пусть сплетничают, лишь бы меня яд не закапал.

Я выбрала мясо для Ларисы и салат для себя, на десерт пару булочек и черный чай. Сама я в сторону мясных блюд даже не смотрела, в памяти все еще был свеж случай с розовым хомяком, чтоб жилось им хорошо, сволочам. Неизвестно, когда я нормально смогу реагировать на мясные продукты, чтобы при этом меня не выворачивало от одних воспоминаний.

— Она даже элементарных правил не соблюдает! Пусть валит со своей тварью в ведьминскую халупу!

Я сразу же нашла взглядом говорившую. А это была именно девушка. Маг, судя по всему, потому как ее одежда отличалась от моей. От наше — ведьминской. На магине был темно-синий костюм, облегавший ее ладную фигурку словно вторая кожа. И, судя по яду, который капал с ее губ, эта вторая кожа была змеиной. Я прищурилась, разглядывая смертницу. Красива, и знает об этом. Светлые волосы элегантно уложены в хвост, так, что ни одна прядочка не выбивалась. Кукольное личико, черные брови вразлет нахмурены, а губки, подведенные помадой, презрительно кривятся. Я впервые в этом мире увидела, чтобы кто-то накладывал макияж. Красотка явно не брезговала косметикой и прибегала к ней, чтобы подчеркнуть и без того хорошенькую мордашку. Мисси, не иначе, вон как держится, да только кто она против меня? Так, дитя малое.

Девушка явно поняла, что я ее услышала, но извиняться не стала. Она, наоборот, повысила голос, чтобы на этот раз слышали все, а не только стоящие рядом.

— Эти ведьмы совсем обнаглели! Магии с ноготок, а все туда же. Сидели бы себе тихо да шавок своих на привязи держали.

Послышались неуверенные смешки. Я оглянулась, но промолчала. Сейчас я в

меньшинстве, ведьм, кроме меня, в столовой больше не было, но это не значит, что я не могу противостоять зачинщице.

— Дорогая, не хмурься, — посоветовала я, проходя мимо. — У тебя и так уже морщины, куда тебе больше? Пожалей окружающих, не все же им страдать!

Мисси и впрямь была чуть старше меня лет на пять. Конечно, пока ни о каких морщинах речи не было, но она все равно покрылась пятнами от гнева. Какой девушке приятно, когда ей напоминают о возрасте. Поднос, который я держала в руках, вырвался и взлетел в воздух, меня осыпало едой. Отвратительно. Я обернулась и с прищуром оглядела собравшуюся толпу. Блондинка стояла прямо сзади меня и, выкинув руку вперед, ухмылялась. Так вот в чем дело — магия воздуха.

— Ты в курсе, что играть с едой — дурной тон? — высокомерно спросила я. — Или у вашей семьи настолько все плохо, что вы не можете позволить себе достойных учителей по этикету?

— Да как ты смеешь?! — взвизгнула блондинка, ожидавшая от меня явно не такой реакции, и уж тем более не поучительных речей о ее воспитании. — Я Валерия де Андраде, дочь барона Андраде!

— Почему же у тебя такое плохое воспитание? — перебила я девушку. — Ну да ладно, это проблемы барона, не мои. Надеюсь, тебе хватит ума попросить прощения.

— Прощения? Да подавись ты! Я не стану извиняться перед жалкой ведьмой, чьих магических крох хватило только на призыв ничтожной курицы!

— Это я-то курица?! Ах ты гадюка подколотная! — обиженно воскликнула Лариса.

Вокруг нас собралась приличная толпа, но только, судя по всему, останавливать нас не собирались. Да и я уже не могла простить выскочке ее слова. Пусть оскорбляет факультет ведьм, меня и мою магию сколько душе угодно, но оскорблять Ларису я не позволю.

— Я, герцогиня Виолетта Ди Крейн, требую от вас, баронесса, письменного извинения! И вы мне их принесете, если не хотите проблем! А я, так и быть, подумаю, прощать ли вас.

Девушка стояла, словно молнией пораженная, и хватала ртом воздух. То ли от возмущения, то ли от осознания того, кому именно имела наглость нагрубить. Да, на мне не было украшений, и выглядела я довольно бедно: ученическое платье и закрытые туфельки в тон. Ни тебе модных в этом сезоне шапочек-котелков, ни вычурных причесок, даже макияж и тот отсутствовал. Да и волосы мои были заплетены в простую косу. Какая герцогиня будет так ходить? Но зато теперь эта выскочка поостережется выкрикивать что-то без раздумий.

— Знайте свое место, баронесса! А еще запомните, что мы, жалкие ведьмы, очень злопамятны. А вы только что перешли дорогу одной из нас!

Студенты вокруг нас возбужденно загалдели, довольные шоу. Я стряхнула с платья остатки своего ужина и пошла к выходу, не оглядываясь на Валерию. Гордо, как и полагается мисси моего статуса, прошла сквозь толпу. Люди расступались, давая мне дорогу. М-да, не так я себе представляла свой первый день в Академии, не так.

Вообще я очень необразованный, но читаю много.

Джером Дэвид Сэлинджер «Над пропастью во ржи»

Если вы думаете, что утро начинается с кофе или хотя бы с чая, вы глубоко ошибаетесь. Уже второй раз я просыпалась под спор Лары и Сары. Животные невзлюбили друг друга с первой встречи. Что именно им не понравилось, нам с Агнессой так и не удалось узнать. То ли ревность разыгралась, то ли природный животный инстинкт, да только сцепились они друг с другом сразу. И ладно бы дрались, тогда бы у нас был повод на них прикрикнуть или наказать, но животные цапались только словесно. И если я понимала обеих, то Агнес страдала вдвойне: она слышала только рычание, карканье и шипение.

— Убери свои отростки с нашей территории, жаба! — шипела Лариса.

— А ты не раскидывайся своими перьями, недоделанная! Тобой подушку набить можно, никто не заметит подмены!

Сара упорно принимала Ларису за неудачного фамильяра, которого понимает только хозяйка. И сколько бы мы ни доказывали, что это не так, а связи фамильяр — ведьма между нами нет, это не помогало. Агнесса нам тоже, кстати, не верила. Она была очень удивлена, что у первокурсницы есть фамильяр. И даже предположила, что я из потомственных. К тем почему-то было другое отношение. Да и, как мне уже известно, правила приема в Академию для потомственных отличались.

— Троединые... Замолчите... — простонала Агнесса, накрываясь подушкой, чтобы хоть как-то заглушить вопли.

Не сказать, что это очень-то помогло — проверено. Да и о сне уже не могло быть и речи — первый учебный день как-никак, опаздывать не хотелось. Я испытывала трепетное волнение. Это же магия! Я начну ее изучать, стану крутым магом и отправлюсь в путешествие по миру завоевывать королевства! Это глупые мечты — прекрасно понимаю, но мечты на то и мечты, чтобы быть глупыми.

— Не шипи на меня, подушка!

— Ой, а сама-то...

Я еще несколько минут понежилась в кровати под споры животных, а потом резко встала. Перед глазами сразу же появились черные мушки, протестующие против такого подъема, но они быстро исчезли. Лариса испуганно подавилась фразой, замерев на полуслове.

— Так, прекращайте свои разборки, а не то в следующий раз будете спать на улице, — пригрозила я.

— Да мы и оттуда их будем слышать... — пробурчала Агнесса из-под подушки.

Я только посмеялась, наблюдая за недовольными животными. К Саре я за два дня притерлась. Не сказать, что она могла подходить ко мне слишком близко и что меня больше не передергивало, но один раз я ее даже погладила. Что для меня огромный прогресс! Происходило это, правда, под ревнивое пыхтение Ларисы — она с трудом переносила конкурентку за мое внимание. Да только, как по мне, Сара была очень милым аллигатором. Она питалась булочками и с радостью поедала конфеты. Иногда казалось, что фамильяр живет на одном сладком, за два дня я ни разу не видела, чтобы она ела мясо. В отличие от моей Лары, которая себе никогда не отказывала в лакомстве, желательно с кровью.

Я успела принять душ, одеться и собрать вещи для первого учебного дня, а вот Агнесса не спешила — сегодня ей вообще к третьей паре, чему я невероятно завидовала: мне-то пришлось вставать к первой. Расписание в принципе было составлено странным образом. У меня и у моих одноклассниц, как мы выяснили за обедом, оно не совпадало. У каждой было собственное. Почему так — пока неясно, но я предполагала, что дело в наших способностях и особенностях магии.

— Подъем, копуши! — в комнату влетело нечто, смутно напоминавшее Пен, и сразу же кинулось на Агнессу, которая все еще лениво валялась в постели.

Та крикнула под немалым весом — и не смотрите, что Пенелопа девушка маленькая, — и недовольно что-то пробурчала, пытаясь выбраться из-под гостыи. К своей ведьме с веселым писком присоединилась Кэт — фамилляр Пен. Маленький белый шарик, похожий на кролика, только без длинных ушей и хвоста. Такой пушистый клубок, которому я умилилась с первого взгляда. Только потискать мне ее не разрешили — Кэт этого жуть как не любила. С ней я познакомилась вчера, когда мы все вместе ходили на рынок за покупками. Агнесса великодушно согласилась пройти с нами, когда я ей предложила, и так наша небольшая компания дополнилась еще одним человеком. И слава Триединым, потому как сама я бы точно не справилась. Девушки подсказывали, какие вещи лучше покупать, какие ткани более прочные и не расплетутся после первого же неудачного заклинания. И если я сразу же ринулась за небольшим, красивенько блестящим котелком, то девушки всунули мне в руку большой и полностью черный, отлитый из неизвестного мне металла. Какая между ними разница, они не объяснили, лишь хитро улыбнулись и сказали, что сама увижу на первом же занятии. Я только пожалала плечами и пошла оплачивать тот, который дали, решив, что опытным ведьмам виднее. Вообще, девушки во многом мне помогли, сама бы я плутала по рынку несколько часов, а то и целый день. Сложности начались еще со списка. Половина названий были ни мне, ни Ларисе неизвестны. Но Агнес и Пен быстро взяли дело в свои руки, да и меня тоже, чтобы не заблудилась, глаза по сторонам. А посмотреть было на что! Магия чувствовалась в каждой лавке, в каждом уголке рынка. Там что-то бурлит в котле, там ведьма на метле пролетела, там волшебник показывает достоинства своего нового изобретения, да только оно взорвалось и окатило неудачника фонтаном блестящих брызг. Тут тебе выставка элитных зверей, покупай не хочу, тут же можно посмотреть на чудеса магических животных, гораздых на выдумки. В общем, глаза разбегались, а голова болела от желания запомнить все. Одним словом, столичный магический рынок поражал разнообразием и масштабами.

Мы с девушками потратили несколько часов, чтобы купить все необходимое из списка. Книги, котел, набор инструментов, несколько комплектов одежды, метлу и самопишущие писцы. Травы, склянки и бутылочки с разными жидкостями, всевозможные пробирки и колбочки. Чего только не было в том списке! Мои глаза расширялись все больше и больше, а шок становился все сильнее. Это сколько же всего придется изучать!

Да только меня успокаивали, что все это покупается не на один год. Тем же котлом я буду пользоваться и после выпуска, а вот метла всего лишь ученическая, для тренировок, но тоже не на год.

После того как все покупки были оплачены, а доставка оформлена на адрес Академии, мы, уставшие, но безумно довольные, пошли отмечать все это дело в небольшое кафе. И уже там, поедая булочки и запивая их безумно вкусным морсом, я поняла, что обрела в этом мире не только врагов, но и первых подруг. Конечно, Лариса была незаменимой, с ней мы

прошли огонь и воду, но тогда, с девочками, я впервые за долгое время расслабилась. Позволила собственному «я» почувствовать себя на минуточку простой и обычной девчонкой, а не борющейся за жизнь попаданкой. Конечно, уже сегодня утром я снова стала собой, но именно тогда я была безумно благодарна этим двоим за минутки счастья.

— Пен, ты разбудишь Агнессу, — посмеивалась я, — а ей к третьей паре.

— Ну вот, — пробурчала та недовольно. — Кому-то к третьей, а кто-то встает в семь утра. Нет, пусть тоже поднимается!

Агнесса под Пенелопой забавно хрюкнула, а потом принялась безудержно хохотать. Я сразу же догадалась, что в ход пошли извечные пытки: щекотка! Сама я ее переносила нормально, но вот Агнесса уже в судорогах билась от смеха. Выглядело это забавно.

— Прекрати! — сквозь хохот и слезы взмолилась она. — Встаю я, встаю!

— Точно? — подозрительно спросила Пен.

— Да точно, точно, встаю, твоя взяла! — пытаюсь восстановить дыхание, прохрипела моя соседка.

— Ну и славно. — Пенелопа соскочила с кровати и, походив по комнате, заключила: — А у вас тут миленько. Не то что у меня...

У Пенелопы соседка увлекалась некромантией, а потому половина ее комнаты была полностью черной. Об этом мы узнали еще вчера, когда Пен жаловалась на свою соседку, которая в очередной раз приволокла откуда-то череп, перепугав ведьмочку до заикания. И сколько бы Пенелопа с ней ни ругалась, помогало это максимум недели на две, потом в их комнате появлялись новые кости.

— Да ладно, обычно у нас, — пробурчала Сара.

Она, как самая любопытная из нас, знала, какие у кого комнаты — в свое время побывала во всех, летая бестелесным духом. Не сказать, что остальные ведьмы были этим довольны, но поделать ничего не могли: вредить чужому фамильяру опасно, ведьмы за своих порвать готовы. А уж когда весь факультет узнал о стычке в столовой, меня приняли как героиню и пообещали противной магине всячески отомстить. Особенно пакостно улыбались старшекурсницы. Мне даже стало жаль Валерию. Тем более что письмо с извинениями она все же написала. Сухими и совершенно неискренними фразами, но это не так важно. Главное, что оно лежало под дверью уже на следующее утро. Я улыбалась, представляя, как магичка злилась и какой уязвленной себя чувствовала, выводя эти строки писцом.

— Так, вы тут пока разбирайтесь, а я побежала, не хочу опоздать на вводную. Лариса, веди себя хорошо! — предупредила я, видя, как та хитро блеснула глазами, косясь на Сару.

— А что я-то? — делано возмутилась арка.

— Я тебя знаю, — пригрозила ей пальцем. — Все, всем до вечера.

— Удачи! — крикнули мне вслед ведьмочки.

Животных на лекции брать запрещено, а потому Ларисе предстояло целый день провести в одиночестве. Мне же надо было поспешить, если я не хотела опоздать на первую лекцию. По расписанию сейчас стояла пара с завлекательным названием «Вводная». И было совсем не трудно догадаться, о чем именно нам будут рассказывать.

— Смотри, куда несешься! — грубо толкнули меня в бок, когда я пробегала мимо компании весело переговаривавшихся студентов.

Парня я узнала сразу, один из прихлебателей Леры, вчера он так же хохотал, слушая задиру. А сегодня, похоже, решил поквитаться за оскорбленную подругу. К величайшему сожалению, я спешила, а потому времени на перепалку не имела. Решив, что лучше

извиниться и побежать дальше, я уже приготовилась это сделать, как сзади послышался голос. И лучше бы обладатель этого голоса прошел мимо, но нет, надо было ему вмешаться...

— Надо ей нос сломать, глядишь, поумнее будет, — ехидно раздалось сзади. — И осторожнее.

Я быстро обернулась. Эрика я узнаю теперь из тысячи, но все же еще раз удостоверилась, что таки да, позади меня стояла именно эта наглая морда. И эта самая морда ехидно скалилась, перекрывая мне все пути к отступлению и прекрасно это понимая. Черт! Черт-черт-черт! Вот только его мстительных поползновений мне до полного счастья не хватало. Да, с одним я на эмоциях справилась, но, будучи реалисткой, понимала, что против компании парней — три хама и одна наглая морда — мне не выстоять.

— Неужели уважаемые миссы опустятся до подобного? Нападать на беззащитную мисси? Неблагородно.

Душа ушла в пятки, да там и осталась, трясаясь от страха. Но внешне я была спокойной и отчасти высокомерной. По крайней мере, мне хотелось верить, что парни видят меня именно так. Не хотелось терять лицо даже в такой ситуации.

— Ты не мисси, а дрянь! — выкрикнул Эрик, сжимая кулаки.

Я даже встрепенулась, таким озлобленным выглядел парень. Его глаза полыхали ненавистью, граничившей с безумием. Стало страшно. По-настоящему страшно за себя и за свою жизнь. Мало ли что ему придет в голову, а потом скажет — стресс, сама довела меня, такого белого и пушистого. А я его не трогала даже. Сегодня...

— Поосторожней со словами, — прищурившись, пригрозила. — Ты разговариваешь с герцогиней.

— Ты, рыночная хабалка, только позоришь древний род! Я уверен, твоя родня была бы нам благодарна, избавь мы ее от такого груза!

Тут я, конечно, не могла возразить, потому как и сама не была уверена в том, как бы отреагировали мои родственнички. Хотя Дамина бы повеселилась, да. Этой женщине я мешала, как застрявшая в горле кость. И мне непонятно, почему... Жаль, что воспоминания прошлого тела не сохранились. Это бы мне очень помогло.

— Ты кто, вообще? — наконец-то отмерли остальные.

Странно, я думала, они знакомы. А оказывается вот оно как.

— Эрик Клэптон, — представился гад, — хороший знакомый этой «леди».

При последних словах он выразительно сморщил свой курносый, обсыпанный веснушками нос, как бы показывая, где он видал таких леди. В гробу. Куда я тебя лично затолкаю, гад рыжий!

— Родственник Вилла?

— Младший брат, — подтвердил Эрик. Кн иго ед . нет

Мне их разговор мало о чем говорил, кто такой Вилл, я не знала. Но вот парни просияли и с радушием приняли нового члена в клуб идиотов.

— Мальчики, я рада, что вы наконец-то нашли друг друга, но все же я спешу, — ситуация начала меня раздражать. — Давайте выясним отношения в другой раз?

Я развернулась — юбка, взметнувшись цветком, обвила мои ноги — и попыталась пройти сквозь преграду в виде мужчин. Протиснуться сквозь щелочку между могучими плечами мне не удалось, тем более что парни, издевательски ухмыляясь, встали плотнее друг к другу. И без того маленькая надежда на благополучное разрешение конфликта медленно таяла прямо на глазах.

— Стоять! Мы не разрешали тебе уходить! — произнес тот самый, главный из троицы — друг Валерии.

— А мне и не нужно ваше разрешение! — я вышла из себя.

Нет, ну вот достали! Я и так на пару опаздываю, а тут еще они! Что за Академия такая где через одного урод? Говорила мне мама: это не ты злая, это люди недалекие. Права была во всем. Обычно я тихая девочка, бизнес-леди, спокойная и уравновешенная. А тут за два дня... Ссоры, проникновение на территорию Академии и на экзамен, драка... И, похоже, сейчас будет еще одна, а за ней выволочка от преподавателя, кстати, все еще неизвестного, за пропуск занятия. Ну прям целый букет. А ведь уже висит одно наказание, второе получать ох как не хочется!

Я руками и плечами растолкала парней, которые явно не ожидали такой наглости. Да только далеко уйти мне не удалось, меня резко схватили за руку и потянули назад.

— Стоять! Куда же ты, милая, а поиграть? — сзади послышался хохот.

Знаете, как смеются гиены, когда загоняют добычу? Стаей издевательски хихикают над бедной жертвой, покусывая ее за бока. Вот и я ощутила себя той самой жертвой. Меня с силой тащили обратно, один из парней даже пнул меня по голени. От резкой пронизывающей боли ноги подкосились, и я рухнула. Послышался хруст. Это сломалась моя кисть. Слезы брызнули из глаз, боль была адской, я вскрикнула, но мне тут же зажали рот рукой. Боги, и это все из-за жалкой ссоры в столовой?

— Парни, это слишком... — неуверенно произнес один из сволочей.

Он стоял отдельно, глядя на нас с ужасом. Пока остальные трое держали меня, кто за волосы, кто за сломанную руку, а кто просто зажимал рот. Боль давила сознание, но я пыталась удержать его силой воли. О нет, я не доставлю им этого удовольствия!

— Заткнись, Милсон! — огрызнулся главарь, сильнее сжимая мою сломанную кисть, отчего я вскрикнула еще раз. — Хочешь — вали! Жалкий слизняк!

— Вы как знаете, а я на это не подписывался! Она говорила о запугивании! Вы зашли слишком далеко! — Тот, кого назвали Милсоном, развернулся, бросив на меня взгляд, полный сожаления, и ушел быстрым шагом.

Конечно, если он думал о том, что это его спасет, он очень ошибался. Я найду каждую из этих мразей и лично уничтожу, просто нужно время.

— Уже не такая дерзкая, да, девка? — прошипел мне прямо в лицо Эрик, обдав дыханием. Несвежим.

Я бы плюнула в его наглую рожу, да только рот мне все еще зажимали, не давая даже сделать нормальный вздох. Всколыхнувшаяся злость чуть-чуть отрезвила, не давая потерять сознание. Я с ненавистью посмотрела в глаза этому уроду. Он, не ожидая такого, отпрянул, а потом, разозлившись, наверное, на самого себя за слабохарактерность, замахнулся и вlepил мне пощечину. Голова мотнулась в сторону. Парень, зажимавший мой рот, посмотрел на Эрика недовольно: его руку тоже задел. Самое удивительное, что они не боялись встретить кого-то посреди длинного коридора основного здания, где меня перехватили. Пара уже началась, и все разошлись по кабинетам. А за час можно многое сделать...

— А будешь рыпаться... — мерзким шепотом продолжил Эрик, нежно поглаживая меня по щеке, которую сам же только что ударил, — мы покажем тебе, кто главный!

Я с ужасом осознала, что именно он имел в виду. О боги, они же не опустятся до изнасилования? Но, судя по довольным, мерзким, скалящимся ухмылкам, могут! Могут, и еще как... Я трепыхалась на инстинктах, со страхом глядя на возбужденно полыхавшие глаза

рыжей мрази.

— Вы посмотрите, парни, ей, похоже, нравится! Девочка не против порезвиться!

Остальные поддержали его гнусным хохотом. Жутко и противно, а еще невероятно страшно, до ужаса, до холодеющей в жилах крови.

— Давайте, тащите ее в нишу! Поиграем! — мерзко хохоча, приказал Эрик.

Парни беспрекословно кинулись исполнять его приказ, даже ни секунды не раздумывая. Меня подняли и затащили в нишу, скрытую от прохожих тяжелой портьерой с неизвестными мне символами. Я вырывалась, лягалась, словно дикая кобыла, да только без толку. Куда мне, маленькой и хрупкой, против этих огромных бугаев? Вопреки моему желанию быть сильной, из глаз полились слезы. Не хочу! Только не это! Так жутко мне не было даже в логове у полуразложившегося монстра.

— Плачь, скоро ты будешь рыдать от удовольствия, — похлопав меня по щеке, с ухмылкой пообещал бывший главарь.

Третий парень отмалчивался, но и в его азартно блестящих глазах я увидела задор охотника, во всем согласного со своими товарищами по мерзкому делу. Руки Эрика тем временем рванули на груди ученическое платье. Раздался треск ткани. Парни подбадривали главного задиру веселым гиканьем. Я кое-как вывернувшись и зарядила Эрику пяткой в нос, надеясь на очередной перелом. К сожалению, все, чего мне удалось достичь, это еще больше разозлить рыжего. Он не стал меня бить, как в прошлый раз. Его глазенки зло прищурились, взгляд ощупал мое тело и остановился на переломанной руке. Парень усмехнулся и надавил каблуком сапога на больную конечность. Я взвыла.

— Ну что, мразь, будешь еще сопротивляться? — прошипел он, еще сильнее вдавливая каблук. Я замотала головой, согласная на все, лишь бы острая, пронзающая тело и разум боль отступила. — Ты же хорошая девочка, Виола? Послушная? — почти ласково спросил Эрик, похабно осматривая меня.

А меня всколыхнуло от знакомого обращения — так ко мне обращалась только мачеха, остальные использовали ласковое «Летта». Вот уж точно, у мразей мысли сходятся!

В отличие от Эрика, двое оставшихся парней, чьих имен я не знала, не были настроены на игры. Они нетерпеливо ерзали, а когда их терпение иссякло, руками принялись шарить по моему телу. Меня передернуло от отвращения и осознания того, что именно сейчас произойдет. В душе поднялась волна гнева. Даже в лесу я не жалела себя, упрямо идя вперед, но этого я не переживу, сама наложу на себя руки. Слезы текли из глаз, ногти больно впились в ладонь здоровой руки, оставляя кровавые лунки.

Нет!

Не хочу!

Не так, не здесь, не с ними!

Да только парням были безразличны мои желания. В их глазах читалось переполнявшее их возбуждение, граничившее с чистейшим безумием. Эрик неистово рвал мое платье, мерзко хохоча. Когда от того остались только лоскутки, он принялся за чулки. Думать о том, что последует дальше, не хотелось. Откуда-то из глубин моего сознания вспыхнула мысль о магии и тут же погасла. Я ничего о ней не знала, да и мало что могла противопоставить потомственному магу и старшекурсникам.

Послышался звук рвущегося шелка. Мерзкий, тягучий, уничтожающий мою последнюю надежду на спасение, помощь, на пощаду. Хоть на что-то! Да только боги этого мира не были моими богами, помогать мне они отказывались.

— А наша детка шалунишка! — с восторгом произнес Эрик, разглядывая меня.

Черт дернул меня именно сегодня надеть черное кружевное белье. Хотелось ощущать себя на все сто, круче любой из ведьм и магинь. А что поднимает это, как ни красивый внешний вид? Гребаное белье, гребаный день, гребаная Академия! Гребаный мир!

Хотелось огрызнуться, что никакая я не детка и уж тем более не их, но горло сжал спазм. Все, что я могла, это беспомощно скулить и надеяться на спасение. Да только и его ждать не от кого.

Ощущение противных потных рук на теле. Каждое касание — как удар по моей адекватности. Я уже не понимала, кто я, где и что происходит. Не хотела верить в происходящее...

Все произошло неожиданно. Я готовилась к худшему, сжимая руку в кулак и прикусив губу. Во рту стоял тяжелый металлический привкус крови. Эрик, подбадриваемый подпеваками, тянулся к собственному ремню, я зажмурила глаза. В душе образовался комок, ни вытолкнуть, ни протолкнуть... Парни сильнее сжимали мои руки, чтобы не вырывалась, Я вскрикнула, распахнула глаза, и следующее, что увидела, это как от моего тела кругом расходится ревущее ярко-алое пламя. Ком в душе пропал, как будто его и не было, появилось чувство легкости и свободы. Я даже могла шевелиться. Парни, видимо, не сразу поняли, что происходит. Старшекурсники даже толком щит не выставили, или не знаю, что это было такое белесое перед ними. Волна огня смяла их за несколько секунд. Эрик успел отскочить от меня, позорно взвизгнув, кое-как подобрав штаны, он бегом пустился по коридору без оглядки. Я прекрасно видела, как он упал, запутавшись в брюках, но он все равно двигался вперед, хоть уже и ползком.

Через мгновение рядом со мной вспыхнули две световые воронки — порталы, я уже видела подобные, такими пользовался отец. Одна черная, вторая переливалась всеми цветами радуги, они сразу же перехватили мое внимание.

Из черного портала вышла уже знакомая мне ведьма. Она явно злилась: судя по тому, как ее руки сжимались вокруг книги, которую она держала, ее оторвали от чего-то очень важного. Но стоило ей увидеть меня — и на ее лице тут же проступил ужас. Из яркого портала вывалился директор. Георг сделал несколько шагов вперед и остановился прямо возле меня. Непонимающе осмотрелся, как будто не очень осознавал, что приключилось.

— Что здесь происходит? — нахмурившись, строго спросил, глядя почему-то исключительно на меня.

Кто бы мне ответил на этот вопрос. Мне тоже было интересно, что происходит. Как они здесь оказались, почему именно эти двое и, самое главное, почему не раньше. Да только вряд ли кто-то ответит мне хотя бы на один из этих вопросов. Скорее, вытрясут все ответы из меня, судя по сжатым губам Георга.

— Троединые! — воскликнула ведьма, привлекая внимания директора. Он удивленно посмотрел на нее, как будто только заметил. — Отстань от девочки, Георг! Ты не видишь, у нее шок?!

У меня шок? Да, может быть... Это бы объяснило, почему я вижу мир словно через плохо отмытое стекло. Все как в тумане и двоится, а голоса доносятся с эхом, чуть заторможено, будто проходят через какую-то преграду.

— Это был выброс чистой магии, Люсинда, еще бы у нее не было шока! И насколько ты знаешь, это запрещено законом! Нам повезло, что он был мелким, иначе разнесло бы всю Академию! — зло прошел блондин.

Какой выброс, какой магии?! Боги, о чем они говорят? Когда я успела нарушить закон? Какой закон, а главное, что мне за это будет, какое наказание меня ждет? Мысли путались, голова была тяжелой, будто ее зажали в тиски и тянут вниз, к земле. Лишь усилием воли я держала сознание: разговор был более чем важным — два мага обсуждали мою жизнь.

— Георг, осмотрись! Посмотри на нее! На ведьмочку покушались! Она защищалась, как могла! От твоих студентов! Опять! Сколько это будет продолжаться?! — негодовала женщина.

— О да, я вижу только два тела, Люсинда! Два мертвых тела! — припечатал маг. — И неизвестно, что здесь произошло, не надо строить поспешных теорий.

О каких телах он говорит? Те два старшекурсника... Они мертвы. О ужас! Я убила их. Нет, я этого хотела, они заслуживали такой участи, но не мне было вершить их судьбу. Какой кошмар, меня посадят в тюрьму! У них ведь есть тюрьма? Или сразу смерть?.. Что они вообще делают с преступниками?

Мысли скакали, я не могла сосредоточиться на главном. Ведь, судя по словам ведьмы, это не первое такое происшествие в стенах Академии.

— В любом случае я этого так не оставлю! Я не дам вам, магам, снова прикрыть это дело! Я сама вызову дознавателей, — мужчина хотел ей возразить, но она не дала ему даже начать. — И не смей мне перечить, мальчишка!

Женщина глянула на него так, что Георг действительно предпочел замолчать, опасаясь... чего-то. Не знаю, может ли директор Академии опасаться своих подчиненных, но вот мужчину явно волновали слова Люсинды — вроде бы так он назвал ведьму. Она покинула некогда уютную нишу. И я только сейчас заметила отсутствие тряпки, закрывавшей вход в нее. И стены — все в копоти... А в углу — ужас! — два обгорелых тела. Все, что осталось от недавних насильников. Видимо, туда их отбросила сила удара от столкновения моего огня с их щитами.

— Не смотри, — строго потребовал Георг. — Ни к чему это молодой девушке.

— Я... Я...

Хотелось что-то сказать, как-то оправдаться, ведь, по сути, это было самозащитой. Конечно, виновата, но я защищала себя и свою честь. Да только сказать что-то не получалось. Из горла вырвался хрип, я закашлялась, хватаясь за грудь. Жжется. Как будто раскаленного песка в рот насыпали и заставляют проглотить.

— Тише-тише, не напрягайся, не хватало еще одного студента потерять, — с волнением произнес Георг. — Я удивлен, что ты еще в сознании, крепкий орешек. Я вызову твоего отца, не беспокойся. Дознаватели вряд ли решатся на чтение дочери мисса Лионеля.

Дознаватели... Вероятно, что-то вроде наших правоохранительных органов. С ними я не сталкивалась, да и в книгах, которые читала, о них не было сказано ни слова. Мысль о встрече с отцом приободрила. Его я не видела около месяца и, несмотря на нашу размолвку и мою обиду, верила, что в беде он меня не бросит. Родная кровь, единственная дочь. Интересно, как он отреагировал на мое обучение в Академии? Ведь планировалось, что я поступлю совершенно в другое место...

— Где носит этих лекарей?! Вечно у них какие-то проблемы... Поуваженье всех, к Ромирану!

— Чего ты так кричишь? — спросила Люсинда, заглядывая к нам. — Бегут они, вон, бегут. Дознавателей я вызвала. Преподаватели разводят учеников по общежитиям, пары на сегодня отменены. Неизвестно, во что выльется импульс, не хочется рисковать.

— Спасибо, — устало потер лицо Георг. — Что бы я без тебя делал?

Вопрос был, конечно, риторическим, но ведьма все равно усмехнулась и ответила, лукаво сверкая глазами:

— Давно бы сошел с ума.

— Это точно... Вызови Этьена, пожалуйста, и отправь вестник первому советнику императора.

— Зачем? — удивленно спросила ведьма. — Сомневаюсь, что стоит докладывать об этом императору. Выброс был маленьким, с последствиями справимся сами.

— Он отец... пострадавшей.

— О! — ведьма оценивающе прошлась по мне взглядом. — Точно, припоминаю, было что-то такое на вступительных, но я думала, это шутка...

— Какие уж тут шутки... Когда он узнает... Даже думать не хочу.

Георг замолчал, а в маленькую нишу ворвалось сразу несколько людей в белом — лекари. Стало тесно, меня, лежавшую на полу, чуть не затоптали. Георгу пришлось прикрикнуть на нервничавших мужчин, чтобы взяли себя в руки. Я не понимала, почему они вели себя так непрофессионально, но было похоже, что мужчины... боялись? На меня они поглядывали со страхом, некоторые вообще старались не смотреть в мою сторону, как будто я прокаженная. И, несмотря на горькую правду, я сразу же осознала, что теперь для всех на мне висит клеймо преступницы. Убийцы.

— Девушку в отдельную палату! Ее саму в кокон! И чтобы волосок с нее не упал! — отдавал распоряжения директор. — Этьен, выстави возле ее палаты охрану, кого-то из старших, желательно лучших на курсе.

— Понял, — кивнул тот. — Уже вызвал.

Меня погрузили на носилки. Странно, но я не чувствовала своего тела и относилась к этому вполне спокойно. Как безэмоциональная кукла. Где истерика, где крики и попытки оправданий? Вместо этого — пугавшая холодная пустота в душе. Просто оболочка, способность управлять которой я потеряла вместе с горевшим внутри меня пламенем. Это было страшно, но почему-то чем больше я думала, тем безразличней становилась. Даже любопытство, ради удовлетворения которого я все еще находилась в сознании, уже не так сильно меня разбирало.

— Когда придет ее отец, направьте его в мой кабинет. Я объясню ему ситуацию. И убрались все с места преступления! Не трогать здесь ничего до прибытия дознавателей, ради Триединых! Не хватало еще затоптать все следы!

Вокруг нас и вправду собралась толпа. Я бы усмехнулась этой странной закономерности — где я, там всегда тьма народу, особенно последние пару дней — но мне было все равно. Пусть глазают, не жалко. А посмотреть пришли лекари в белых одеждах, преподаватели, судя по серьезным лицам, краем глаза я видела еще одну ведьму в черном ученическом платье. Молодая ведьмочка грустно смотрела на меня. Даже ее улыбка была какой-то печальной. Во мне всколыхнулось чувство жалости к этой девушке, хотя она явно жалела меня, сочувствовала, как никто другой из присутствующих. Она меня... понимала?

Эти эмоции забрали мои последние силы...

А может, все дело было в протянутой руке, которой я хотела дотянуться до нее, получить ее поддержку и дать ей свою. Вот только тяжесть навалилась на меня с удвоенной силой. Мир постепенно стал чернеть, сознание уплывало.

Я погрузилась в спасительный обморок.

Не люди говорят, кто ты есть.

Ты говоришь им.

Сирена ван дер Вудсен «Сплетница»

В больничном домике я провела неделю. Долгую и совершенно выматывающую как физически, так и морально. Я не помню, что было после того, как меня забрали лекари — потеряла сознание. Как оказалось, меня на три дня погрузили в лечебный кокон. Как сказала мисса Алесандра — главная целительница — кокон приводил в норму не только физическое состояние, но и душевное. А после попытки изнасилования и выброса магии мне это требовалось как никогда ранее. Да, дознаватели, вызванные Академией, разобрались в ситуации. Как — неизвестно, но факт остается фактом, все виновные были найдены. Даже того паренька, который отказался участвовать в безобразии, нашли и приведут на суд через месяц, когда все обстоятельства дела будут выяснены. Что же касается Эрика... Там все сложно. Мой огонь таки его задел, у парня была обожжена вся правая сторона тела. Его семья оказалась чуть менее влиятельней нашей, и они требовали смягчить наказание, ведь их бедный парниша так пострадал, так пострадал! А то, что он гад и сволочь — неважно, ведь его раны оказались неизлечимы. Увечья, нанесенные чистой магией, лекарским рукам не поддавались. Парень на всю жизнь останется уродом. Я, честно сказать, порадовалась, пусть это и было неправильно. Но каждый получает по заслугам!

Обо всем этом мне рассказал директор, пришедший сразу же после того, как я очнулась. Не сказать, что я была очень рада такой встрече, его поведение меня напрягало, и я все еще помнила о том, как он обвинял меня там, в нише. Да, он извинился. Не глядя мне в глаза — наверное, ему было стыдно за свое поведение и за поведение учеников. Напасть на герцогиню! И где? В Академии, в одном из самых защищенных мест страны! Нонсенс! Да только, несмотря на все его слова, легче мне не стало. Его извинения выглядели неискренними. Единственная радостная новость, которую принес Георг, это вести о моем отце. Тот уже был в Академии, переместился сразу, как ему сообщили о произошедшем. У него состоялся серьезный разговор как с дознавателями, так и с Георгом, теперь же он хотел поговорить со мной. Но прошла неделя, а отца я так и не увидела. Возможно, он навестит меня после выписки, но надежда на это была слабой.

Ко мне несколько раз пытались проникнуть студенты. Неугомонные и любопытные, они прознали о случившемся и хотели со мной познакомиться. Из всех пропустили только мою соседку — Агнессу. Но и та пробыла у меня недолго, разревелась и поспешила уйти. В чем-то я ее понимала, выглядела я жалко, а потому окликать не стала и позволила ретироваться, не прощаясь. Лариса навевалась ко мне каждый день, тайно проникая через окно, которое обычно вечером оставляли открытым. Она очень долго ругалась, кричала и грозилась поквитаться с моими обидчиками. По крайней мере, с теми, кто остался в живых... С дознавателем по этому поводу у нас состоялся очень серьезный разговор, открывший мне невероятные сведения о произошедшем.

Немолодой мужчина вошел в палату вскоре после Георга. Его добрая улыбка не могла скрыть цепкий взгляд и уверенность в движениях. Меня не обманули его сладкие речи о том, как ему жаль, и я сразу поняла, что передо мной представитель дознавателей. Я уже многое о них знала. Служба подчиняется непосредственно императору, точнее — наследнику, и

имеет самые широкие полномочия. Дознаватели считались лучшими из лучших. Им доверяли, их уважали и боялись. Как сказала мисса Алесандра, скрыть от них правду удавалось малому количеству людей. Да и те были потом найдены и казнены. Я не желала жалости, не верила его словам, а потому сразу же перешла к делу. Да, пусть и прикованная к больничной койке — двигаться я все еще не могла, но я лежи и остаюсь ей в любом виде.

— Давайте перейдем сразу к делу, — перебила я его сочувственные речи. — Ни вы, ни я не хотим тратить время.

— Конечно, мисси Ди Крейн, как пожелаете, — не растерялся он. Но в его взгляде я уловила удивление. Всего на секунду, но он явно не ожидал такого от перенервничавшей напуганной девчонки.

— А вы...

— Мисс Теодор Вурфрик, лежи. Дознаватель третьей ступени, — представился мужчина, правильно поняв, чего я хочу.

Всего ступеней было семь, насколько мне известно. И самая высокая — первая — присуждалась только магам за какие-то невероятные заслуги перед империей. Всего в нашей стране таких магов было пятеро. И встречаться с ними мало кто горел желанием. Так что я прониклась — меня поручили важному человеку. Хотя по нему и не скажешь, он совсем не выглядел представительным. Темно-зеленый костюм-тройка на его полноватой фигуре смотрелся несуразно, темно-рыжие волосы были зачесаны назад, явно в попытках скрыть проплешину, а маленькая борода выглядела откровенно нелепо, словно козлиная. Весь его вид прямо-таки кричал о том, что Теодор старался вырядиться как можно лучше, но получалось это не слишком удачно. И совсем не вязалось с его должностью.

— Приятно познакомиться, мисс Вурфрик. Итак, чем обязана?

— Как вы знаете, — начал издала мужчина, неуверенно поглядывая на меня, — за применение чистой магии полагается наказание. В зависимости от ситуации это либо лишение магических сил путем запечатывания, либо смертная казнь.

— Нет, я не знала, — вынуждена была признать я. — С магией я столкнулась совсем недавно, лишь при поступлении. До этого считалось, что сил я не имею. Я, к сожалению, совсем мало знаю об этом, но понимаю также, что это не освобождает меня от ответственности.

Информация повергла меня в шок. Я не готова была потерять новообретенные способности, это угнетало. Конечно, был еще и другой вариант — смерть... Но все мы понимали, что я — герцогиня — не могу быть наказана так жестоко из-за сложившейся ситуации.

— О, дорогая, не стоит так нервничать. Я вам все объясню, ваша ситуация, она... немного другая, — наконец, подобрал дознаватель нужную формулировку. Или, точнее сказать, более щадящую? — Понимаете, чистые магические выбросы запрещены, потому как даже в малых количествах имеют последствия. Это может обернуться природной катастрофой, к примеру, землетрясением или тайфуном — бывали прецеденты. А может вылиться в призыв демона или другой нечестивой сущности. Каждый раз это что-то новое. Но наши маги давно научились справляться с последствиями, мы предугадываем результат в зависимости от силы выброса. Только вот, в вашем случае, дорогая, последствий не было! Это удивительно! Обычно мы наблюдаем негативный эффект выброса буквально через пару часов, но в вашем случае... Прошла неделя, мисси Ди Крейн.

— Я не совсем понимаю...

Вначале я испугалась. Неужели все дело в моей иномирности? Они ведь не могут узнать мою тайну только лишь по одному этому, верно? Да, я отличаюсь от других, пусть в такой малости, но отличие явно заметное. Но как надо извернуться, чтобы притянуть к этому мою особенность? Постепенно я расслабилась, поняв, что с этой стороны мне ничего не грозит, я все еще Виолетта Ди Крейн. Только вот причины радости Теодора были мне непонятны. Видимо, сомнения проступили все же на моем лице, потому как дознаватель встрепнулся и поспешно заговорил:

— О, все просто! Вас не будут наказывать, ведь последствий не было, но император... Понимаете, чистая магия — это ни с чем не сравнимая мощь! Да, ее могут применить все, но каждый из нас станет причиной ужасающих событий. Только отступники решаются на подобное. Но в вашем случае... Император хочет... нет, он требует, чтобы вы еще раз применили чистую магию. На этот раз под руководством Совета, естественно. Если последствий снова не будет, император настаивает, чтобы вы обуздали эту силу во благо империи.

Я вспомнила, как плохо мне было после применения этой магии. Как отвратительно я чувствую себя до сих пор... Каждая клеточка моего тела все еще болела, я не могла пошевелиться, самостоятельно есть и ходить в туалет. А они хотят, чтобы я опять сама пропустила себя через эту мясорубку.

— Я могу отказаться?

— Мисси, императорам не отказывают, — с усмешкой произнес дознаватель.

Я сразу поняла: выбора мне не оставили. И поняла, что послали Тео специально. Мягко и ненавязчиво он преподнес эту новость как шанс, да только я понимала, что это наказание. Мое личное наказание. Которое непременно загонит меня в могилу.

— Хорошо, я подумаю.

— Вам дадут месяц на восстановление, после этого вас будут ждать в Совете. Всего доброго, мисси. До встречи.

— Прощайте, — встречаться еще раз с дознавателем в мои планы точно не входило. Он заметил это, но лишь тонко улыбнулся.

Я наблюдала, как за дознавателем третьей ступени Теодором Вурфриком закрывалась дверь. Наш короткий разговор надолго поселил смятение в моей душе.

***

Прошла неделя, я все еще не могла его забыть, точнее, не могла забыть известия, которые он мне принес. Интересно, знают ли об этом Георг и папа?

— Дорогая, как ты себя чувствуешь? — в палату заглянула мисса Алесандра, отвлекая меня от грустных воспоминаний.

— Уже лучше, спасибо. По крайней мере, у меня нет ощущения, что еще немного — и мое тело рассыплется прахом, — пошутила я.

— Славно! — воодушевилась лекарь.

Все это время она лично следила за моим состоянием, не подпуская ко мне других врачей, за что я была ей глубоко признательна. Она не лезла ко мне с расспросами, и это было главным плюсом леди Алесандры, помимо ее невероятных талантов: целительница поставила меня на ноги всего за неделю.

— Сейчас проведем диагностику, проверим твое состояние и, может быть, даже выпишем тебя.

Новости были более чем прекрасными. Всю эту неделю я провела неподвижно. Сама

вставала лишь пару раз под внимательным наблюдением Алесандры, которая в такие моменты боялась за меня даже больше, чем я сама. Женщина была на удивление нежной и сострадательной особой. И я уверена, в молодости за ней толпами бегали ухажеры, даже несмотря на большой нос картошкой и лопухость.

— Полежи спокойно, милая, постарайся не двигаться.

Меня мягко заключили в объятия светло-зеленые сверкающие нити. Я такие уже видела, потому не испугалась, в отличие от первого раза — уж очень они походили на змей. Но леди не переставала шутить по этому поводу, вспоминая мои прошлые попытки вырваться из цепкой хватки зеленых лент. Когда магия полностью облепила мое тело, заключив в плотный кокон, главная целительница заскользила по нему руками, особое внимание уделив области груди. Там потихоньку восстанавливалась магия.

— Ну вот и все, — сверкающий кокон распался на тысячи мелких светлячков, которые постепенно гасли один за одним. — Твое тело полностью в порядке, думаю, тебя можно отпускать. Только, милая, я очень тебя прошу: еще неделю не перенапрягайся! А также не забывай пить тоники!

Вспомнив противную жидкость, я сразу же скривилась, что не укрылось от лекаря.

— Не кривись так. От них зависит, как быстро твоя магия восстановится! Ты же сейчас слабее котенка! — возмутилась женщина, грозя мне пальцем.

— Я понимаю это, — кивнула я и поспешила перевести тему: — Когда я смогу покинуть лазарет?

— Ты свободна. Правда, тебя кое-кто хотел навестить... Думаю, прежде ты захочешь с ним побеседовать, — лукаво улыбнулась Алесандра. — Я приглашу его, подожди пару минут.

Женщина вышла из палаты, аккуратно придерживая дверь, чтобы та не хлопнула. Я же гадала, кто может меня навестить, да еще и мужского пола... Знакомых в этом мире у меня было немного, а уж таких, чтобы хотеть с ними встречи, и вовсе по пальцам одной руки пересчитать можно.

Дверь в палату скрипнула, вырывая меня из размышлений. Да, с этим человеком я действительно хотела встретиться.

— Здравствуй, папа.

— Летта, — поприветствовал отец.

Он выглядел совершенно расслабленным, что, по-моему, немного не соответствовало ситуации. Постарел. Прошел всего месяц, а седых волос у него прибавилось. Да и весь его вид был каким-то уставшим, словно он соизволил навестить меня после тяжелого изнуряющего дня. Хотя, возможно, так оно и было. Лионель всегда работал больше нужного. Все во благо империи. Настоящий патриот, любящий своего императора и свою страну.

— Я не ожидала тебя... сегодня.

Да, еще неделю назад я бы приняла его с радостью. Как настоящий отец, любящий свою дочь, он должен был приехать сразу же после происшествия. И, конечно же, навестить меня, а не директора Фейербаха. Но Лионеля мои слова не задели; даже несмотря на мое недовольство, он спокойно прошел к кровати и сел на стул, поставленный рядом для гостей и миссы Алесандры.

— Летта, — недовольно поморщился отец, — ты же понимаешь.

Я понимала. Как взрослый человек, я его прекрасно понимала. Работа — это не так-то просто, с нее не уйдешь, ее не бросишь, и иногда приходится чем-то жертвовать ради нее.

Обычно это семья. То же самое было и со мной в моем мире. Но не может же он ожидать таких разумных мыслей от ребенка, которым все считали Виолетту? В самом деле, это глупо. В сложившейся ситуации мне не нужны были доктора и медицинская помощь так, как нужен был отец, способный защитить и разобраться со всеми проблемами. Твердое плечо, на которое можно опереться, и широкая спина, за которой можно спрятаться от всех бед мира. Но все, что я получила, это равнодушие и «ты же понимаешь».

— Я пришел обсудить с тобой сложившуюся ситуацию, — вновь поморщился отец, явно недовольный всем. И этим разговором в том числе.

А я сразу поняла, что наша беседа будет не из легких, и приготовилась отстаивать свои позиции и защищаться. Неизвестно пока от чего, но в том, что это понадобится, я не сомневалась.

— Я, признаться, очень удивлен видеть тебя здесь. Еще в детстве нам с твоей мамой сказали, что ты простой человек. Мы и не надеялись, Амелия тоже не обладала даже крупицей таланта. А сейчас ты здесь... Ведьма, — скривился Лионель. — Да еще и убийца. Нам очень повезло, что император заинтересовался тобой. Обычно он не так... щедр к отступникам.

— Я не думаю, что... — попыталась я вставить хоть слово в его непрерывный монолог.

— Не перебивай! Ты и так уже натворила дел, так что будь добра, сиди и слушай!

И так обидно стало — будто бы я во всем виновата. Сама на изнасилование нарывалась, сама себя к больничной койке привязала, и многое другое тоже сама.

— В конце месяца будет разбирательство по твоему делу, — меж тем продолжил Лионель. Отцом его теперь я вряд ли смогу назвать. — Дознавателям удалось выяснить интересные подробности. Из всех мы смогли допросить только Милсона, но тот мало что знал. Его попросили ребята-однокурсники припугнуть тебя, всего лишь невинная шутка. Вроде как по просьбе женщины, ее имени нам, увы, выяснить не удалось. Единственных людей, которые знали все от и до, ты убила, дорогая. Все ниточки оборвались, доказать что-то мы не в силах.

— А Эрик? Эрик Клэптон.

— Он случайный свидетель, который решил немного поучаствовать.

Немного, да, как же. Именно от него исходила инициатива. Сомневаюсь, конечно, что теперь можно что-то доказать, в этом Лионель прав.

— Виолетта, мы с Даминой хотим, чтобы ты забрала документы из этой Академии и перешла в институт, куда ты и должна была поступить изначально.

— Что? Нет!

Вот откуда ноги растут! Чертова мачеха, что ж ей спокойно-то не живется? И тут мне надо жизнь испоганить! Магия — единственный нормальный шанс выбиться в люди и самостоятельно принимать решения в этой жизни, не завися ни от отца, ни от мужа. Маги, ведьмы и метаморфы — отдельные касты, им указ только император, остальные ходят лесом — это я уже давно поняла. И сейчас лишиться себя этого шанса добровольно? Ну уж нет!

— Виолетта!

— Нет, даже разговаривать об этом не будем! Тем более император... Как я должна буду выполнять его приказы, не владея даже основами?

— С Теодором можно договориться, он не станет мне отказывать, — отмахнулся первый советник. — Думаю, он разрешит тебе обучаться магии в обход Академии, подберем тебе домашних учителей. Подумай, это отличный шанс!

— Нет! — твердо произнесла я, не готовая отступить.

— Глупая девчонка! — вспыхнул мужчина. Он вскочил, стул, на котором он сидел, с грохотом повалился на пол. — Одумайся! С этой Академией ты позоришь нас! Нашу семью! Ди Крейны зарабатывали свою репутацию даже не столетиями — тысячелетиями усердного труда! Сам император доверяет нам. А ты... Ты все рушишь своими необдуманными поступками! Подумать только, на моей дочери висит клеймо убийцы!

— Я не желаю слушать твои обвинения, не я была зачинщицей, я всего лишь защищала свою честь и себя. И если такова цена — что ж, мне пришлось ее заплатить. Уходи, не думаю, что мы достигнем компромисса. Я слишком устала, и мне нужно отдохнуть.

— Ты... Ты! Я лишаю тебя материальной поддержки! Сама еще приползешь ко мне, будешь умолять о снисхождении. А если и дальше будешь позорить наш род, — глаза его зло сощурились, — я откажусь от тебя. Ты лишишься имени!

Мужчина развернулся и стремительно покинул палату. Я не успела даже слова сказать в ответ. Жестоко. Возможно, в чем-то он и прав, я никогда не зависела от великого рода, и если что-то и делала, то знала: во всем будут обвинять меня одну. Здесь же мои поступки отражались на целом семействе. Я не могла отвечать только за себя. Как наследница я несла ответственность за огромное количество народа и прежде всего представляла не себя, а знамя своего рода. Единственное, чего я не пойму, наверное, никогда, это как можно отказаться от дочери. От собственной крови. Да, пока он лишил меня материальной поддержки, но не думаю, что вскоре не встанет вопрос о моем исключении из рода. Без денег будет сложно, но я справлюсь, не впервой. Начну экономить, продам что-то из украшений. Хорошо, что Академия предоставляет бесплатное жилье и питание, это во многом облегчит мою жизнь.

Разговор с отцом принес много нового. Меня кто-то заказал... Валерия? Вполне возможно, что гордая аристократка не вынесла унижений в столовой, да и последующее оскорбление с письмом, пожалуй, было перебором. Если это она, то, думаю, еще проявит себя. Если же нет... Тогда у меня завелись враги, о которых мне неизвестно. Что не есть хорошо. Это очень опасно, не зная, что собой представляют твои соперники. Надо быть аккуратней и постараться не ходить одной. Попросить у директора сопровождение в виде Ларисы? Не думаю, что он откажет мне в такой мелочи после случившегося. Хотя я ни в чем не уверена... Слишком устала. Очень уж меня вымотал разговор с отцом.

— Виолетта? — в палату заглянула главная целительница, неловко пряча глаза. Не сомневаюсь, что наш разговор с первым советником слышало все больничное отделение. стыдоба какая... — Ты можешь собираться, детка, я тебя выписала. Не забудь забрать свои лекарства, жду тебя через неделю на обследование.

— Конечно, спасибо, мисса Алесандра, — пусть я и в ссоре с семьей, но о достоинстве забывать нельзя.

Мисса удовлетворенно кивнула и вновь исчезла. Я не знаю, были ли в лазарете еще больные, но мисса часто исчезала по каким-то срочным вызовам и жила в активном ритме. Удивительная женщина.

Я кое-как встала с кровати и переоделась в новое ученическое платье, которое доставили на замену старому. Волосы заплела в привычную косу, проверила, все ли в порядке, и, собрав вещи, покинула палату впервые за долгую неделю.

На проходном пункте, совмещенном со стойкой регистрации и пунктом выдачи, мне вручили лекарства и рецепт их применения. Строго-настрого запретили колдовать в

ближайшую неделю и уже на прощание вдогонку напомнили, что меня ждет директор, который очень просил навестить его после выписки. Я, признаться, об этом уже забыла.

***

Конечно же, я не пошла сразу к Георгу, обойдется. Вначале я посетила свою комнату, сейчас пустующую. У студентов как раз шли занятия, а потому Агнессы не было. Где шались Сара и Лара, неизвестно, но их отсутствие меня только порадовало. Тишина — это как раз то, что мне было нужно, чтобы привести мысли в порядок и набросать план ближайших действий.

Лариса застала меня в комнате через час, когда я уже успела принять душ и сидела на кровати, перебирая оставшиеся драгоценности. Какие-то из них придется продать в ближайшие выходные дни.

— Виолетта, слава Триединым, тебя выписали? — сразу же всполошилась пернатая. — Когда, почему ты сразу меня не разыскала?

— Да, выписали. Не так давно.

— А что ты делаешь? — любопытствовала она, заглядывая мне из-за плеча и рассматривая ярко блестящие брюлики.

— Ох, Ларочка, ко мне заходил Лионель.

— И что? — не поняла подруга.

— А то, дорогая, что мы с тобой теперь можем рассчитывать только сами на себя. Первый советник был очень недоволен моим поведением. Уговаривал бросить Академию. А потом вообще лишил денег. Но, слава богам, у нас еще остались какие-то украшения, да и небольшой запас денег, не пропадем.

— Вот гад! — возмущенно каркнула арка. — Нет, как так можно? Вначале этот белобрысый распустил нелепые слухи, теперь еще и собственный отец!

— Какие слухи? — не поняла я.

— Как, ты не знаешь? — искренне удивилась Лариса. Как будто я была первой сплетницей, ей-богу!

— Лара, я неделю провалялась в лазарете! Ты действительно думаешь, что у меня было время собирать какие-то там слухи? — вспылила я.

— Прости, не подумала. Так вот, этот ваш директор решил замять дело, то ли просто так, то ли под давлением — непонятно. Да только теперь по Академии слух гуляет, что ты неадекватная и силу контролировать не можешь. Многие из студентов боятся, шепчутся.

— А что Люсинда? — нахмурившись, спросила я. — Помнится, она обещала решить этот вопрос.

— Вот я и говорю: надавили на наших-то, молчат все как немые, ни слова о произошедшем. Даже Люсинда молчит.

— Думаешь, император?

— А он тут при чем?

— Да тут такое дело...

Я пересказала Ларисе все вкратце, но она и от того была в глубоком шоке. Видимо, знала о случившемся больше, чем я, в принципе, как и всегда.

— Да, вполне может быть, — моя подруга нервно расхаживала из стороны в сторону, — интерес вышестоящих... Никогда это дело ничем хорошим не заканчивалось. Если получится второй раз, будешь их игрушкой, а не получишь, так жди наказания. Чувствую, утопла в болоте ты, дорогая, по самые ушки.

— А то я не понимаю, но, как сказал дознаватель, «императорам не отказывают», у меня просто не было выбора.

— Чистая энергия... Такой только отступники пользуются, страшные люди. У них всегда последствия на теле отображаются: или седеют, у кого-то плоть гниет или руки чернеют. Всегда по-разному. Да только ничем хорошим это не оборачивается. За такую силу всегда платить надо.

— За все в мире надо платить, Лариса, за все.

— Ничего, прорвемся! — воодушевилась птица. — Ты только без меня больше не ходи, мало ли придурков на свете.

— И не думала, — усмехнулась я, поглаживая свою подругу. — Куда я теперь без тебя?

— Вот и я о том же, сиди на попе смирно и не нарывайся на приключения.

— Не получится смирно-то, — улыбнулась я.

— Почему это? — сразу нахохлилась арка.

— Так к директору надо, — пожала я плечами.

Лариса еще сильнее скусилась: похоже, нелюбовь к Георгу усилилась, и идея идти к нему ей не нравилась. Я, наблюдая за пернатой, не могла не признать, что в этот момент она была жуть какой милой. Воинственно встопорщив перья, она грозно смотрела куда-то в пустоту комнаты и то и дело порывивала. Наверное, в этот момент она мысленно рвала когтями холодное тело ненавистного врага. Защитница моя!

— Ну все, не рычи. Хочешь, пойдем со мной?

— Пойдем, — величественно кивнула она, будто делая мне одолжение.

Я потрепала ее по покрытой перьями голове, вскочила с кровати и убрала украшения в шкаф, хорошенько их спрятав в одной из коробок, используемых для хранения шляпок. Когда с этим было покончено, я подхватила Ларису на руки, привычно зарываясь в ее мягкие перышки, и пошла к директору.

***

Меня, как и в прошлый раз, встретила недовольная секретарша. Поморщившись при моем появлении, она отложила документы, над которыми колдовала до моего прихода, и попросила минутку подождать — она узнает, назначено ли мне. Высокомерная особа даже не стала слушать, что директор сам меня пригласил, вскочила быстрее, чем я успела договорить. Но и вернулась она так же быстро, недовольно поджимая губы.

— Вас ждут, — пробурчала, а меня тут же пригласили внутрь.

Я попыталась по голосу определить, в каком настроении директор, но получилось не очень. Пришлось собрать всю волю в кулак и идти. Главное — держать себя в руках и не надавать ему по мордасам. Избиения директора мне точно не простят.

— Виолетта, — поприветствовал он, не вставая, — проходите.

Я мысленно хмыкнула, отмечая, что теперь мужчина использует вежливое «вы», а не «ты», как раньше. Что изменилось? Вспомнил, что я герцогиня? Так поздно, вскоре я этот титул потеряю.

— Должен перед вами извиниться... еще раз, — наблюдая, как я занимаю стул напротив его стола, нервно произнес блондин. — Я думаю, вы уже слышали слухи? — заглядывая мне в глаза, поинтересовался он.

Почему они все думают, что я первым делом после выписки из лазарета побегу узнавать новости? Я далеко не сплетница, и если бы не любопытная Лариса Ивановна, знать бы не знала, о чем говорит этот мерзавец. Ишь ты, извиниться он хочет!

— Вы о тех, где я якобы неадекватная и не умеющая сдерживать силу? — невинно уточнила я.

— Кхм... Да.

— О да, о них я в курсе.

— Так вот, это не наша инициатива. Приказ императора Теодора. Я в курсе вашей... особенности, и именно мне как архимагу надлежит подготовить вас к проверке. Его императорское величество пожелал, чтобы ваши способности оставались в тайне. Но так как вести о произошедшем уже разошлись по Академии, Советом было принято такое решение. Я позвал вас сюда для того, чтобы предупредить. Распространяться о произошедшем нежелательно, для всех это обычный несчастный случай. О том, что произошло на самом деле, будет знать ограниченный круг лиц.

— Скажите, директор Фейербах, Эрик, он...

— Мисс Клэптон покинул Академию в связи с семейными обстоятельствами, так же, как и мисс Йен Милсон, — правильно понял меня Георг.

— Но они все еще на свободе? — переспросила я.

— Боюсь, что так. До завершения расследования они под домашним арестом, но я должен вам сказать, что в связи с открывшимися подробностями они не будут наказаны по всей строгости закона. Скорее всего, им сотрут память о произошедшем.

Я задумалась. Перспективы не радовали. Дело замнут, чтобы не разглашать тайну моей силы, виновников отпустят, и кто знает, как на них повлияет стирание памяти, все ли они забудут. Совсем не то, чего бы мне хотелось. Да еще и эта подготовка...

— По поводу проверки — что вы имели в виду?

— О, все просто. Вы и так пропустили неделю учебы. Пропущенные занятия нагоните с Люсиндой. Она была так любезна, что согласилась подтянуть вас. Со мной же вас ждут дополнительные пары по управлению потоками силы. Не сразу — лекари прописали вам неделю магического покоя, но мы начнем обучаться азам чистой магии. Пока в теории. Если же проверка пройдет так, как того от вас ожидают, будете осваивать практическую сторону.

То есть я с ним по вечерам буду заниматься запрещенной магией? Нет уж, увольте!

— Я согласна на занятия с леди Люсиндой, но вот насчет вас... Я возражаю! — покачала головой.

— Это не обсуждается, — усмехнулся Георг. — Вам нужен присмотр. Вы можете — не специально, конечно же — произнести одно из заклятий вслух, при этом подкрепив слова силой. Как первокурсница, не обученная даже азам, но при этом имеющая такую мощь, вы опасны, Виолетта.

— Но почему именно вы?! — воскликнула я, не сдержав эмоций.

— Усмирить вашу энергию и справиться с возможными последствиями могут только архимаги. Только нам достанет сил для подобного. Я ближайший маг такого уровня, да еще и согласный помочь... безвозмездно.

Мужчина сделал акцент на последнем слове, словно бы подчеркнув: другие за свою помощь потребуют что-то взамен. А с меня потребовать можно многое — пусть и в опале, но я дочь Лионеля. А уж ученые-маги не постесняются использовать меня как подопытную крыску.

— Но зачем это вам лично? Тратить на меня свое время, да еще и обучать чему-то? В чем подвох? — в искренность и щедрость я не верила, наивной девочкой не была. И если уж Георг взялся меня обучать, уверена, что ему от этого тоже что-то перепадет.

— Скажем так, это была личная просьба императора. Да и мне будет интересно понаблюдать за вами, — признался директор, откидываясь на спинку высокого кресла.

Вот как? То есть он не исключает возможность, что будет ставить на мне опыты. Открыто не признается, но и так все понятно. Неведомая зверушка — вот кто я для них всех. И пусть пока я смирюсь с этим, но у каждого зверька, даже маленького, есть клыки. Свои я тоже покажу, со временем.

— Ладно, хорошо. Но у меня будет условие.

— Дорогая, вы не в той ситуации, чтобы выставлять условия, поймите.

— И тем не менее я смею настаивать, чтобы наши занятия проходили втайне от других учеников и преподавателей Академии. Лишние слухи мне ни к чему!

— Хорошо, это я могу вам обещать.

— Прекрасно! — я встала с кресла, уже собираясь уходить, но Лариса больно укусила меня за палец, напоминая о себе.

Признаться, о третьей участнице нашей беседы я успела забыть. Лара вела себя на удивление спокойно; не привлекая внимания, она сидела в моих руках тише мышки. А сейчас таким зверским способом напомнила о невыполненном обещании.

— Кстати, директор Фейербах, я хотела у вас попросить... — уже возле двери обернулась я.

— Что? — мужчина оторвался от созерцания моей пятой точки и переместил глаза выше, совершенно не стесняясь того, что я прекрасно видела, с каким интересом он меня разглядывал.

— Могу ли я ходить на пары с Ларисой? — усмехнулась, глядя ему в глаза. Да-да, милый, я все заметила. — Так мне будет спокойнее.

— Да, конечно. Я выпишу разрешение. Кстати, Виолетта, за расписанием наших с вами занятий зайдите ко мне через неделю, я как раз подготовлю нужную литературу.

— Спасибо.

Из кабинета я вылетела быстрее пули, уж очень пристально на меня смотрел Георг. Лариса только хмыкнула, наблюдая за тем, как стремительно краснеет мое лицо от смущения. Нет, ну каков наглец! Он же заметил, что я прекрасно поняла, какую часть моего тела он провожал таким заинтересованным взглядом. И даже мускул не дернулся!

***

Был уже глубокий вечер, когда Агнесса вернулась в комнату. Она застыла при виде меня, лежавшей на кровати и бездумно смотревшей в потолок, а потом со слезами на глазах бросилась ко мне и сжала в объятиях.

— Тебя выписали! — между всхлипами пропищала она куда-то мне в шею. — Триединые, Виолетта, я так за тебя рада! Ты в порядке? Я совершенно не верю во всю эту чушь с неконтролируемой магией, так и знай! Это же все нелепые слухи, да? Я ведь видела, какой убитой ты была у врачей, на тебя было страшно смотреть! А они... Боги, Летта, я так переживала!..

Я не ожидала от ведьмочки такой реакции. Агнесса показалась мне человеком холодным, замкнутым и скупым на эмоции, а тут такой всплеск... Я не знала, куда деть руки и что делать, а потому неловко поглаживала ее по спине в нелепых попытках успокоить.

— ...Пен будет рада видеть тебя. Она так волновалась! Мы все волновались. Когда леди Люсинда сообщила нам эту безумную новость, мало кто из нас в нее поверил. Мы ведь тебя знаем, как отчаянно ты защищала наш факультет! А тут такой кошмар... Неадекватность. Не

переживай, девочки полностью на твоей стороне! Мы все поддержим тебя и поможем! Может, тебе что-то нужно? Помочь с пропущенным материалом?

Я не могла вклиниться в непрерывный поток ее слов. Я была безумно благодарна Агнессе за поддержку, как и всем ведьмам. Я и не надеялась... Мы мало знали друг друга, со многими я даже не успела познакомиться, но девочки не отвернулись от меня, даже несмотря на мой новый статус. Да, пусть ситуация и стала другой, но это не отменяло того, что двух человек я убила. Случайный выброс, неконтролируемый процесс, меня должны были бояться, как огня, которым я не управляю, а вместо этого жалеют и предлагают помощь. Невероятно!

— Спасибо... — на глаза навернулись слезы. — Я даже не знаю что сказать.

— Не нужно ничего говорить! — воскликнула она. — Подожди здесь, я позову Пен, не уходи!

— Да-да, конечно. Я буду здесь. Я тоже соскучилась, — шмыгая носом, я попыталась улыбнуться.

— Виолетта, мы все очень переживали за тебя. И счастливы твоему возвращению.

И как-то так получилось, что в нашей комнате, помимо обещанной Пен, собрался весь этаж ведьмочек, а то и все общежитие. Кто-то притащил с собой сладкие булочки, кто-то — миндальное печенье, у кого-то завалялись даже шоколадные конфеты — редкость для этого мира. А еще нам наконец-то пригодился чайный сервиз, который я привезла из дома. Чашечек, конечно, хватило не на всех, но ведьмы народ домовитый, и нехитрым образом в нашей комнате образовалось все необходимое. Столы были сдвинуты, стулья притащили из всех комнат, тарелочки расставляли уже дружной компанией. Помогали нам и фамилляры, которых в комнату набилось едва ли не больше, чем самих ведьм. Мы пили горячий травяной чай с булочками, и со всех сторон звучали сочувствующие всхлипы и радостные поздравления. Каждая из девушек по-своему отнеслась к новостям от леди Люсинды, но все как одна заверили: ведьмы — народ храбрый, и какой-то магией их не испугать. Общаться со мной девчонки решили, даже несмотря на негласный запрет преподавателей. И я была безумно благодарна им за поддержку, радостные улыбки и добрые сердца! Да, многим было любопытно, что произошло в тот день, почему коридор запечатали, а занятия отменили. Но пришлось отводить глаза и говорить, что преподаватели во главе с директором наложили запрет. Рассказать я ничего не могу, а так и на меня вроде как девочки не в обиде. Ведьмочки, конечно, повздыхали, поругались на учителей, но тут же перешли на обсуждение более интересной темы. На мужчин во главе с самим Георгом. Нравился он многим — как оказалось, красивая внешность и твердый характер, который я, признаться, не замечала, сыграли ключевую роль. Девушки вздыхали, краснели и явно думали о чем-то неприличном. А я вспоминала, каким горячим взглядом меня провожал наш уважаемый директор, и злилась. Ведь нахал, каких поискать! Где тот благородный характер, где та твердость духа и будоражащие глаза? Почему мне всего этого не показывают? Вот что они в нем нашли? Мне не понять! Тот же Этьен, который занимал стабильное второе место по количеству восхищенных вздохов, нравился мне гораздо больше! Эх, а вообще — не до мужчин сейчас! Ох, не до мужчин! Тут бы свои проблемы решить, а потом уже о делах сердечных размышлять. Вначале вернуть себе магию, разобраться с наказанием в библиотеке, которое никто не отменял, подтянуть знания и, конечно же, пройти проверку на владение чистой силой. А там уже подумаем, как жить. В конце концов, меня еще призыв фамилляра ждет и шабаш — таинство всех ведьм!

Время летит так быстро. Сейчас я согласна с Эйнштейном.

Время течёт быстрее или медленнее в зависимости от восприятия.

Теория относительности такая романтическая. И такая грустная.

Макисе Курису «Врата Штейна (Steins;Gate)»

— Ди Крейн! Ну сколько можно?! — орал на меня разозленный Георг.

— Но, директор Фейербах! — проканючила я.

— Я уже три года директор, но таких, простите Триединые, тупых студентов давно не видел! Сколько можно повторять: не произноси ты заклятия вслух! Повторяй их про себя, сумасшедшая! — директор отмахнулся от маленького огненного шарика размером с помидорку черри.

Подобные летали по всей комнате десятками и больно жалили, если им удавалось соприкоснуться с телом. Это Георг мог легко от них отмахиваться, мне же приходилось уворачиваться. Ну не виновата я! Сложно учить заклятия, не произнося их вслух. Происходило это всегда автоматически по старой студенческой привычке. А вот как к словам прикреплялась сила, понять не могли ни я, ни мужчина. Еще на первом совместном занятии он пришел к выводу, что сила у меня есть, а вот ума недостает. Случилось это после того, как я призвала огненный смерч. Маленький, но учебному кабинету хватило сполна. Все следующие занятия проходили в классах для практики, несмотря на то, что ликвидировать проблему Георгу удалось на удивление быстро. Орал он, конечно, знатно, но и успокаивался быстро. Стоит заметить, что все замечания были справедливыми. Кричал Георг всегда по делу, если терпение его доходило до крайней точки. Совсем другое дело, что доводила я его до нее слишком часто.

— Думать надо головой, Виолетта, перед тем, как что-то делаешь. Головой, а не тем, чем ты там думаешь! Сама сделала, сама и развеивай!

— Но, директор Фейербах! — взывала я не своим голосом.

Это было несправедливое и жестокое наказание. Если работать с силой я могла легко — мощи хватало, то с тонкой материей развеивающего заклятия приходилось помучиться. Я все время вкладывала сил больше, чем было необходимо, из-за чего заклятие рвалось, не выдерживая такого напора. Действовала я как танк — напролом, а надо быть иголкой, что у меня получалось раза так с десятого. Почему-то с ведьминскими заклятиями такого не происходило. Мучилась я только с огненной магией.

— Давай-давай, Ди Крейн. Я в тебя верю!

— Я сама в себя не верю... — пробурчала себе под нос, складывая руки лодочкой и зажимая безымянные пальцы.

— Что-что? — ласковым голосом переспросил блондин, сощулив глаза.

— Говорю, сделаю все в лучшем виде, — заискивающе улыбнулась я, — вам не о чем переживать.

— Ох, не верю я тебе, Ди Крейн, не верю, — покачал головой Георг. — Работай, давай!

— Работай, Ди Крейн. Следи за магией, Ди Крейн. Слушай меня, Ди Крейн, — передразнила я шепотом собственного мучителя.

— Я все слышу, — усмехнулся он.

Вот ведь, слышит он все. Пришлось замолчать и приступить к работе. К кропотливой и

сложной. Я закрыла глаза и представила перед собой полотно, на котором мне предстоит вышить узор. Каждый работал с плетениями по-разному. Та же Агнес представляла воду, Пен работала с ниточками, а я вот вышивала. Пока с закрытыми глазами, чтобы воображение работало лучше, а я сама не сбивалась каждый раз, отвлекаясь на раздражающие факторы. _Читай на Книгоед.нет_ Агнесса меня успокаивала и говорила, что все на первом курсе работают именно с закрытыми глазами, некоторые учителя даже настаивают на этом. Так проще. Вот только меня не предупреждали, что работать придется под градом жалящих шариков. А те явно не хотели, чтобы какая-то первокурсница-недоучка их уничтожала. Да, пусть я же их и призвала, но вот управлять роем у меня выходило так же отвратительно, как и работать с тонкими плетениями.

— Средний палец чуть согни, — подсказывал Георг. — Да, вот так.

Его присутствие хорошо чувствовалось даже с закрытыми глазами. А уж едкие замечания тем более не давали забыть о нем.

Получилось все далеко не с первого раза. Шарик не давали сосредоточиться. Они каким-то хитрым образом угадывали важный момент и жалили в это время, заклинание срывалось, я ругалась сквозь зубы и потирала пострадавшую часть тела. Отвратительная магия! И пусть характер у нее мой — характер призвателя огня — все равно не поверю, что Георг не приложил к этому свою руку. Плетение рассеялось, шарики постепенно стали угасать один за другим, а я устала, и единственное, чего мне хотелось — это спать. А ведь еще надо было идти в библиотеку — госпожа Вормер не терпела опозданий.

— Хорошо. Ты умница, Виолетта, — похвалил меня Георг, улыбаясь. — Сегодня тебе потребовалось меньше времени, чем неделю назад. Прогресс.

— Спасибо, директор Фейербах.

— Я думаю, ты не забыла, но считаю нужным напомнить: через три дня у тебя испытание в императорском дворце.

Я не помнила. Не верилось, что месяц уже прошел. Дни летели один за другим, мое время было расписано едва ли ни по секундам. Пары, занятия с Люсиндой, занятия с Георгом и работа в библиотеке. Каждый мой день напоминал предыдущий. И если занятия с ведьмой закончились неделю назад, то от работы меня не освобождали даже в выходные дни. Нет, ничего сложного там не было, да и госпожа Вормер давала мне много полезных книг с собой, но после всех уроков в библиотеку я доползала едва живой.

— Я уже получил приглашение, за тобой приедет дознаватель Теодор, его ты уже знаешь. Он курирует этот... вопрос и будет твоим провожатым. Эти три дня тебе даются на отдых и восстановление сил. Сегодняшнее занятие последнее. От работ в библиотеке ты также освобождена. Отдохни, приди в себя.

— Я... я не думала, что уже все, — призналась, тяжело опускаясь на стул.

— Если все пройдет хорошо, мы продолжим наши занятия. Если же нет... — директор замолчал.

Тишина стала давить подобно каменной глыбе, обрушенной на мои плечи. Не хотелось думать о том, что будет, если что-то пойдет не так, и я завалюсь на испытаниях. Да, от меня мало что зависит. Чистая магия не поддается осознанному контролю. Весь этот месяц мы только и делали, что разрабатывали мой резерв и учили заклятия огня, которые можно было бы в будущем адаптировать под чистую магию. Все, что мне нужно будет сделать, это выпустить силу, как и в прошлый раз. Да только я мало что помнила о тех событиях...

— Встретимся через три дня, Виолетта. Я уверен, у тебя все получится, — приободрил

меня мужчина.

— Да-да, конечно, — словно в тумане отозвалась я. — До свидания, директор Фейербах.

Было страшно, чего уж там. А вдруг не справлюсь? Вдруг все же накажут за убийство, а отец не заступится за меня? После того разговора мы так и не виделись, о примирении даже не шло речи. Интерес императора был вызван отсутствием последствий выброса. Что, если во второй раз они будут? Что тогда? Миллионы вопросов и отсутствие ответов убивали меня. А ведь я только начала нормально спать, только пропали эти чертовы ночные кошмары. И вот опять...

— Летта! — окликнул меня Георг, когда моя рука коснулась дверной ручки.

— Да? — я обернулась и в следующий миг испуганно отпрянула.

Светловолосый мужчина стоял рядом, едва ли не прижимая меня к двери, так близко он находился. И почему я не слышала его шагов? Так глубоко ушла в себя? Судя по нахмуренным бровям, он не первый раз пытается до меня докричаться.

— Летта, я хотел сказать... Что бы там ни случилось, ты всегда можешь рассчитывать на меня.

— Да, — пропищала я чуть охрипшим голосом. — Да, спасибо.

Все-таки директор был мужчиной. Красивым и волнующим мое сердце мужчиной. За этот месяц я успела привыкнуть к его присутствию и ехидным подколкам. Невольно он стал частью моей жизни, от которой, чего уж там, мне будет сложно отвыкнуть. С ним было весело, и одновременно я испытывала непонятное спокойствие. Вольностей он себе не позволял, но я нередко замечала на себе его взгляды, как тогда, в его кабинете. Любопытные, обжигающие, скользящие по моему телу. Так мужчина смотрит на женщину. Так преподаватель не должен смотреть на свою студентку, которая на сорок лет младше. Каких-то действий Георг не предпринимал, лишь иногда во время практики при показе очередного заковыристого жеста его руки задерживались на моих чуточку дольше положенного. Но я неизменно делала вид, что не замечаю его внимания, и позволяла ему эти маленькие шалости. Возможно, стоило это прекратить. Возмутиться, изобразить оскорбленную невинность, напомнить о своем статусе леди и его nepозволительном отношении ко мне. И я знаю, он бы остановился. Слишком правильный, слишком джентльмен, слишком житель этого мира... Да вот только я сама этого не хотела. С каким-то трепетом я ожидала наших совместных занятий. Я с жадностью ловила его взгляды и грелась в его ладонях. Nepозволительная близость. Но именно она стала той отдушиной, той спасительной ниточкой, которая вытянула меня из мрака.

Кошмары начали сниться сразу же после первого занятия по призыву магии огня, все воспоминания, которые я грубо затолкнула внутрь души, вновь вырвались на свободу и окутали мое сознание. Я просыпалась по ночам от собственного крика. В слезах, с дрожью. Я не знаю, когда Агнесса стала просыпаться со мной, ведь ситуация с каждым днем становилась все мрачнее. От недосыпа я буквально падала с ног. В лазарете, куда меня потащили ведьмочки, мне выписали снотворное, но стало только хуже. Я не могла проснуться, тело спало, а мозг бодрствовал. Постепенно я тонула в собственных кошмарах, задыхаясь от боли. Жуткие картинki сменяли друг друга, и все они объединялись одним.

Огнем. Я боялась своей силы. Боялась того, что она несет. Боль и разрушение, смерть. Не обязательно мою: как оказалось, чужая смерть иногда болезненнее собственной. И я бы так и тонула в пучине страха и отчаяния, но Георг вытащил меня, спас, сам того не зная. На

одном из занятий, когда моя сила вновь вышла из-под контроля, он попал под шквал огня, под тот самый смерч. Ужасное зрелище. Мой наставник исчезает под огненной лавиной. Я помню, какой жалкой выглядела тогда, думая, что вновь убила человека. Какой бы сильной и храброй я ни была, события того дня навсегда оставили невидимый шрам в моей душе. Я помню, с каким удивлением наблюдала за Георгом, вышедшим из огня. На нем даже одежда не пылала, что уж говорить о теле. Вокруг мага всеми цветами радуги переливался купол, похожий на овальный мыльный пузырь. Завораживающее зрелище, которого я не забуду.

И вот сейчас этот самый человек прижимал меня к двери. Расстояние между нами было, но я чувствовала искры напряжения, заполнившие это пространство. Я, взрослая женщина, плавила, подобно малолетке под пронзительным взглядом зеленых глаз. Красивый мужчина. Красивый, притягательный, манящий... Кто из нас первый потянулся навстречу другому, я не смогу сказать даже под пытками. Просто в какой-то момент я осознала, что прижата к Георгу, его руки скользят по моей спине, мои запутались в его волосах. Мы целовались со всей накопленной страстью, которая томила нас целый месяц. По крайней мере, мне хотелось верить, что мужчина, сжимавший меня в своих объятиях, испытывал хоть толику чувств, бушевавших в моей душе. Мне бы застесняться, отстраниться, повести себя, как и подобает маленькой леди, но вместо этого я бесстыдно прижималась к мужскому телу и стонала ему в губы. Это и отрезвило. Этот пошлый протяжный стон эхом раздается в моих ушах. Я с силой сжала волосы Георга на прощание и отстранилась от него, спиной впечатавшись в дверь. Он тяжело дышал, его губы припухли, а глаза лихорадочно блестели. На голове у него полный беспорядок, и я испытывала несвойственное мне чувство собственности, медом разлившееся по телу. Приятное ощущение, когда ты знаешь, что мужчина так выйдет из-за тебя. Знаешь, что в этот самый момент он хочет только тебя. Я уверена, что выглядела не лучше. Знала, что мои глаза горят таким же фанатичным блеском, а губы припухли еще больше, чем его. И именно мне приходится сделать шаг назад, сбежать.

Целовалась ли до этого малышка Летта? Сомневаюсь. Так же, как сомневаюсь в том, что у нее были мужчины. Я не имею права отбирать у этого тела невинность из-за минутной прихоти. Вот так, на парте, с директором, который, я уверена, даже не испытывал любви ко мне. Всего лишь похоть. Я не могу, не так. Слишком жестоко по отношению к прошлой хозяйке. И пусть даже слух о моем распутном поведении не выйдет за пределы этой комнаты, я не могу дать этому случиться. Есть леди ночной жизни, вдовы, крестьянки, те могут позволить себя вольности. А что могу я? Я не знаю, как долго задержусь внутри этого тела. А что будет, если вернется его хозяйка? Нет, не сегодня. Как бы мне этого ни хотелось...

— Я... Простите, я должна идти, — кое-как справившись с голосом и бушевавшими чувствами, выдохнула я.

В глазах мужчины проскользнуло недоверие, потом протест. Я видела, как он дернулся ко мне, но быстро взял себя в руки. Даже отступил на несколько шагов, давая мне больше свободного пространства, за что я была благодарна.

— Конечно, — его голос звучал холодно, словно льды Арктики, словно пощечина, хлестнувшая меня. — Удачно пройти испытание, студентка Ди Крейн.

Я кивнула и выбежала из кабинета, не дожидаясь от него еще каких-либо слов и не прощаясь. Опустошенная, уставшая, впечатленная произошедшим. Мы оба поддались эмоциям, переживаниям, бурлившим в нас. И это была всего лишь вспышка похоти, всем известная попытка забыться, лучший способ расслабиться. Именно так и было, ведь так,

Виолетта? Но себя не обманешь. Георг мне нравился. Начал нравиться еще там, на поляне, сверкая своими зелеными глазами. Именно поэтому я так взъелась на него, поэтому не хотела с ним путешествовать. Где-то глубоко внутри мое женское начало было в восторге от этого мужчины. И впредь стоило держаться от него подальше. А для начала надо остыть...

В комнату я ворвалась подобно урагану. Лежавшая на кровати Агнесса проводила меня удивленным взглядом, но промолчала, давая закрыться в ванной. Но Лара с Сарой не обладали таким чувством такта. Вместо этого боги отсыпали им двойного любопытства.

— Что-то ты рано... — прозвучал из-за двери голос Сары.

— Да-да, и выглядишь какой-то взволнованной, — это Лариса.

— Что случилось? — это сразу обе, требовательно, с напором.

Я удивлялась тому, как эти двое, терпевшие друг друга постольку-поскольку, становились слаженной командой, когда им что-то было нужно. Обычно это что-то касалось меня, так как я единственная понимала их обеих. А общей темой для примирения стала, как ни удивительно, еда. Предпочтения в пище у них были разными, но со временем Лариса также подключилась к поеданию сладкого, так любимого Сарой, и заметно пополнела. Конечно, говорить ей об этом не решался никто. Всеядная птица остро реагировала на любой намек на свою неидеальность.

— Ничего не случилось, с чего вы взяли? — стоя под холодными струями воды, отмахнулась я от надоедливых животных. Они умудрялись давить своим любопытством даже сквозь дверь.

— Ты кому врешь? — взвизгнула Лариса. — Кого ты пытаешься обмануть? Быстро рассказывай, а то я тебя знаю, смотаешься сейчас к своим пыльным книжкам и до ночи носа оттуда не покажешь!

— Вас? — усмехнулась я, выходя из ванной, замотанная в большой банный халат серого цвета. — Тем более сегодня у меня последний день работы в библиотеке, надо предупредить госпожу Вормер о том, что меня не будет ближайшую неделю. Так что, Лара, ты права: я сейчас действительно ухожу.

— Что значит уходишь? А я? — оскорбилась пернатая, привыкшая следовать за мной буквально по пятам.

Ларису я действительно всегда брала с собой, остерегаясь ходить одна. Она присутствовала со мной на лекциях, на практике и неизменно сопровождала на все дополнительные занятия и в библиотеку. После того случая я в принципе редко находилась в одиночестве. Прежде всего боясь повторения случившегося, ведь друзья Валерии все еще косо на меня поглядывали. Но сейчас мне хотелось уединения. Подумать в тишине, за работой, не слушая карканье арки, редко замолкавшей больше чем на полчаса.

— А ты сидишь дома, — отрезала я, не желая спорить.

— Девочки, отстаньте от Виолетты. Захочет — сама расскажет. Дайте ей хоть чуть-чуть от вас отдохнуть, — подала голос Агнесса, ободряюще мне улыбнувшись. Ее они трогали редко, а потому обычно ведьма приходила мне на выручку. Я думаю, из-за чувства сострадания. А еще потому, что эти две бестии жалости не знали.

— Так, значит, да? — обиженно пробурчала Лариса, недовольная моим равнодушием. В последнее время ей хотелось больше моего внимания, которое она привлекала всяческим образом. Хотя я не понимала — куда уж больше?

— Ларочка, я приду и все вам расскажу, честно, — сдалась я, видя, что еще чуть-чуть — и она обидится на полном серьезе.

— Обещаешь? — стрельнула она лукавыми глазами. Вот хитрюга.

— Конечно, разве я тебя обманывала?

— Нет, — покачала она покрытой перьями головой.

— Ну вот и хорошо. Так, я убежала, не скучайте, вернусь через два часа, — я выскользнула из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь, чтобы охранное плетение встало на место. Его разрабатывала лично Агнесса, у нее по защите твердая пятерка. А потому она все еще билась над тем, как я преодолела ее плетение в первый день заселения.

На самом деле мое наказание должно было длиться намного дольше. Но добродушная госпожа Вормер, видя мое убитое состояние, по вечерам всегда отпускала меня раньше положенного. Так и повелось, что приходила я на пять отведенных мне часов, а уходила уже после двух. Я помню нашу с ней первую встречу. Маленькая худенькая старушка в темно-синем платье в пол встретила меня нахмуренными бровями и недовольной гримасой на лице. Опоздала я тогда минут на пять, заблудившись в хитросплетенных коридорах главного академического замка, а Вормер сразу же приписала меня к прогульщикам-лоботрясам и велела больше не опаздывать, а то день не будет засчитан. Тогда она поставила меня на протирание пыли на пустых стеллажах, не доверяя более важные и кропотливые работы. Но со временем старушка прониклась ко мне симпатией, видя, что ее указания я выполняю старательно, а опаздывать больше не собираюсь. Книги я любила с детства. А уж библиотека Академии была по-настоящему удивительным местом, симпатией к которому я прониклась сразу же. Стеллажи с книгами занимали не единый большой зал, как я привыкла. Здесь каждому разделу магии отводилась своя комната, заполненная тысячами книг. Заведующая библиотекой как-то даже проговорила, что есть скрытые залы, вход в которые заказан для всех, кроме директора и Совета. Там, как я подозревала, скрывались книги по запретной магии. Демонология, магия чистой энергии и труды, созданные отступниками — все это могло храниться именно там. Впервые услышав об этом, я испытала волнующий трепет вперемешку со страхом: а вдруг по ошибке зайду не в тот отдел? Доказывай потом, что ты не ты и тапки не твои. Но госпожа Вормер убедила меня, что без специального разрешения-ключа защиту не пройти и в зал так просто не попасть. Я, конечно, покивала с умным видом, но все равно ходила с осторожностью, опасаясь угодить не в ту комнату.

— О, Виолетта, детка, рада тебя видеть, — воскликнула госпожа Вормер, выныривая откуда-то из-за стойки выдачи и регистрации, — что-то ты сегодня рано.

— Отпустили пораньше с занятий, и я сразу к вам, — улыбнулась, заглядывая за стойку, там женщина разбирала книги. И, судя по коробке, в которую они были сложены, это новое поступление.

Сама госпожа Вормер знала, с кем я дополнительно занимаюсь, как и весь преподавательский и обслуживающий персонал. Единственное, что меня смущало — почти все верили в легенду о моем отвратительном контроле огненной магии. Конечно, ни о каких парах по магии не шло и речи. Если еще в начале учебного года мне обещали дополнительные занятия по огненной стихии вместе с магами, которые этот предмет изучали профильно, то теперь о подобном даже не вспоминали. Пары были беспощадно вычеркнуты из моего расписания, а все думали, что сам директор взялся обучать нерадивую ученицу. О настоящих причинах наших занятий знало максимум человек десять, но те держали язык за зубами, боясь лишиться не только его, но и головы.

— Это хорошо, не перегружает тебя, — прокряхтела старушка, разгибаясь и протягивая мне стопку книг.

— Госпожа Вормер, директор Фейербах освободил меня на неделю от работы в библиотеке. Я подумала, стоит вас предупредить, завтра меня не будет, — принимая книги, произнесла, рассматривая цветные обложки новеньких учебников по магии пространственных перемещений.

— Да, меня уже предупредили. Уезжаешь? — полубопытствовала старушка.

— Домой, — коротко кивнула.

Эту версию мы с Георгом решили пустить в народ, чтобы ни у кого не было причин связать вызов Совета в императорский дворец с маленькой мисси Ди Крейн. По версии, которую мне предстояло рассказать и своим ведьмочкам, я уезжала на празднование дня рождения моей любимой кузины. Той исполняется двадцать один год, совершеннолетие для этого мира, которое пропустить ну никак нельзя. К слову, свой собственный день рождения я провела за занятиями и закопавшись в книги. День пролетел незаметно, а о празднике мне напомнило на следующий день письмо от мачехи, в котором она сухо поздравляла меня с торжественным событием. Подарка от отца или хотя бы письма я не дождалась.

— Ну и славно, отдохнешь, развеешься. Совсем же худенькая стала, скоро с умертвием пугать будем. Скелет, да и только, да и цветом ты недалеко ушла, вся бледная как мел. Заботиться о своем здоровье надо, деточка, смолоду! — попеняла мне госпожа Вормер.

Вот уж у кого здоровья было хоть отбавляй. Я иногда диву давалась, как такая сухонькая женщина да в таком возрасте так резво передвигается. Да еще и таскает такие тяжести — книжки немало весят, к слову. И сколько я ни пытаюсь эту макулатуру у нее отобрать — ведь жалею и забочусь — все время только бурчит и отмахивается.

— Знаю, госпожа Вормер, все знаю, да только когда отдыхать? Тут учеба со всех сторон давит.

— Совсем тебя эти преподаватели загоняли, — покачала головой добродушная хозяйка библиотеки. — На вот, отнеси эти книжки на пустующий стеллаж и можешь идти. Отработку тебе зачту.

— Не стоит... — попыталась возразить, но куда мне против женщины с многолетним опытом общения со студентами. Перебила меня и даже слова вставить не дала.

— Все, сказала! Ступай! И чтобы я тебя неделю не видела! Ишь, моду взяла, доводить себя, — отмахнулась она от меня.

Я только улыбнулась, слушая ее ворчание. Эта милая женщина чем-то напоминала мою бабушку. Конечно, не внешностью и манерой речи, но добродушием и напускным ворчанием. К таким людям нужен особый подход. И коль удастся найти ключик от их души, они отплатят тебе двойной любовью.

Пришлось прижать книжки к груди и послушно идти искать нужную комнату. В отделе пространственной магии я еще не была. Лично мне она не интересна по причине моей полной несовместимости с порталами, а госпожа Вормер меня туда не посылала. Примерное расположение залов я уже знала, за месяц работы несложно было запомнить. Да и почти в каждой из комнат висела карта всей библиотеки с подписями и пояснениями для слабых на ориентирование студентов. Сама я топографической болезнью не страдала, а потому нужный зал нашла на удивление быстро. Впереди маячила вычурная надпись: «Портальная магия», а мыслями я уже была у себя в комнате, укрытая теплым одеялом и попивавшая новый цитрусовый чай, который Агнес купила в выходные. И вот совсем как-то не вписалась в эту мою розовую мечту плохо прибитая половица. Она противно скрипнула под тяжестью моего тела и была беспощадно добита весом книг. Послышался характерный треск, и каблук

моей туфли съехал в сторону, провалившись в образовавшуюся дыру между досками. Я была совершенно против подобного произвола и потому попыталась вытащить противную босоножку, плотно застрявшую в трещине. Да только та, видимо, имела еще более противный характер, чем я.

Победила обувь. Я пошатнулась, книги посыпались из рук. В попытке хоть как-то спасти положение я попыталась опереться на стену, благо та была рядом, только протянуть руку. Я и протянула. Руку. И каким же было мое удивление, когда провалилась сквозь проклятую каменную стенку. Я бы взвизгнула, да полет был недолгим. Стоит сказать, что туфля не сдалась, послышался хруст, и в глазах защипало от боли. Вывих, по-любому вывих. Просто прекрасно! Ну хоть нога от противной части гардероба освобождена, уже хлеб. Не с маслом, конечно, но жить можно.

Я, все еще лежа на полу, огляделась, пытаюсь понять, что произошло и где я оказалась. Коридор. Темный и грязный, здесь давно не убрали, да и народ пользовался им нечасто, судя по слою пыли и паутине на стене. Не хотелось думать, что это тот самый коридор, в который я провалилась на испытании и в котором живет монстр-зайка, лично встречавший всех гостей.

Одну из книг я все еще сжимала в руке. Бросила ее на пол за ненадобностью. Руки мне нужны свободные, мало ли какая тварь бродит в этих стенах. Хорошо, если встреченный мною ранее хвосторыл полумертвый, а если неизвестное мне что-то попадется? О своем хорошем знакомом я прочитала в той же библиотеке, в книге по нечистоведению, выданной мне авансом. «Основы и принципы. Основные виды нечисти и их классификация» считались учебником второго курса, и мне, первокурснице, лезть в такие дебри было не положено. Да только кто остановит любопытных студентов, особенно если есть Лариса, бесплатный гугл-переводчик? Хвосторыл в живом виде выглядел вполне приличным, но встреченная мною особь была ничем иным, как ожившим полуразложившимся трупом, из-за чего зверушка сразу же перешла в разряд полумертвых второй степени опасности. Вот если бы меня по коридору гонял скелет, тогда бы это был хвосторыл, подкласс мертвых, опасность первого ранга. Тут уже простой магией огня не справиться, нужен специальный круг, знаний и умений на создание которого у меня нет. И я искренне надеялась, что хотя бы этот коридор принесет мне что-то нормальное, не опасное для жизни. Уж больно не везет мне на подобные места в последнее время.

— Ух, — воздух выбило из легких, когда я попыталась встать.

Разлеживаться не было смысла. Ожидать чуда лучше в боевой готовности, а не лежа на животе. Я же попыталась встать, совершенно забыв о больной ноге. И вспомнила, только когда она отозвалась режущим ощущением, резко разлившимся по всему телу. Пришлось заново опускаться на землю и осматривать поврежденную конечность. Лодыжка опухла, покраснела и отвратно пульсировала болью, которая разливалась по всему телу непрекращающейся ноющей болью. Удивительно, но я постепенно начинаю привыкать к хрупкости этого тела. Даже смирилась с тем, что из очередного приключения мне уже не выбраться без потерь. Эх, жаль, Ларису с собой не взяла. Хотела побыть одна? Наслаждайся! Вот уж точно, будь осторожен со своими желаниями, они имеют мерзкую особенность исполняться.

Со второй попытки я все же приняла вертикальное положение. Стараясь сильно не опираться на вывихнутую ногу, кое-как ощупала стену, в которую, судя по всему, и провалилась, но она была глухой к моим молитвам и назад меня не пропускала.

— Всех впускать, никого не выпускать? — пробурчала я себе под нос, недовольно глядя на часть Академии, которая, похоже, решила похоронить меня в себе. Столько неприятностей, со сколькими я столкнулась здесь за месяц, я не насобираала бы и за все свои прожитые двадцать пять лет на Земле!

Стена мне не ответила. Слава Триединым, конечно. Не знаю, какой была бы моя реакция, если бы она принялась со мной пререкаться.

Так начался мой неспешный поход. Без провизии, с поврежденной ногой и в полностью подавленном состоянии. Да только и он продлился недолго. Уже через пять минут я увидела дверь. Большущую, метра четыре в высоту, полностью железную и наверняка тяжелую. Если бы не тусклый свет от камней-артефактов, вмурованных в стены, я бы ее не заметила, приняв за чернеющий провал. Над дверью была надпись, такая же, как и над всеми залами библиотеки. Только эту явно давно не обновляли, некоторые буквы-закорючки были стерты, из-за чего смысл написанного угадывался с большим трудом. Пришлось напрячься и приглядеться, чтобы рассмотреть письмена.

— О боги, это же закрытая секция, — прошептала я, испуганно прижимая ладонь к колотящемуся сердцу.

До меня, наконец, дошел ужас ситуации, в которой я оказалась. Я как-то угодила в один из закрытых залов. Но ведь госпожа Вормер говорила, что они защищены магией, да и без специального ключа в них не попасть. Как же я оказалась внутри? Нет, возможно, я что-то путаю. Вход в закрытые секции доступен только членам Совета и архимагам. Стоит еще раз всмотреться в надпись. Да только она не оставила мне шансов, как бы пристально я ни вглядывалась. На табличке все так читалось: «Закрытая секция 5. Отступники»...

И все бы неплохо, да только, подойдя ближе, я увидела, что дверь открыта. Меж двух створок образовалась небольшая щель, как раз для маленького человечка вроде меня. И, судя по всему, этот вход и был выходом, как бы абсурдно это ни звучало. Другого решения я не видела, потому прошмыгнула внутрь, надеясь на не слишком большие неприятности. А то, что они будут, когда меня все же обнаружат в закрытой секции, я не сомневалась.

— Хоть бы не исключение, — молилась я вслух. — Это же не моя вина, верно? Что еще мне оставалось делать?..

Разговоры с собой хоть как-то помогали, отвлекали от тишины, в которой отчетливо был слышен стук моего сердца. Я не знала, как буду объяснять Совету то, что девушка, убившая двух студентов чистой магией, оказалась именно в этом зале. В зале, носящем имя тех, кто этой самой магией убивал тысячи невинных людей. Обстоятельства складывались невыигрышные. Я бы себе точно не поверила!

За тяжелой металлической дверью скрывался точно такой же просторный зал, почти ничем не отличавшийся от залов общего доступа. Точно такие же стеллажи с книгами, точно такие же столики с креслами для посетителей. Только эти книги производили жуткое впечатление, а их содержание не зря считалось запрещенным. Воздух был холодным и влажным, а сама атмосфера в комнате стояла тяжелая. Еще чуть-чуть — и ее можно было бы попробовать на ощупь. Я поежилась, настолько неприятными были ощущения. Находиться в этом месте явно не стоило. Я осторожно двинулась дальше, стараясь ни к чему не притрагиваться и даже дышать через раз. Когда ряды стеллажей закончились — а их было много, отступники явно не сидели без дела — я попала в место, напоминавшее галерею. Только на стенах вместо привычных пейзажей и натюрмортов висели нескончаемые ряды портретов. С полотен на меня смотрели мужчины и женщины, совсем еще маленькие дети,

девушки и парни, старики и старухи. Все как один холодные, бездушные, безумные. Пугающие. Я сразу же поняла, кто это. Отступники. Кто же еще мог быть увековечен в стенах данного зала? Каждая картина подписана. Имя и дата. Дата смерти? Дата рождения? Дата чего? Не понять. Как не понять и того, зачем это висит здесь. Зачем это магам? Помнить этих людей, помнить их ошибки? Сотни вопросов, да кто бы ответил.

Я шла по нескончаемому коридору, рассматривая лица. Боги, их не меньше тысячи! Неужели все эти люди пытались пошатнуть мироздание? Они ведь знали цену за применение чистой магии, знали наказание за проступок, простить который невозможно. Даже на мне висело клеймо, а ведь я использовала силу неосознанно, и еще неизвестно, чем все это закончится. Эти люди знали, на что шли. Судя по картинам, некоторые из них принадлежали одинаковым стихиям. Вот эти — явно маги воды, синие одежды ярко контрастировали с серыми лицами. А эти земля, судя по зеленым нарядам. Почти все виды магии, боги, как жутко! Некромантия — черная, магия воздуха — желтая, воды — синяя, земли — зеленая. Единственный цвет, который встречался крайне редко, единичными пятнами — магия огня, красная. Такие картины все как одна имели в подписи не одну строку, имя и дату, но еще и описание. Все носители красного цвета были жрецами бога Ромирана, одного из Триединых. Жрецами проклятого бога. И если еще минуту назад я не могла понять, что же это все мне напоминает, то при виде очередной жрицы все встало на свои места. Из множества лиц я узнала ее — ту, что привлекла мое внимание сразу, ту, что выделялась ярким пятном среди остальных. С полотна на меня смотрела моя собственная мачеха, как всегда облаченная в красное. Дамина Ди Крейн не изменяла своим привычкам.

Каждый живет, как хочет, и расплачивается за это сам.

Оскар Уайльд «Портрет Дориана Грея»

На картине моя мачеха была не такой, какой я видела ее в последний раз. Но угадать в этой молоденькой девушке Дамину для меня не составило особого труда. Те же черты лица, тот же цвет глаз, тот же нос, подбородок — да все в девушке на картине было таким же, как и в моей мачехе. Это была она, но лет на двадцать моложе. В это было сложно поверить. Почему никто не видел этой схожести со жрицей отступников? Не потому ли, что сюда давно не заглядывали? А может, я просто ошибаюсь и это не она? Да только я скорее поверю в полную слепоту людей, чем в подобное случайное стечение обстоятельств. Моя приемная мать — отступница. А я — владеющая их магией. Вот уж точно насмешка богов. А отец, знает ли он? Не могу поверить, что первый советник императора якшается с преступницей. И даже более того — женат на ней!

Так, мне нужны доказательства... Я не оставлю этого так просто. Доказывай потом, что ты не связана с семейными тайнами. Нет уж, лучше во всем разобраться, а потом идти с повинной либо к самому императору, благо меня ждет скорая аудиенция, либо к отцу. Конечно, еще может оставаться вариант, что все это — запланированная стратегия по внедрению в стан врага, и мне не следует лезть не в свое дело, но почему-то верилось в это с трудом.

— Черт, ладно, разберемся! Должны же быть хоть какие-то сведения об этих жрецах!

Я сорвала со стены картину в раме и вынула из нее полотно. Пустую оправу повесила обратно — глядишь, и не заметят отсутствия портрета. Полотно оказалось тонким, не в пример холстам, на которых творили художники в моем мире. Поэтому сложенный в несколько раз квадратик как раз поместился в карман ученического платья, куда я его убрала от греха подальше. А то еще увидит кто меня с полотном в руках, и доказывай потом, что украла это от большой любви к искусству. Нет уж, спрячу и сама разведу все, а потом буду думать и решать, что делать. А сейчас пора бы и выбираться отсюда.

Я оглянулась. Сзади все так же маячили неприветливые стеллажи, впереди — бесконечный коридор. Выбор невелик, если хорошо подумать. С одной стороны, пусть и не в уютной атмосфере, но кресла, которые при моих габаритах будут как небольшой диван, если поставить два вместе. Можно отдохнуть и пристроить больную ногу. С другой стороны — нескончаемая дорога, которая приведет меня черт знает куда, да и приведет ли вообще — тоже неизвестно. Так что вернусь и отдохну; если меня не найдут в ближайшие час-два, пойду дальше, а пока не сделаю лишних телодвижений. Энергию надо беречь.

Я кое-как дошла до кресел, подтащила одно к другому и устроилась на них. Неудобно лежать в скрюченной-то позе, да еще и подлокотники давят. Но все лучше, чем ничего.

День выдался насыщенным на события. Вначале пары, потом занятия с директором, этот поцелуй, а теперь еще и запрещенный зал с ликом моей мамы на стене. Ну почему всегда я? Хотелось быть в голос от несправедливости ситуации. Даже с мужчиной переспать не могу спокойно, волнуюсь, а не вернется ли хозяйка тела. А теперь еще и это... Мысли, блуждавшие в голове, были одна мрачнее другой. Заснула я, прокручивая в голове наш разговор с Георгом, размышляя, что же нас ждет при следующей встрече. И снилось мне, уставшей и изнуренной, что-то темное, тянущее из организма все оставшиеся соки.

***

— Летта... — звучало где-то на краю сознания смутно знакомым злым голосом.

Просыпаться не хотелось, я только отмахнулась от надоедливой шума и попыталась сильнее зажмурить глаза, хотя, казалось бы, куда еще сильнее-то. Да только голосу там, в реальности, такое пренебрежение явно пришлось не по нраву. Меня схватили за плечо и с силой трянули, пытаюсь привести в чувство.

— Ее все там ищут, а она спит в проклятом зале. Сумасшедшая девица!

Сознание начало проясняться, я уже могла понять, кто со мной разговаривает. Меня нашли, слава Триединым. И неважно, что нашел недовольный и злой директор, главное, что сейчас он меня разбудит и выведет из этого ужасного места. Да только темный туман в моем сознании не желал отпускать. Липкие щупальца сильнее сжали свои объятия. Я ощущала их каким-то внутренним чутьем. Не видела, но знала, что они есть, там, в моей душе и в моем теле, полностью окутавшие мое сознание. Неужели защита добралась до незваного гостя? Или одно из творений отступников вырвалось на волю и теперь лакомится глупой первокурсницей?

— Открывай глаза! — рыкнул Георг.

И следующее, что я почувствовала, это обжигающую боль. Этот псих вклеил мне пощечину! Очнулась я не от обжигающего удара, а от возмущения и злости. Яркие чувства пришли не по нраву темному существу, и оно отступило, а я наконец-то раскрыла глаза. Голова гудела, щека пульсировала болью. Хорошо же он приложил, ничего не скажешь. Я дотронулась до нее, пытаюсь унять пульсацию. Покраснела, по-любому покраснела. Я злобно уставилась на Георга, но он только усмехнулся, явно довольный собой. Сволочь!

— Очнулась? — ухмылка все-таки сошла с его лица, и теперь он осматривал меня с настороженностью. — Кто же спит в таком месте, Летта?

— Ваши молитвами, — пробурчала я, поглаживая ноющую щеку. — Откуда я знала, что здесь такая защита? Кто вообще придумал эту ересь?!

— Отступники, — коротко ответил директор. — И это не защита. Это вырвавшееся порождение проклятого бога. Поэтому такие залы и закрыты для посторонних. Они опасны как своими знаниями, так и тем, что их населяет. А вот как ты здесь оказалась — непонятно!

— Дверь... — я неуверенно кивнула на железного монстра, да только, как назло, сейчас створки были плотно закрыты. — Вошла через дверь. А до этого провалилась сюда... Не знаю как.

Я пожалала плечами, ведь большего сказать я не могла. Я действительно была не в курсе. Как и не понимала того, почему защита пропустила меня внутрь. А ведь подобное происходило уже не раз и не два. Та же Агнесса испытывала на мне свои защитные чары, которые я преодолевала, даже не замечая. Она же жаловалась, что все ее разработки на меня не действуют, в лучшем случае я их просто не вижу, в худшем — разрушаю.

— Как вы меня нашли? — молчание затянулось.

Георг думал о чем-то своем, задумчиво выводя узоры на подлокотнике кресла в опасной близости от моего тела.

— Госпожа Вормер, это она подняла тревогу, когда увидела разбросанные книги, — неохотно признался директор. — Ты же знаешь, как трепетно она относится к библиотечной собственности. А тут такая халатность, от тебя она подобного не ожидала. Пришла ко мне, я отправил тебе вестник, но ответа не получил. В комнате тебя тоже не оказалось, твоя соседка говорила, что ты еще в библиотеке, и даже фамилльяры не могли выйти на след.

Летта, мы искали тебя почти два дня. Вся Академия стоит на ушах, вызвали даже Совет магов.

— Сколько? — воскликнула я, не веря его словам. — Не может такого быть! Я провела в этом месте не больше трех часов! И спала явно недолго.

— Два дня, — повторил Георг ужасающую новость. — В этом зале время течет медленнее, чем снаружи. Неизвестно так же и то, сколько времени ты провела под воздействием нрыча.

— Этого не может быть... Как же испытание? Аудиенция у императора? Триединые, Лариса с ума там сходит. Георг, пожалуйста, мне срочно нужно вернуться. Я все объясню Совету, я ничего не трогала и не прикасалась к книгам в этом зале, — конечно, я соврала. Точнее, умолчала о свертке в моем кармане с изображением жрицы. Но знать об этом ему ни к чему. — Пожалуйста.

— В лазарет. У тебя сломана лодыжка, и твое состояние после общения с темной сущностью оставляет желать лучшего.

— Да-да, конечно, — я была согласна на все, лишь бы убраться из этого неприятного места. Даже провести еще несколько недель в компании миссы Алесандры.

Я попыталась было вскочить, но мужчина присел и сам подхватил меня на руки. Я удивленно уставилась на него, вцепившись в воротник его рубахи. С чего бы это, я же не немощная? Да, признаться, такая забота была мне приятна. Но я думала, он будет меня избегать после случившегося в конце нашего последнего занятия.

— Я волновался... — с каким-то надломом в голосе признался Георг. — Боги, Летта, я думал, что сойду с ума, если еще раз не сожму тебя в объятиях. Не смей больше пропадать, несносная девчонка!

А потом он поцеловал меня. Так, что я почувствовала все, что довелось пережить этому мужчине по моей вине. С нежностью, перераставшей в наказание. Если вначале он рассказывал мне о чувствах, бурлящих в нем, то потом наказывал и клеймил. И я сомневалась в нем, в его чувствах ко мне? Какой глупой я была! В этом вихре можно было захлебнуться! Я таяла от его ласки, от его требовательных губ и обжигающего взгляда зеленых глаз. Невероятный водоворот эмоций затягивал нас обоих. Мы не должны были этого делать. Студентка и директор, мисси и мисс, да даже наша разница в возрасте кричала о недопустимости этих отношений. Но нам было все равно, сейчас мы были друг у друга, были поглощены бурлившими в нас чувствами. И мы наплевали на весь мир.

— Выходи за меня... — мужчина обхватил мое лицо ладонями, прижимаясь своим лбом к моему. — Летта, я понимаю, что еще слишком рано. Ты молода, только учишься, в конце концов, ты дочка первого советника. Да, мы мало знакомы. Но я не хочу потерять тебя снова. Я не готов.

— Я... я... — не знала, что ответить.

Не была готова к подобному. Слишком быстро, слишком запутанно. Мы знали друг друга месяц, большую часть которого цапались и скрывались один от другого. Эти взгляды, они ведь ничего не значили. Я даже не была уверена, что люблю его! Но что будет, если сейчас я ему откажу? Отвернется ли он от меня? Ну почему эти мужчины все время все портят?! Нам ведь так хорошо было вместе. только что, зачем спешить?

— Я понимаю и не буду давить. Отдохни, приди в себя, привыкни ко мне и моему присутствию рядом. Я не требую ответа немедленно, — покачал головой блондин, все еще прижимая меня к себе. — Я понимаю, что на тебя и так куча всего навалилась. И впереди

тебя ждет еще многое. Испытание и император — лишь малая часть этого, но позволь мне просто быть рядом.

Георг понимал меня и мои опасения. Если бы он начал давить, я бы испугалась. Как и всякую женщину, меня пугали такие резкие перемены, и настойчивость мужчин никогда не привлекала. Я опасалась принимать решения под влиянием нахлынувших чувств. Но этот хитрый жук поступал по-умному, я не могла это не отметить. Забил территорию, показал серьезность намерений и надеется меня приручить.

— В лазарет, пожалуйста, — попросила я, не желая отвечать сейчас на неудобный вопрос.

И Георг понял, кивнул и пошел куда-то вглубь стеллажей, все еще держа меня на руках. А я так увлеклась размышлениями, что не сразу заметила рамку портала, открывшегося перед нами. Боги, неужели он не знает о моей особенности?! Впрочем, глупый вопрос, откуда бы ему знать. Нигде не было указано о моей непереносимости порталной магии, об этой маленькой детали знали немногие, и я не спешила посвящать других.

— Нет! Только не портал! — успела крикнуть прежде, чем он ступил в переливавшееся всеми цветами радуги овальное кольцо света.

Георг

Я сжимал в руках маленькую хрупкую ведьмочку и не верил своему счастью. Виолетта доверчиво ластилась ко мне, пробуждая древние инстинкты. Оберегать и защищать. Сколько она пережила на своем коротком веку? А сколько ей еще предстоит пройти, я даже думать не хочу. Все это время я сдерживал себя, прекрасно понимая, почему нам нельзя быть вместе. И дело не столько во мне, сколько в ней самой.

Я с усмешкой вспоминал нашу первую встречу. Маленький, перепуганный зверек. Она столкнулась с нами — мной и будущими дознавателями — и на ее чумазом лице был виден не только страх, но и готовность защищаться всеми возможными способами. Я даже не сразу узнал в этой оборванке мисси Ди Крейн. Вся империя гудела несколько месяцев, по всем большим городам висели ее портреты. Исчезновение девчонки поставило всех на уши, император был в гневе — пропала дочь его друга, и никто не мог ее найти. Я также не мог поверить, что вот она, передо мной, так просто, в богами забытом месте почти на границе. А потом она начала нести какой-то бред, бессвязный набор звуков, малышка помутилась рассудком на почве пережитых стрессов. Впрочем, тогда меня это мало касалось. Моей задачей было вернуть ее отцу, а там бы он сам разбирался с маленькой сумасшедшей мисси и ее питомцем. Да, у нее был питомец или даже фамильяр, судя по той связи, которая ощущалась между этими двумя. Девочка даже общалась с аркой, когда думала, что мы этого не видим. Удивительно, как ей удалось так просто приручить такого зверя. Ведь арки не поддаются контролю, магия на них не действует, и они ни разу не были чьими-то фамильярами, насколько мне известно.

Да только и на хозяйке чары давали сбой. Девушка умудрилась заработать пищевое отравление, а мы, как олухи, не знали, что с ней делать. Магия на нее не действовала, она как будто отбрасывала от себя наши заклятия. И даже мои — архимага — были для нее не больше чем пустым сотрясением воздуха! Тогда я подумал о семейной защите. Да и парни со мной согласились. Не могла простая девчонка обладать такой силой. А мы не могли ее бросить умирать, не зная, как помочь. Порталы дальнего расстояния тоже сбивались и чудили с координатами, пришлось использовать выданные на крайний случай амулеты. Но и те быстро разряжались, не желая работать рядом с Ди Крейн.

Ее папочка встретил нас далеко не так радостно, как хотелось бы. Боевым заклинанием, выпущенным из амулета. Нет, я бы поступил на его месте так же, если неизвестно кто вламывается на территорию замка без дозволения, но дочь-то по ауре можно было признать! Он не маг, но какие-то привилегии как у главы рода у него должны были быть. Книга рода, допустим, с аурами всех родственников, как это было у Фейербахов. Конечно, заклинание мы отклонили и девочку с рук на руки передали. От всяких наград благородно отказались, хотя парни и смотрели на меня волком, и отбыли восвояси от греха подальше.

Про Виолетту я забыл уже через два часа. И не вспоминал аж до вестника, который был прислан ее отцом через несколько недель. Он просил быть провожатым ее дочери. Меня, директора Академии магических искусств — простым провожатым! Я бы отказался, да награда была более чем заманчивой. Редкая книга с заклятиями древних. Такие дороже золота ценятся, их по всему миру едва ли с десятков наберется. Я согласился и продешевил, как понял потом. Девица пришла в себя, вела себя до безумия высокомерно и совсем не горела желанием трястись со мной всю дорогу. Наглая аристократишка сама из себя ничего еще не представляла, а все туда же, важная особа — кланяйтесь ей в ножки. Малолетка без понятий о жизни и ее ценности.

Я помнил наш разговор на поляне. Тогда я молил богов, чтобы мне хватило терпения не перекинуть ее через колено и не надавать по заднице, которая так и рвалась на поиски приключений. А ведь я отвечал за нее головой.

— Вы не слишком-то дружелюбны, — я попытался наладить контакт, пойти на примирение, в конце концов, в замке Ди Крейнов я сорвался первым. И как мужчина я должен был пойти на уступки.

— А вы не спешите исполнять свои обещания, — девчонка дерзила, смотря прямо в глаза, не то что не принимая меня за старшего, она меня за равного не считала. — Мы уже достаточно отъехали от ворот, а я все еще наблюдаю вас с нами.

— Я уеду в ближайшем городе, не беспокойтесь. — Я не привык к такому обращению, особенно со стороны представительниц женского пола. Возможно, поэтому мне захотелось позлить ее в ответ, задеть ее чувства так же, как она задела мои. — Часа три — и я избавлюсь от ненужного груза, а вы спокойно поедете дальше. Куда вы там направляетесь? В школу для магически отсталых?

Глаза девицы вспыхнули плохо скрываемым гневом. Я почувствовал удовлетворение, наблюдая ее тихую истерику. Да все академии этого мира — ничто по сравнению с тем, что вам может дать Академия магических искусств. И каждый житель не только нашей империи, но и остальных королевств знал это. Каждый, кроме нее, судя по всему.

— Лучше быть магически обделенной, чем обделенной умственно, — пошла она в открытую, сверкая глазами.

Я опешил от неприкрытой издевки. Не замаскированное ничем оскорбление — совсем не в духе аристократии. Да только малолетка Ди Крейн уже взяла себя в руки и поспешила скрыться с поля боя. А это было именно оно, поле боя на войне, которую развязала эта девчонка. И пусть бой мной проигран, победу в войне одержу я. Что ж, ты привлекла мое внимание, маленькая Летта.

— О, стало быть, вам не повезло вдвойне! — последнее слово всегда должно оставаться за мной.

И пусть она думала, что я не увижу ее эмоций, ведь идеально ровная спина все так же удалялась из виду, да только сжатые кулачки прекрасно выдавали ее с головой. Девочка

злилась. А я испытывал какую-то детскую радость от такой жалкой для мужчины победы. Тогда Виолетта Ди Крейн поселилась в моей голове, стала навязчивой идеей. И я твердо решил, что не уйду, несмотря на все ее попытки отвязаться от меня. Пусть мучается, бедняжка. Ведь избавлялась она от меня явно с какой-то целью. И я даже узнал с какой. Намного позже, после нашего разговора в гостинице.

— Помнится, кто-то обещал уехать... — девочка первой пошла на контакт, пусть и в такой привычно нагловатой форме.

А мне захотелось позлить ее. Я видел, как она закатывала глаза, наблюдая за мной и рыженькой обаятельной дамой. Признаться, не сдержался, видя ее смущение.

— Вам обещали другое, мисси. Совершенно другое... — я знал, какое впечатление произвожу на девушек. И знал, как лучше преподнести себя. Ведь давно не маленький мальчик.

А эта мелкая стерва, вместо того чтобы растечься возле моих ног восторженной лужицей, начала мне угрожать. Мне, директору, она угрожала исключением! Да даже мисс Лионель не мог указывать архимагу. Только Совет, только император. А тут эта пигалица откровенно нарывалась. Мне стало смешно. Она явно не знала, кто я и чем занимаюсь. Дитя, маленькое неопытное дитя, которое пытается играть во взрослые игры.

— Хорошо, я уйду, но, не дай Триединые, ты попадешься мне еще раз на глаза.

Мне стало скучно. Я ожидал от нашей перепалки большего. Я даже испытал разочарование. Такое детское, как когда на Лунный день ты ждешь от родителей одного подарка, о котором говорил весь год, а в итоге получаешь совершенно другое.

Конечно, я не мог так просто бросить выполнение своей задачи. За малышку я отвечал перед ее отцом, да и плату нужно отрабатывать. Я следил за девчонкой тайно. И каким же было мое удивление, когда она вечером собралась и покинула гостиницу для того, чтобы продать драгоценности. Этого я понять не мог. Зачем? Ведь, несмотря на явную нелюбовь со стороны семьи, я сомневался в том, что первый советник оставит дочь без поддержки. Но она упорно набивала цену, как опытная торгашка, и в конце получила свои девять золотых и воришек на хвост. И если арка меня заметила, в этом я уверен, и только потому не стала ничего предпринимать, доверившись мне, то маленькая стервочка была наивной девочкой и не замечала ничего, блуждая в своих мыслях. А я все больше убеждался в том, что воспринял ее совсем не такой, какой она была на самом деле. Воришек я, естественно, отправил обратно в лавку с наказом передать пламенный привет владельцу.

Виолетту Ди Крейн довел до столицы и распрощался с ней возле ворот, надеясь, что больше не встречу ни ее, ни противную птицу, зорко следившую за мной все это время. Но и в Академии меня ждал сюрприз: мой давний друг Этьен решил вновь сменить внешность. Я даже не сразу узнал в этом молодом красавце противного старика-метаморфа. Декан факультета менял личину раз в два-три года, конечно же с разрешения Совета. Все метаморфы имели магическое тату на шее, запрещающее им применять собственную магию без дозволения вышестоящих.

— Этьен, старый плут, давно не развлекался со студентками? — хлопнув друга по плечу, усмехнулся я.

— В этом году такие ведьмочки поступили, одна краше другой, — закатывая глаза, признался повеса об истинных причинах своего преображения.

— Ты смотри, Люсинда узнает, что девиц ее портишь, — вовек не отмоешься от любовных зелий.

— Я осторожно, не впервой же, — лукаво блеснул тот глазами.

И не скажешь, что этому молодому парню скоро триста лет стукнет и уже пора гроб и тапочки выбирать. Все туда же, за юбками бегают. Нет, я и сам не без греха, иногда такие экземпляры попадаются, что грех устоять, но после вступления в должность времени на развлечения становилось все меньше.

— Ты где пропадал? Месяц без работы, на тебя не похоже.

— Да так, выполнял просьбу первого советника.

— Лионеля Ди Крейна? — переспросил друг, нахмурившись.

— Его, — кивнул я. — Дочь у него нашлась. Поступает в этом году, вот он и просил помочь.

— К нам поступает?

— Куда там, девчонка без магии родилась, к каким-то благородным девам едет.

— Такая семья — и без достойного наследника, — покачал головой друг. — Может, хоть мисса Дамина родит одаренного мальчонку. Пора бы уже, год женаты.

— Не нам решать, пусть сами со своей семьей разбираются.

На том и закончили, забыв про семейство Ди Крейнов и занявшись накопившимися делами. А на следующее утро в мой кабинет вломилась она — девчонка, не желавшая покидать мои мысли и, судя по всему, мое общество. Точнее, в мой кабинет первым вошел Этьен, неприлично довольный собой, а вот мисси Виолетту пришлось приглашать самому. Уж больно испуганной выглядела малышка, сжавшаяся в дверях. И каким же было мое удивление, когда я понял, что она подралась! Леди, маленькая хозяйка замка, вела себя как дворовая кошка! Славный повод уволить надоевшую госпожу Франклин и приструнить зарвавшуюся нахалку. Пусть поработает в пыли, сбавит спесь!

Ничего не вышло, и тут облажался. Девчонка Ди Крейн прекрасно справилась и с работой, и с последствиями магического выброса, поставившими под угрозу всю Академию. Меня приставили следить за ней и всячески опекать до того, как Совет с ней разберется и выяснит особенности ее магии. Да, я знал, что из девчонки хотят сделать подопытную зверушку. Она — отличная возможность для многих из нас заполучить еще больше силы. И уж ушлые маги не упустят такой шанс. Да только я тоже маг, и еще более ушлый, чем они. Зачем отдавать такой прекрасный экземпляр с чистой магией в чужие руки, если можно держать ее рядом? Всего-то и стоило поиграть на ее расшатанных после всего произошедшего чувствах. Чуть-чуть опеки, взгляды из-под ресниц, дополнительные занятия, про которые я бессовестно наврал. Да, меня не заставляли работать с ней. Зачем? Магам из Совета нужна была ее сила, но не умение с ней работать. И я тоже не собирался ее этому учить. Базовые заклятия огненной стихии прекрасно подходили для проработки жестов и разработки пальцевых суставов, но и не более того. Со временем я разжег ее желание. Девушка, сама того не замечая, тянулась за моей рукой. А всего-то и стоило задержать ее в объятиях чуть дольше, чтобы навесить нужное заклятие. «Губящая страсть» — прекрасное, но опасное заклинание наведенных эмоций, спасибо ведьмам за его создание. Все начинается с простого чувства томления в груди и заканчивается безумным притяжением к объекту, устоять перед которым нет возможности. Единственный минус: нужно было закрепить магию на теплом чувстве, но и тут все сыграло мне на руку. Малышке не хватало светлых эмоций — я ей это дал, и она поверила в мою игру, проникнувшись ко мне симпатией.

Первый поцелуй — и я ощутил бурлящую в ней силу. Невероятно! При должном умении

ее резервом можно было сжечь дотла половину академии! Как жаль, что она оттолкнула меня быстрее, чем я успел настроить между нами связь. Передача энергии могла начаться уже тогда. Но она, словно что-то чувствуя, сбежала от меня, хлопнув дверью. А в моей голове выстроился план действий, в который совсем не укладывалось ее исчезновение. И сейчас я снова нашел ее. Сперва я испугался, что малышку раньше положенного забрали члены Совета. Этого я допустить не мог. Она должна стать моей. Навсегда. Ее сила будет моей. А единственный способ избавить ее от притязаний Совета — это сделать своей женой. Пусть и так, на время, а потом похожу с полгода безутешным вдовцом, потерявшим любимую жену. Глядишь, ее папаша отсыплет с барского плеча золотых.

— Выходи за меня... — решился я, надеясь на нужную атмосферу. — Летта, я понимаю, что еще слишком рано. Ты молода, только учишься, в конце концов, ты дочка первого советника. Да, мы мало знакомы. Но я не хочу потерять тебя снова. Я не готов, — и почти не соврал. Я действительно не готов потерять такой шанс заполучить чистую силу.

— Я... я... — вместо того чтобы обрадоваться, девица смотрела на меня полными ужаса глазами.

Догадываться о моих планах она не могла, просто не хватило бы знаний. Ритуалы изучают только маги, на пятом курсе. Значит, она просто боялась. Ответственности, наведенных чувств. Но ничего, у меня есть и время, и способы ее убедить.

— Я понимаю и не буду давить. Отдохни, приди в себя, привыкни ко мне и моему присутствию рядом. Я не требую ответа немедленно, — покачал я головой, прижимая ее к себе. — Я понимаю, что на тебя и так куча всего навалилась. И впереди тебя ждет еще многое. Испытание и император — лишь малая часть этого, но позволь мне просто быть рядом.

Да, просто позволь, а там уже в полную силу раскроется твое притяжение ко мне. Лишенная чести, она обязана будет выйти за меня ради сохранения репутации. Да, прекрасный план. А сейчас доставляем ее в лазарет и отправляем вестник Совету. Бедная девочка нашлась, но — горе, какое горе! — травмирована и обессилена. А там неделя на отдых — и все, она моя. Прекрасно, просто прекрасно.

С этими мыслями я строил портал, который перенесет меня и мою будущую супругу к лекарям. Портить такое тело — преступление. Все-таки я мужчина, поразвлекаться с ней будет даже забавно.

— Нет! Только не портал! — услышал, стоило шагнуть в светящийся проем.

— Почему? — только и успел спросить, прежде чем нас оторвало друг от друга и с силой раскидало в разные стороны. Меня швырнуло к конечной точке перехода, как и положено, ее же затягивало в светящуюся стенку телепортационного туннеля. Виолетта словно тонула в вязком желе, и я ничего не мог поделать, сила не пускала меня к ней. Демон! Порождения проклятого бога, как же я мог забыть о ее непереносимости пространственной магии! Куда ее вышвырнуло, черти ее раздери?! И главное, как мне теперь найти ее?

— А ты смелая.

— Некоторые считают это наглостью.

— Смелость — это когда свои права отстаиваешь, а наглость — когда чужие себе забрать хочешь.

Екатерина Лесина «Проклятие двух Мадонн»

— Почему? — удивленно спросил мужчина, прежде чем нас оторвало друг от друга.

Меня впечатало в стену перехода, да так, что дух вышибло, и я зажмурилась от звона в ушах. Пытаясь принять вертикальное положение, ухватила за полупрозрачную стену, но моя рука с хлопаящим звуком провалилась внутрь. Я с ужасом наблюдала, как переход медленно пожирает мое тело. И как бы я ни пыталась вырваться из цепких лап портала свою конечность, меня все сильнее затягивало в цветную жижу, словно в желе. Ощущение премерзкое.

Георга еще раз мотнуло в сторону, отбрасывая. Он пытался прорваться ко мне, но его что-то не пускало, и в конечном итоге вышвырнуло из перехода в черный провал конечной точки. Я осталась один на один с вредной магией, поглощавшей меня. Может, действует принцип зыбучих песков? Чем больше я сопротивлялась, тем больше меня затягивало внутрь? Я попыталась расслабиться и прекратила дергать рукой, которая увязла уже по плечо. Но противный переход, похоже, только обрадовался моему смирению и с радостно-хлопающим звуком затянул половину меня. И я, наконец, увидела, с той стороны уютную комнату. Спальню, если быть точнее. Огромная кровать с балдахином занимала почти все пространство, а зеркало в тяжелой золотой раме отразило меня, перепуганную и грязную. Слух улавливал не то вой, не то сигнализацию. Видимо, своим неожиданным визитом я нарушила защитное плетение. Если меня сейчас найдут выглядывающей прямо из стены, доказывай, что я не грабитель!

— Надо выбираться быстрее... — решительно произнесла я, оглядываясь, словно воришка, и уверенно шагнула вперед.

Попыталась, точнее. Портал, видимо, еще раздумывал, стоит ли выбросить меня именно в этой точке или все же найти другую. Половина моего тела уже висела в воздухе, в то время как ноги все еще чувствовали пружинистый пол перехода. И если противная магия решит, что место ей не нравится, меня располовинит. Я начала отчаянно вырываться из плена порталной магии.

— Выплюнь! Выплюнь, кому говорят! — выкрикнула я, забыв о конспирации.

Все мои мысли вмиг растратили свою адекватность. В голове крутились картинки одна страшнее другой. Вот охрана находит половину моего тела — верхнюю часть тела грязной, всклокоченной девицы. А нижнюю выбрасывает где-то в лесах империи, и ее съедают дикие звери. Паника охватила мое сознание. Я уперлась в стену руками и попыталась вытащить себя из западни. Да только моих сил явно не хватало.

— Да отпусти ты уже! — гневно закричала я на противную воронку света.

— Куда отпустить? — с любопытством поинтересовался мужской голос.

Я бросила неблагодарное занятие, подняла голову и уставилась прямо на мужчину, стоявшего передо мной и с любопытством осматривавшего стену. Нет, ну каков наглец! Его взгляд прошелся по мне, особо задержавшись на груди, и скользнул дальше, наткнувшись на

препятствие. Его это явно заинтересовало. Он удивленно приподнял бровь и потрогал стену. Еще и постучал по ней, проверяя прочность.

Ты ее еще лизни! Не видит, что ли, тут люди погибают, а он стоит и пялится! Нет чтобы помочь. А это идея, кстати!

— Помогай, давай! — потребовала я с возмущением. — Чего стоишь без дела?! Не видишь, у мисси проблемы?

— Ну, давай руки, мисси, — усмехнулся незнакомец, протягивая мне свои лапищи.

Нет, не руки, именно что лапищи. Потому как мои бедные ладошки в его гигантских просто утонули. Их с силой сжали — точно синяки будут — и потянули на себя. Я почувствовала, как плотная стена начала постепенно твердеть. Переходу не понравилось вмешательство, и он решил меня все-таки убить. Видать, чтоб не мучилась.

— Быстрее! Да тани ты уже, что ты как девчонка! — прикрикнула я на мужчину, начиная истерить.

Умирать не хотелось. Особенно не хотелось умирать из-за чужой глупости и нерасторопности. Глупость, естественно, принадлежала Георгу, который затащил меня в переход. А вот нерасторопным был мой невольный спаситель.

— Сама ты ненормальная! — огрызнулся мужчина и с силой дернул меня.

А я обрадовалась как дура, почувствовав, как движется мое тело сквозь стену.

— Еще!

— Что еще? — не понял спаситель. — Еще раз ненормальной обозвать?

— Совсем больной? — засомневалась я в адекватности помощника. — Еще раз дерни меня!

— А-а-а-а, — протянул тот. — Это могу.

— Только быстрее, пожалуйста!

Свечение уже не так ярко мигало, и это навевало нехорошие мысли о скорой смерти. Мужчина потянул меня, резко дернул, и я вывалилась из стены в самый последний момент, упав на незнакомца. Воронка портала с громким хлопком захлопнулась в сантиметре от моих ступней. Я всхлипнула, прижимаясь к своему спасителю. И неизвестно почему просипела:

— Туфли жалко...

А их действительно было жаль: новенькие лакированные туфельки. Одна осталась валяться в порталном переходе, вторая безнадежно испортилась. Воронка сомкнулась, когда каблук все еще был на той стороне.

— Ненормальная, — выдохнул мужчина мне в макушку.

Я удобно устроилась в его объятиях, не испытывая положенного в такие моменты смущения. Когда падала, незнакомец принял весь удар на себя, и, я уверена, его хребту не повредилось. Но сейчас наглые ручонки поглаживали меня по спине и так и норовили сползти пониже. Пришлось прекращать безобразие. Где-то там меня ждет Георг и, небось, сходит с ума. А я здесь с мужиком тискаюсь. Кстати, а здесь — это где?

— Не подскажешь, куда меня выбросило? — поднимаясь с удобного лежака, спросила, отряхиваясь.

Хотя это вряд ли поможет. Платье только на помойку, обувь туда же, а меня саму в ванну — отмокать от грязи. Невольно вспомнила о сломанной ноге. Как-то за переживаниями боль забылась, а сейчас, когда страх отошел на второй план, она о себе напомнила. Я поморщилась, что не укрылось от взгляда незнакомца. Кстати, выглядел он

очень даже. Презентабельный, явно не простой парень и не слуга — те ходят в форме. Высокий, плечистый, этакий богатырь из русских былин. Волосы цвета воронова крыла собраны в низкий хвост, а темные, почти черные глаза смотрели прямо в душу. Если красота Георга была нежной и вызывала восхищение — своего рода принц, эталон женских мечтаний, то от этого персонажа веяло хищностью и опасностью, настоящей мужской силой, которая проявлялась буквально во всем. У него нос с горбинкой, а ямочка на подбородке притягивала взгляд. Нет, назвать его красивым сложно, но волнующим, притягательным и опасным — легко.

— Что с ногой? — кивнул он на мою пострадавшую конечность.

— Перелом, — грустно выдохнула, отметив, что на мой вопрос мужчина не ответил.

— Ясно. Лекаря позвать? — спокойно полубопытствовал, будто не сам минуту назад возмущался не хуже меня.

— Буду благодарна. Я Летта, кстати, — представилась, протягивая руку.

— Кайрос.

И если я думала, что руку мне пожмут, то вместо этого мою ладошку сцапали и прижались к ней губами. Всего на секунду я почувствовала легкий укол, как будто меня укусила букашка. Но мою конечность отпустили, и ощущение пропало.

— Как интересно... — задумчиво произнес брюнет, усмехаясь.

— Что именно? — не поняла я.

Да только отвечать мне не собирались. Кайрос обаятельно улыбнулся и пошел к выходу, оставив меня наедине со своими вопросами. Нет, может, оскорбиться? Ну сколько можно?! Вечно надо мной потешаются.

Пока я раздумывала над несправедливостью, Кай меня покинул. Хлопнула дверь, и я услышала щелчок замка. Замуровали, ироды! Я бросилась к двери и подергала ручку. Закрыто. Нет, ну что за сволочь? Понятно, что я появилась в этом месте не совсем традиционным способом и доверия мне нет, но не закрывать же меня в спальне! А что подумают люди? Произвол. Разрушенная репутация.

— Отставить панику, — хлопнула я себя по щекам, призывая разбушевавшуюся психику к адекватному поведению.

Я прошлась по комнате, морщась от боли, и осмотрела каждый уголок.

Вообще спальня была аскетично обставлена, если не обращать внимания на цену немногих вещей. Огромная кровать, застеленная покрывалом темно-красного цвета. Тумбочки рядом с ней запертые — я подергала ящики из любопытства. Зеркало в тяжелой золотой оправе. И камин, перед которым раскинулся черный ковер. Вот и все убранство. Да только, приглядевшись, можно понять, что покрывало не простое, я таким в замке Ди Крейнов укрывалась — прошитое золотой нитью. Ручки тумбочек не то серебряные, не то платиновые. А оправа зеркала вообще инкрустирована мелкими драгоценными камнями. О роскоши того же ковра даже думать не хотелось. Тоже, судя по всему, не простой предмет интерьера. В общем, неизвестно, куда я попала, но Кайрос — а судя по всему, комната его — вполне мог позволить себе жить как первый советник, и даже лучше.

Увидела кочергу и осталась этим довольна — хоть какое-то оружие. Будет лезть — проломлю череп. Воин из меня, конечно, так себе, особенно против такого детины, но хоть припугну.

Я еще недолго походила по комнате, но моего спасителя все не было, а я устала. Набравшись наглости, залезла на кровать, скинув туфлю на пол. И пусть я грязная и порчу

чистую постель — сам виноват, нечего оставлять девушку без присмотра. Я, может, голодная и злая? Что недалеко от правды...

В дверь пару раз стукнули. Вежливые, ты погляди! Раздался щелчок замка, и в приоткрывшуюся щель всунулась голова Кайроса. Мужчина осмотрел комнату, нахмурился, еще раз осмотрел и только тогда заметил меня, спрятавшуюся на огромной кровати. Удовлетворенно выдохнул и, кивнув, вновь захлопнул дверь. Я вначале не поняла, что это было. Растерялась. Но дверь снова открылась, на этот раз полностью, пропуская слуг с подносом и дедушку в белом балахоне. Еда и... лекарь? Какое обслуживание, любой отель от зависти помрет.

— Милая, как вы? — любопытствовал старец. — Я мисс Феллаган, лекарь, — подтвердил мои мысли мужчина. — Сейчас я вас осмотру, дорогая, и сможете спокойно пообедать.

Он видел, каким голодным взглядом я провожала поднос с едой, который поставили на тумбочку, а потому поспешил приступить к осмотру, даже не дождавшись моего ответного представления. Сервис — пять звезд, однозначно.

— Что ж вы так, о своем здоровье думать надо, — покачал головой мужчина, исследуя мое состояние. — Перелом, истощение, и я вижу, вы совсем недавно применяли какое-то мощное заклинание. Совсем себя не любите... О Триединые! А эта мерзость на вас откуда?

— Что? О чем вы?

— На вас заклятие, — пояснил лекарь, нахмурившись. — Вы не знали?

— Нет, — отрицательно махнула я головой. — Откуда бы...

— Очень сильная магия, завязанная на эмоциях, — перебил меня мисс Феллаган. — Я вот только пока не пойму, то ли это «Губящая страсть», то ли «Приворот тьмы». Но вам не понравится ни один из вариантов. Вы в последнее время не чувствовали ни к кому сильного притяжения?

— Я... я не уверена, — промямлила я.

Почему-то сразу вспомнился Георг и моя тяга к нему. Ведь я сама не могла поверить в резко вспыхнувшие чувства. С чего бы мне, взрослой женщине, кидаться в этот омут с головой? Но не мог же он, верно? Да и зачем ему это? Возможно ли, что и сам Георг был не в курсе заклятия?

Сознание гаденько нашептывало, что дело в моей силе, которую вполне можно прибрать к рукам. Но я отмахивалась от этих мыслей. Еще нужно доказать, есть ли у меня какая-то сила и смогу ли я ей управлять, а потом уже строить теории заговоров.

— В любом случае снять эту гадость я смогу, но вот с последствиями вам придется разбираться самой, милая.

— Последствиями?

Боги, ну почему за все нужно платить? За жизнь — плати, за силу — плати, да даже за снятие проклятия должна заплатить я, а не проклявший.

— Конечно. Вначале будет непреодолимое желание вернуться к объекту ваших чувств, потом вы будете испытывать к нему ненависть, плавно эти чувства будут сходить на нет, пока следы навешанной магии полностью не выйдут из вашего организма. Не могу сказать, что будет, если вы встретитесь снова. Вполне возможно, попытаетесь его убить. Но самый сложный этап — первый, сложнее всего перебороть притяжение.

— А кто применил и к кому, вы сказать не можете?

— К сожалению, — покачал головой лекарь, грустно смотря на меня. — Все, что я могу,

это снять заклятие. На этом все.

Не о заклятье ли говорил Кайрос? Помнится, он заметил что-то интересное во мне, развеселившее его. Как вернется — допрошу с пристрастием. А пока стоит решиться: снимать его сейчас или походить с ним, чтобы выяснить, кто меня так одарил. Мисс Феллаган сказал, что я буду испытывать притяжение к объекту после снятия проклятия, и, наверное, лучше все же сделать это сейчас, когда я нахожусь далеко от Георга. И когда неясно, как возвращаться обратно. Да и ненависть... Не хотелось испытывать такие негативные чувства к человеку, который мне так помогал. Нет, лучше сделать это сейчас, чтобы у меня было время прийти в себя.

— Хорошо. Я буду вам благодарна.

Старый лекарь просиял, довольный моим решением. Видимо, он сомневался в моем здравомыслии.

— Славно. Тогда мы подлечим твоё физическое состояние, а потом примемся за заклятие. Нам понадобится помощь Кайроса, — как бы между прочим обронил старик и тут же принялся быстро тараторить: — Кто же доводит себя до такого состояния? Нет, ну вот посмотри на свою лодыжку! Это же ужасно. Как ты только ходила с таким переломом? А твоё истощение?! Ты побывала в пасти у темного элементаля? Нет, дорогая, ну нельзя же так!..

Его руки порхали с такой прытью, что я не успевала следить за ними. Резвый, несмотря на свой возраст, старичок успевал и говорить, и работать. Его магия отличалась от магии Алесандры: она использовала нити и ленты для воплощения силы, а мисс Феллаган — простое свечение, которое чем-то походило на чистую силу. И как мне уже было известно, такая сила применялась только при малоёмких заклятиях. Например, парень-лекарь в начале учебного года вылечил мне ребра таким же свечением, используя простейшее заклятие сращивания костей. Этот же «простой» дедушка применял магию на три-четыре порядка выше, чем могла бы применить Алесандра. Кто же такой этот Кайрос, если у него такие непростые работники?

— Ну вот и все, — выдохнул дедок. — Отдых и покой, дорогая — вот что тебе нужно. Давай-ка мы твоим проклятьем займемся завтра. Боюсь, твой организм не выдержит таких перегрузок. Да и подготовить все надо... Да, точно...

Я попыталась сесть, чтобы достойно проводить пожилого человека, но, почувствовав головокружение и тяжесть, рухнула на подушки.

— Лежи-лежи, не вставай. Я загляну к тебе завтра, а пока отдыхай.

— Спасибо вам! — успела выкрикнуть прежде, чем за добрым дедушкой закрылась дверь.

Осталось выяснить, где нахожусь и как вернуться обратно. Судя по языку, я в пределах империи. Значит, все не так плохо. О своём происхождении, вероятнее всего, лучше умалчивать. У отца много врагов, желающих покуситься на него, и такой маленький бонус в виде меня они не упустят. Так что помалкиваю, узнаю обстановку и пытаюсь вернуться в Академию. Там Лариса, небось, поставила всех на уши. Мысль о бравой подруге заставила грустить. А ведь где-то ещё император ждет и Совет... Мда, положение аховое.

Пока я лежала и предавалась унынию, мой желудок урчал, словно трактор в поле, пытаюсь напомнить о себе и потребностях организма. Да только подняться сил уже не было.

— Завывания твоего желудка слышны на всю округу, — дверь приоткрылась, и в комнату зашел Кайрос.

— Ну прости. Ваши лекари, скорее, добивают, нежели лечат, — пошутила я. На самом деле чувствовала я себя значительно лучше, чем до визита мисс Феллагана. — Я не могу сама поесть, как бы мне этого ни хотелось.

— То есть мне тебя еще и кормить? — притворно оскорбился мужчина. — А ты наглая!

— Не наглая, — возразила я, — просто я везде ищу выгоду. Ты вот зашел — корми меня теперь.

— А ничего, что это моя спальня?

— Ничего, — миролюбиво кивнула я. — Меня это не смущает.

— Нахалка! — восхитился мужчина.

Но все же сдался и подошел к тумбочке, на которой стоял поднос с едой. Жидкая каша, напоминавшая овсянку, с чем-то красным. Надеюсь, это не клубника, с детства на нее аллергия. Чай и две булочки, аромат которых заставлял рот наполниться слюной.

— Пока ты меня кормишь, можешь рассказать, где я очутилась.

Наглеть — так по полной, чего уж теперь-то теряться? Бить меня не бьют и вроде бы даже помогают. Непонятно с чего, но будем пользоваться ситуацией, пока это возможно.

— А потом я тебя искупаю, да? — игриво спросил мужчина, выразительно пройдясь по моей фигуре взглядом, полным огня.

— Спасибо, обойдусь, — не поддаюсь я на провокацию.

Возможно, находишься я в другой ситуации, ответила бы на заигрывания, все-таки Кайрос — мужчина хоть куда. Но на мне висело чертово проклятие, с которым еще надо разобраться, а на грани сознания витали мысли о Георге, как бы я ни пыталась от них отмахнуться.

Каша оказалась с ягодами, очень похожими на вишню. Горячая еда и вкусный чай — от булочек я отказалась — мигом завершили дело целителя, и мое расслабленное состояние стало еще более расслабленным. Стало клонить в сон. Я даже заподозрила применение сонного порошка, который, вполне возможно, был в еде.

— Стой, а разговор? — я попыталась ухватиться за рубашу Кайроса, но рука безвольной плетью упала на кровать, поднявшись всего на пару сантиметров. Мужчина уже собрал посуду на поднос и, похоже, собрался покинуть меня.

— Потом, ты уже спишь, — улыбнулся он. — Да и я от тебя никуда не денусь, все же эта комната моя.

— Смотри мне, — должно было прозвучать грозно, но получилось комично. На последнем слове я широко и с наслаждением зевнула, проглотив последние звуки.

— Спи, — прошептал мой спаситель, прикрывая за собой дверь.

И я вновь осталась наедине с собой и с господином Морфеем, быстро настигавшим меня. А ведь я так и не поблагодарила мужчину за спасение жизни.

По ощущениям проспала я недолго, несколько часов. За окном все еще стояла ясная погода, день, судя по всему, не перевалил за полдень. Тело было полно энергии и сил, меня потянуло на поиски приключений. Я подскочила с кровати, кое-как заправила постель — никогда не любила это неблагодарное занятие — и пошла на разведку и поиск пропитания. А еще было бы неплохо найти ванную. Это было задачей номер один в списке дел. На самом деле я не рассчитывала на то, что мне удастся выйти из комнаты, помня предыдущую попытку. А потому очень удивилась, когда дверь легко подалась. Меня то ли забыли закрыть, то ли посчитали, что делать этого не нужно. Зря, очень зря.

За дверью моей темницы скрывалась гостиная, судя по уютным диванчикам и низкому

столику. А еще меня очень заинтересовало, что за дверями, которых было аж четыре. Пять, если считать с той, в проеме которой я стояла, рассматривая обстановку. Ситуация напоминала мое первое утро в замке Ди Крейнов. И если не ошибаюсь, за двумя из этих дверей должны скрываться ванная и гардеробная, еще одна ведет в коридор, а вот зачем пятая — непонятно. Но что мешает мне это выяснить? «Ничего», — уверенно ответила я сама себе и открыла первую дверь справа.

Она сразу же вывела меня в коридор. Пол был застелен длинным красным ковром, на стене напротив двери висела картина. Я решила, что мне еще рано покидать свое убежище, и закрыла дверь. За второй скрывалась ванная, и я, радостно взвизгнув, понеслась к полочкам со всевозможными баночками, не забыв запереть за собой дверь на замок. Гостей в самый ответственный момент мне не хотелось, как бы я ни гордилась этим телом. Эксгибиционизмом я не страдала. Ванная была точной копией моей в родовом замке, только выполнена в темных тонах. Один дизайнер? Очень странно... Ну да ладно, подумаю об этом потом.

Ничего страшного, если буду пахнуть не цветочками, а древесной мятой, главное, что я чиста и свежа. А потрепанное платье кинем в корзину для грязного белья, надеюсь, слуги не удивятся такой находке в вещах хозяина. Размерчик-то явно не Кайроса. Но обмен, по моему, справедливый. Я ему платье, он мне банный халат, концы которого волочились за мной по полу.

За следующей дверью скрывался кабинет хозяина апартаментов. Туда я вломилась с такой же наглостью, как и в другие комнаты. Признаться, думала, что совершенно одна нахожусь на всей этой территории и была очень удивлена, увидев Кайроса и гостью, сидевшую напротив него. Девушка, надо сказать, была красивой. Утонченная, хрупкая, в длинном золотистом платье в пол, сшитом по последней столичной моде. Я такие в витринах магазинов видела. Цена у них была просто баснословной. И пока я разглядывала парочку, они смотрели на меня. Я как-то не сразу вспомнила, что стою в мужском халате на голое тело и ситуация двусмысленная. И если Кайрос отнесся к моему вторжению весьма равнодушно, словно ожидал увидеть меня здесь, то блондиночка явно пришла в шок. Ее лицо покрылось красными пятнами, а ярко накрашенные розовые губы скривились в презрительной ухмылке.

— Что, очередное совпадение? — взвизгнула она.

— Совершенно верно, Аллана, — издевательски усмехнулся Кайрос, переводя взгляд на блондинку. Его совершенно не волновала неловкая ситуация, в которой мы все оказались. — Это не более чем стечение обстоятельств. Случайное.

— И ты мне все объяснишь? — в голосе незнакомки послышались слабые нотки надежды, словно она сама не верила в то, что говорила.

— Нет, — отрицательно качнул головой мужчина.

А я почему-то поняла, что надо валить, несмотря на спокойствие Кайроса. Похоже, я невольно стала свидетелем ссоры двух возлюбленных. По крайней мере, любовниками они точно были. Мы, девушки, всегда чувствуем эти искорки, летающие вокруг. А я только подлила масла в огонь. Нехорошо.

Я выскочила из кабинета, не желая становиться участницей ссоры. И так дел натворила, не удивлюсь, если Кайрос будет в гневе после моей выходки. Это он там, перед своей пассией, лицо не терял, а потом я получу взбучку, и надо быть во всеоружии. Лучшая защита — это нападение. Сам меня одну оставил, в конце концов. А мне скучно, сил много, и

вообще, нечего приводить свою любовницу, когда в комнате другая девушка спит. Я мысленно усмехнулась, уже предвидя наш разговор. Дверь в спальню открыла с улыбкой и веселым настроением, совершенно не ожидая увидеть кого-то постороннего. Вальяжно раскинувшись, на кровати лежала очередная девушка. Я видела только силуэт, балдахин мешал рассмотреть девицу более подробно. Нет, ну совсем охамели эти любовницы.

— Девушка, простите, вы дверью не ошиблись? Кайроса здесь нет, и я не думаю, что ему понравится такое... поведение.

На самом деле я не знала, что ему может понравиться, а что нет. Может, он и привык принимать гостей именно так, в собственной кровати. А тут я лезу со своими советами. Знакомы мы были до отвратительного мало. Но комнату я уже считала своей, и от посторонней личности хотелось бы избавиться в кратчайшие сроки.

— А я пришла не к нему, — ответила незнакомка, меняя позу.

Теперь она сидела на краю кровати, закинув ногу на ногу, и я могла рассмотреть ее. Очень красивая. Невероятно красивая. Топ-модели с глянцевого обложки обзавидовались бы такой внешности. Тонкое, хрупкое тело не лишено нужных форм. Белая кожа без единого изъяна, щеки с нежным розовым румянцем, алые губы. Копна кудрявых волос. И невинные голубые глаза. Блондинка олицетворяла саму хрупкость и притягательность.

— А к кому же? — спросила я, не подходя ближе.

Мали ли что девушка спрятала в своем платье, доверять незнакомке у меня повода не было. Тем более если она ревнивая любовница, пожелавшая большего и увидевшая на своем пути новую соперницу. Как наши с Кайросом отношения выглядели со стороны, я прекрасно понимала. Как и то, что слуги уже разнесли по всему дому весть о моем присутствии в его комнате. Вот и блондиночка не утерпела, пришла ко мне.

— К тебе, — подтвердила мои догадки девушка. — Я, конечно, не думала встретить тебя здесь, но да ладно.

— Здесь? А где мы должны были встретиться? — нахмурилась я. — И где это «здесь»?

Разговор мне не нравился. Я не понимала, о чем говорила незнакомка и чего она от меня хочет. Тем более у нее было явное преимущество. Она понимала, где мы находимся, судя по всему, знала меня или прошлую хозяйку тела, и отчего-то мы должны были с ней встретиться. Я же не знала ни ее, ни где нахожусь.

— Ну как это? — усмехнулась незнакомка, словно ее забавляла ситуация, в которой мы оказались. Ее веселило превосходство надо мной и моим незнанием. — Лиля, не разочаровывай меня.

О боги, откуда она знает? Знает не только, что я занимаю чужое тело, но и мое прошлое имя. В этом мире его знали двое: Лариса Ивановна, которая сейчас неизвестно где и которая, я более чем уверена, даже под пытками не выдаст мою тайну, и еще одна особа, которая, судя по всему, и сидит передо мной. Богиня этого мира и одна из Триединых, создательница Древа Игдарион.

— Вирсавия, — поприветствовала я ее кивком, на этот раз рассматривая пристальней и пытаясь уловить даже самые мелкие детали.

Почему же я не узнала ее голос? С внешностью все понятно, ее я не видела в той темноте. Но голос... Ведь слышала, и не раз. Он часто снился мне, а проклятая татуировка цветка на моей руке напоминала о событиях того дня.

— Уже лучше! — улыбнулась богиня. — Конечно, я не ожидала, что наткнусь на тебя здесь. В последний раз я наблюдала тебя в Академии. Но так даже лучше. Какой успех! Я в

тебе не ошиблась.

Для себя я выделила главное — за мной наблюдали. И, похоже, очень долго наблюдали, если знали, что я поступила. Конечно, неприятно было это осознавать, но делать нечего.

— Я не знаю, где нахожусь. Портал перенес меня сюда самовольно, — призналась не без умысла — надеялась получить ответы на свои вопросы, первым из которых было мое местонахождение. Ну и как бы между прочим стоило выяснить, что понадобилось Триединой. Ведь не было ее слышно все эти месяцы, а тут появилась. Не просто так.

— Тогда это многое объясняет. Хотя бы то, почему ты все еще жива.

— А не должна была? — нахмурилась я.

— Конечно, нет! Кайрос, насколько я знаю, очень трепетно относится к охране своих владений.

Известия поразили. Почему же тогда он не напал на меня в первую встречу? Ведь была возможность, просто прекрасная возможность. Может, именно из-за этого и не напал? Выглядела я жалко — застрявшая в стене девица.

— Кто такой этот Кайрос и где я нахожусь?

— О, дорогуша, ты попала в прекрасное место! Я в восторге, не зря я тебя выбрала из тысячи душ. Прекрасная работа.

— Конкретней! — начала я злиться на богиню.

— Леса Медлинга, — ответила девушка. Но мне это мало о чем говорило. Географию империи я знала до отвратительного плохо, точнее — не знала вообще. — Ты все еще в империи, на границе с королевством Шоардан. Королевством песков и ветров. У них лучшее вино из всех, что я пробовала, — закатила глаза Вирсавия. — Попробуй, я уверена, тебе понравится. У Кайроса должна быть бутылочка в закромах.

— Обязательно, — отмахнулась я от абсурдной идеи.

Мысли богини прыгали с одной темы на другую. Блондинка, вот уж точно. Типичная, про которых анекдоты рассказывают и которые не могут сосредоточиться на одной мысли. Слишком много всего в ее голове.

Занесло меня, конечно, далеко. Столица находилась на западе, далеко от пустыни, насколько мне известно. Отношения с шоарданцами у нее натянутые. Те, поговаривали, прикрывали имперских преступников, давая им политическое убежище.

— Дорогая, не хмурься, этому телу не подойдут морщины! — воскликнула богиня. — Я не зря выбрала тебе именно его. Пользуйся с умом.

— Надолго ли оно мое? — решила я прояснить еще один важный вопрос, который долгое время волновал меня.

— Навсегда, конечно же! Душа Виолетты ушла на перерождение. Бедная девочка. Ее так жестоко убили, было бы жаль держать ее в этом мире дольше. Она и так натерпелась.

— Ее убили?

Я, конечно, знала, что не все так просто с этим исчезновением, но чтобы настолько... Боги, а не угрожает ли и мне опасность? Если Виолетту убил кто-то из ее близких, он наверняка знает, что я — не она.

— Я не могла вселить тебя в тело с душой, это противоречит нашим законам, — надула губки блондинка. — Я не желаю слыть преступницей. А тут такой шанс, тело Виолетты Ди Крейн. Лучше просто не найти! Тебе очень повезло, моя дорогая, переродиться в таком теле. Пусть оно и горело раз, но, я уверена, работает отлично.

То есть мне не привиделось, очнулась я в самом деле в куче пепла. Моего пепла... По

телу прошла дрожь от осознания подставы, которую мне подстроила богиня. А ведь она явно ждала благодарностей и похвалы. Неужели не понимает? Или просто очень хорошо притворяется?

— Зачем ты здесь? — задала я вопрос в лоб.

Это явно пришлось Вирсавии не по вкусу. Она нахмурилась, недовольная моей прямоотой.

— Ты должна вернуть долг, — наконец, ответила она. — Плата за жизнь. Я пришла за ней. Ты ведь помнишь наш уговор, цветок иного мира? Я тебе новое тело и возможность прожить жизнь заново — ты мне желание. Все просто.

Чего-то такого я и ожидала, а потому не сильно удивилась. Вот только она не зря появилась именно сейчас, когда я нахожусь в этом месте. То, что Кайрос не простой работяга, стало понятно сразу. Не может в таких условиях жить кто-то со статусом ниже, чем у моего отца.

— Где я нахожусь? Почему ты появилась именно сейчас, ведь были и другие возможности?

— О, милая, ты права. Прекрасное место, не так ли? — девушка дождалась моего кивка. Отрицать это я не видела нужным, место и правда хорошее, как и люди. Тот же лекарь — добрый старичок помог мне подняться на ноги, еще и о заклятии сообщил, отдельное спасибо ему за это. — Это главное логово отступников, форт Огня. А находишься ты в поместье лорда командующего Кайроса Обермана.

Попала так попала. Таких новостей я не ожидала. Они огорошили меня. Надо срочно выбираться отсюда. Мне нельзя здесь находиться, надо мной и так висит занесенный меч императорского палача. Владеющая чистой силой — и где? В логове отступников! Доказывай потом, что ты не ты. И мать твоя, пусть и приемная, не вырастила тебя одной из преступников.

— Черт! Платье! — воскликнула я и выбежала из комнаты.

В моем ученическом платье, которое я так опрометчиво бросила в корзину с бельем, во внутреннем кармашке лежал сложенный в несколько раз рисунок. Портрет моей мачехи, Домины Ди Крейн, о котором я забыла. Доказательство ее причастности к отступникам, ее причастности к жрицам огня. И как я только могла проморгать такую важную вещь?! Прокол, просто невероятный прокол. Не дай боги, его найдут. И что тогда? Меня убьют. Кайрос — не тот человек, с которым я смогу играть на равных. Не та весовая категория, не те знания и не та сила. Да только поздно я вспомнила. Корзина с бельем была пуста. Горничные отменно выполняли свою работу, ничего не скажешь. Платья не было, не было и портрета. Его забрали вместе с грязными вещами и огромнейшим компроматом на мою семью.

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigoed.net